

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 78

Сборник статей

*Посвящается 140-летию Томского государственного университета
и 120-летию юридического образования в Сибири*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*, д-р юрид. наук, профессор *С.А. Елисеев*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прозументов*, д-р юрид. наук, профессор
М.К. Свиридов, д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеев, Л.М. Прозументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин, А.С. Князьков. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – Ч. 78. – 270 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-94621-714-9 (отд. кн.)

В сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», посвященной 120-летию юридического образования в Сибири, состоявшейся в Юридическом институте Томского государственного университета 25–27 января 2018 г., включены публикации преподавателей, научных сотрудников, аспирантов Юридического института ТГУ и других юридических учебных заведений Сибирского федерального округа. Рассмотрены актуальные вопросы уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, теоретические и практические вопросы уголовного процесса, а также актуальные вопросы теории и практики расследования преступлений криминалистическими средствами. Исследуются теоретические проблемы, вопросы практики деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных и судебных органов, вносятся предложения по повышению эффективности правового регулирования предупреждения преступности и предупредительной деятельности органов уголовной юстиции.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов уголовной юстиции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-94621-714-9 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2018

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

В.И. Плохова

О СООТНОШЕНИИ НАЗВАНИЯ И ДИСПОЗИЦИИ СТАТЬИ УК РФ

Соотношение названия статьи и признаков состава преступления, закрепленных в диспозиции статьи УК РФ, специально в юридической литературе не исследовалось. Из толкования термина «название» (словесное обозначение вещи, явления), общих требований к заголовку произведения, журнальной статьи – кратко отражать суть, содержание, быть информативным – можно заключить, что это обобщенное наименование содержащихся в диспозиции уголовно-наказуемых деяний, отражающих их суть. Лаконичность названия, отражение в нем общих, существенных свойств преступления не позволяют использовать только его для сопоставления с совершенным деянием, для квалификации преступления¹. Поэтому название статьи уголовного кодекса призвано совместно с диспозицией статьи наиболее полно закрепить признаки преступления. Эту роль корректно выполняет наименование, например, ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем». Даже без появившегося в диспозиции статьи указания на цель совершения финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенным другими лицами преступным путем – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом, – она отражена в названии статьи, в котором указана суть этих действий, общее для них – отмывание.

Однако в действующем УК РФ не всегда корректно название соотносится с диспозицией статьи. Например, наименование ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и произ-

¹ См. подробнее: Плохова В.И. Толкование признаков контрабанды // Lex Russica. 2016. № 5. С. 147–148.

водству предварительного расследования» предполагает как активные действия, так и бездействие. Однако диспозиция статьи – вмешательство в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия – предполагает только активные действия. В принципе из-за отмеченных особенностей названия – выделить общее, суть деяний, – неизбежна конкретизация уголовно наказуемых деяний или способа их совершения в диспозиции нормы. Например, в налоговых преступлениях (ст. 198, 199 УК РФ) границы уголовно-наказуемого уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов очерчиваются названными в диспозиции способами совершения уклонения – путем непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов либо путем включения в названные документы заведомо ложных сведений. И при такой конструкции требует обоснования выделение части действий или способа, видимо, наиболее опасных для общества. Но в случае, когда в диспозиции ст. 294 УК названы только действия, без указания на бездействия, которыми также может быть причинен вред охраняемому объекту, нарушается принцип равенства перед законом¹. Не случайно в таком соотношении исследователи преступлений против правосудия видят противоречие между названием и содержанием.

В силу не всегда корректного соотношения названия и диспозиции нормы в юридической литературе, правоприменительной, законодательной деятельности (диспозиция ст. 174 УК РФ в 2013 г. дополнена целью, несмотря на то что на нее указывает название статьи), признается, что признаки объективной стороны состава преступления закреплены только в диспозиции статьи.

¹ См. более подробно: Плохова В.И. Содержательные условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере (общие вопросы) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 105–116.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

Юридические лица в соответствии с действующим российским законодательством уголовной ответственности не несут. Однако в литературе в течение последних десятилетий ставится вопрос о необходимости установления такой ответственности за ряд преступлений. Эта идея стала настолько популярной, что получила закрепление в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, подготовленной рабочей группой Общественной палаты по содействию реформам правосудия. Предложениям об уголовной ответственности юридических лиц предшествовала научная дискуссия сторонников и противников установления такой ответственности.

Исследователи приводят следующие аргументы в пользу установления уголовной ответственности юридических лиц: общественно опасная деятельность юридических лиц в современной России приобрела значительные масштабы и наносит большой вред экономической и экологической безопасности страны, который по своим масштабам превосходит вред, причиненный отдельными физическими лицами; существующая система санкций в административном, налоговом и других отраслях законодательства не соответствует размеру вреда, причиненного юридическими лицами; привлечение к уголовной ответственности руководителей юридических лиц за преступления, фактически совершенные организациями, представляет собой объективное вменение, так как они действуют в соответствии со сложившейся практикой и не могут ничего изменить, даже осознавая вредность деятельности юридического лица. В качестве видов уголовных наказаний, которые могут быть применены к юридическим лицам, исследователи предлагают штраф, лишение его права заниматься определенной деятельностью и его ликвидацию, отдельные исследователи предлагают также конфискацию имущества юридического лица (Б.В. Волженкин, И.М. Гальперин, А.В. Наумов, А.Н. Игнатов и др.).

Однако значительная часть исследователей не принимает концепции уголовной ответственности юридических лиц и выдвигает против нее целый ряд весомых аргументов, а именно: такая ответст-

венность позволит уйти от уголовной ответственности руководителям конкретных предприятий, которые наносят вред, прежде всего экологии; институт уголовной ответственности юридических лиц не согласуется с другими институтами уголовного права, которые традиционно ориентированы на личную ответственность физических лиц (прежде всего речь идет о понятии деяния и вины юридических лиц, которые не могут быть представлены в виде физического проявления преступления и психического отношения к нему, а также о наказании, которое носит личностный характер, а санкции, применяемые к юридическим лицам, не носят личностного характера); круг преступлений, которые могут быть совершены юридическими лицами, является незначительным (некоторые экологические и экономические преступления, преступления, связанные с нарушением правил производства определенного рода работ или эксплуатацией крупно масштабных источников повышенной опасности, в ряде случаев коррупционные преступления), поэтому не стоит из-за этого изменять институты уголовного права, традиционно ориентированные на личную ответственность физических лиц; наиболее эффективными санкциями в отношении юридических лиц являются санкции в виде штрафов, которые применяются в рамках других отраслей законодательства (налогового, гражданского, административного и т.д.); зарубежный опыт уголовной ответственности юридических лиц не показал эффективность этого института (Г.Н. Борзенков, Н.Ф. Кузнецова, В.Г. Павлов и др.).

Полагаем, что наиболее значимым аргументом противников установления уголовной ответственности юридических лиц является сложность в определении оснований уголовной ответственности юридических лиц и определении юридической природы тех уголовно-правовых санкций, которые предлагаются за причинение вреда их деятельностью. Представляется, в данном случае нет основания такой ответственности, так как юридическое лицо не совершает преступления, совокупный результат его деятельности нельзя представить в виде физического деяния, которое свойственно преступлению, а вина в виде психического отношения к такому деянию и его последствиям отсутствует вовсе. Субъективным основанием ответственности юридических лиц в таких ситуациях является риск, на который они идут, осуществляя свою деятельность, а объективным – объективно-противоправное деяние. В целом реализация санкций в

отношении юридических лиц за последствия их деятельности – это объективное вменение. Между тем действующий уголовный закон декларирует субъективное вменение (ст. 5 УК РФ), в соответствии с которым вина предполагает психическое отношение лица к совершаемому им деянию в форме умысла или неосторожности (ст. 24–26 УК РФ). Санкции в отношении юридических лиц наказанием быть не могут, так как они не носят личностного характера и не могут лишить юридическое лицо свободы или ограничить в ней, ограничит по военной службе и т.д. Поэтому введение уголовной ответственности юридических лиц в российское уголовное законодательство не решит проблему предупреждения общественно опасных последствий деятельности этих субъектов. Наиболее конструктивным представляется существующий законодательный подход, при котором за вред, причиненный деятельности юридических лиц, они несут гражданско-правовую или административную ответственность, а физические лица, их представляющие, несут уголовную ответственность за принятие уголовно наказуемых решений.

А.В. Архинов

НОВЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, ПРИСВОЕНИИ И РАСТРАТЕ

30.11.2017 г. Пленумом Верховного Суда РФ было принято Постановление № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Данным Постановлением было отменено действовавшее ранее Постановление от 27.12.2007 № 51, в котором давались разъяснения по этим же вопросам.

Какие проблемы удалось решить Пленуму Верховного Суда РФ новым Постановлением и что осталось нерешенным?

В основу нового Постановления был положен ряд разъяснений, которые были даны Пленумом Верховного Суда РФ еще в 2007 г. Так, неизменными остались разъяснения относительно понятия обмана и злоупотребления доверием, понимание момента окончания мошенничества в форме приобретения права на имущество, опреде-

лении стоимости похищенного, квалифицирующих признаков (использования своего служебного положения, группа и др.), практически не изменились разъяснения, касающиеся присвоения и растраты.

Большинство новых разъяснений касаются специальных составов мошенничества, которые были введены в УК РФ значительно позже принятия Постановления № 51. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на изменение позиции Пленума Верховного Суда РФ по ряду вопросов, разъяснявшихся ранее.

Наиболее важным, на наш взгляд, новшеством являются разъяснения, данные в абз. 3 п. 17 и абз. 1 п. 21 Постановления, из которых следует, что безналичные денежные средства признаются предметом не только мошенничества, но и кражи (а стало быть, и грабежа, и разбоя). Представляется, что данные разъяснения ставят точку в давнем споре относительно правовой природы безналичных денежных средств, относя их к имуществу, а не к праву на него, что в свою очередь позволит более эффективно бороться с преступлениями против собственности, когда их предметом являются безналичные денежные средства.

Также заслуживает внимания абз. 1 п. 26 Постановления, в котором дается определение такого признака хищения, как корыстная цель. В предыдущем, теперь уже утратившим силу Постановлении имелось аналогичное разъяснение, согласно которого корыстная цель определялась как стремление виновного изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц. В принятом Постановлении приведенное разъяснение дополнено указанием на то, что круг лиц, которым виновный стремится передать похищенное имущество, неограничен. Это важное, на наш взгляд, дополнение имеет большое практическое и теоретическое значение. Не секрет, что употребление в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ термина «корыстная цель» как одного из конструктивных признаков хищения в силу его неконкретности существенно затрудняло применение норм о хищениях на практике и порождало многочисленные споры о его содержании среди ученых. Так, по мнению одних, корыстная цель имеет место только в тех случаях, когда виновный имеет намерение передать похищенное имущество лицам, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован (родственники, соучастники, контрагенты и

т.п.), другие же, напротив, усматривали корыстную цель при намерении передать похищенное имущество любым лицам. Как мы можем видеть, высшая судебная инстанция поддержала последнюю из приведенных точек зрения.

Анализируя разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, касающихся специальных составов мошенничества, усматривается тенденция на сужение сферы действия так называемых номерных составов.

Так, согласно п. 13 Постановления, кредитором в ст. 159.1 УК РФ (мошенничество в сфере кредитования) может являться только банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 ГК РФ). Таким образом, случаи хищения чужих денежных средств путем обмана, связанного с заключением договора займа с физическим лицом, микрофинансовой организацией или потребительским кредитным кооперативом, под действие ст. 159.1 УК РФ не подпадают, как не подпадают под ее действие и хищения, связанные с незаконным получением коммерческого кредита.

Пункт 15 Постановления дает узкое определение предмета преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, ограничивая его только социальными выплатами.

Пункт 20 существенным образом ограничивает действие ст. 159.6 УК РФ. Установлено, что способ совершения данного преступления – целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры) или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации. Не является способом совершения данного преступления неправомерный доступ к информации путем ввода чужих учетных данных.

Момент окончания мошенничества по общему правилу остался прежним, но исключение сделано для мошенничества, если его предметом явились безналичные денежные средства. Согласно абз. 2 п. 5 Постановления такое мошенничество считается оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

И.О. Ткачев

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

31 октября 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановил внести в Государственную Думу Российской Федерации проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

Согласно действующей редакции законопроекта, под уголовным проступком предлагается понимать преступление небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Таким образом, соответствующее деяние, по мысли Пленума ВС РФ, одновременно является и уголовным проступком, и преступлением небольшой тяжести. Такая двуединая правовая природа уголовного проступка вызывает нарекания.

Категория уголовного проступка известна уголовному праву достаточно большого количества зарубежных государств. Однако уголовный проступок рассматривается не как преступление, а как иной вид уголовного правонарушения. Вместе с тем анализируемым законопроектом не предусмотрены какие-либо существенные особенности реализации уголовной ответственности за уголовный проступок, как с позиции материального содержания, так и с позиции процессуальной формы.

Обобщение зарубежного уголовного законодательства показывает, что основным разграничительным критерием преступлений и уголовных проступков является наказание, которое может быть назначено за их совершение. При этом критерием дифференциации могут выступать максимальный размер предусмотренного законом наказания (УК Австрии), минимальный размер предусмотренного законом наказания (УК ФРГ) или вид предусмотренного законом наказания (УК Литвы). Последний из отмеченных выше критериев был известен отечественному законодательству дореволюционного периода (ст. 3 Уголовного уложения 1903 г.). Несмотря на то что в

юридической литературе такой подход справедливо критиковался¹, именно он нашел свое отражение в тексте законопроекта.

Как следует из пояснительной записки к законопроекту, целью введения анализируемой категории является гуманизация уголовного законодательства. Достижение указанной цели, согласно законопроекту, должно обеспечиваться за счет: 1) введения новых императивных оснований освобождения от уголовной ответственности для лиц, впервые совершивших уголовный проступок²; 2) сокращения сроков давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора в отношении лиц, совершивших уголовные проступки; 3) сокращения части наказания, которую фактически необходимо отбыть осужденному за уголовный проступок для условно-досрочного освобождения.

Однако достижение обозначенной выше цели возможно и без внесения столь коренных изменений в уголовное законодательство. Достаточно точечных изменений уголовного законодательства.

При этом реализация законопроекта на практике приведет к нарушению принципа равенства (ст. 4 УК РФ). Мерилом общественной опасности конкретного уголовно наказуемого деяния и лица, его совершившего, является именно назначаемое судом, а не предусмотренное законодателем в санкции наказание. В связи с этим не должны ставиться в неравное положение лица, осужденные к одинаковым наказаниям, не связанным с лишением свободы, только потому, что в санкции уголовно-правовой нормы, описывающей деяние одного из них, указано лишение свободы, а в санкции нормы, описывающей деяние другого, – нет.

А.М. Трухин

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МЕРА НАКАЗАНИЯ

Статья 8 УК РФ устанавливает: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 58.

² В зависимости от возраста лиц – в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия или иных мер уголовно-правового характера.

состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Общая дифференциация уголовной ответственности осуществляется посредством определения в диспозиции статьи Особенной части УК вида преступления, а в санкции – вида и размера наказания. При этом диспозиция определяется как абсолютно определенная, а санкция – как относительно определенная.

Относительно определенная санкция сконструирована в Особенной части УК с учетом того, что наряду с видовыми признаками состава преступления, предусмотренными в диспозиции Особенной части УК, могут иметь место еще и смягчающие и отягчающие обстоятельства, предусмотренные в Общей части УК. В законе нет конкретных указаний о том, как эти обстоятельства должны определять конкретную меру наказания, которую должен назначить суд в пределах относительно определенной санкции. Это порождает проблему реализации принципов уголовной ответственности.

Вынесенный судом приговор должен быть законным и справедливым. Это аксиома. Но часто суды назначают за тождественные преступления (по их юридической квалификации) совершенно разные наказания. Не случайно существует поговорка «Закон, что дышло, куда повернул туда и вышло». Полагаем, что общие начала назначения наказания в ст. 60 УК должны быть дополнены следующим положением: «В случае наличия в совершенном преступлении смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих обстоятельств наказание не может быть назначено свыше половины санкции статьи, предусмотренной за вид совершенного преступления, а в случае наличия в совершенном преступлении отягчающих обстоятельств и отсутствии смягчающих обстоятельств наказание не может быть назначено ниже половины санкции».

Законодатель, дифференцируя наказание за преступление, абсолютизирует максимум санкции, забывая о том, что еще и минимум санкции, который должен иметь такое же значение в правоприменительной практике как и максимум санкции. Полагаем, что законодатель допустил ошибку, исключив из некоторых санкций указание на их минимум. Возникает вопрос: почему в санкции ст. 105 УК есть указание на минимум наказания, а в санкции ст. 111 УК указания на минимум наказания нет?

Законность, равенство и справедливость могут иметь место только там, где при назначении меры наказания в пределах относительно

определенной санкции учтены только те обстоятельства, которые предусмотрены законом. Только они могут определять квалификацию вида совершенного преступления как основания уголовной ответственности субъекта преступления. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, определяют конкретную тяжесть конкретно совершенного преступления наряду с видовыми признаками состава преступления. В совокупности они определяют вид и тяжесть совершенного преступления, а также вид и тяжесть назначенного наказания.

Суть справедливости конкретной меры (размера) наказания заключается в том, что эта мера соответствует конкретной тяжести преступления. Юридический состав конкретного преступления определяет конкретную меру наказания.

Может возникнуть вопрос: не слишком ли формализует предложенное нами дополнение общих начал назначения наказания процесс назначения наказания, не сужает ли оно необоснованно пределы судебного усмотрения? Можем со всей убежденностью ответить, что нет.

Судебное усмотрение нельзя отождествлять с субъективизмом. Усматривать значит познавать, оценивать, устанавливать и только потом применять. Суд устанавливает наличие в совершенном деянии юридически значимых обстоятельств (признаков), юридически квалифицирует установленный состав преступления и назначает за него законное и справедливое наказание в пределах установленной санкции.

Э.В. Лядов

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ САНКЦИИ

Экономия уголовной репрессии предполагает рациональный подход к использованию всей системы наказаний: не увлечение одним каким-либо видом наказания, например лишением свободы, а именно использование всего перечня наказаний для достижения тех целей, которые стоят перед наказанием.

Как верно указывает А.В. Арндаренко, для того чтобы санкция, определяемая законодателем, была наиболее справедливой, следует более глубоко и четко учитывать социальные факторы: необходимо

исключить поспешность при создании законопроектов и принятии законов; привлекать к обсуждению законопроектов как можно большее число ведущих ученых-юристов; необходимо четко представлять социальную значимость тех или иных общественных отношений, на которые направлены посягательства, провести полный и всесторонний анализ последствий защиты общественных отношений от посягательств: не окажутся ли они более негативными, чем само посягательство¹.

В целях назначения судом справедливого наказания, – подчеркивает Т.В. Непомнящая, – оптимальным представляется наличие в санкциях норм не более трех-четырёх основных видов наказания. С одной стороны, такие конструкции санкций предоставляют суду право определенной свободы при выборе вида наказания, а с другой стороны – ограничивают судебское усмотрение и способствуют единообразной практике назначения наказания². «Справедливость, – отмечает С.С. Алексеев, – представляя по своей основе социально-нравственное явление в нашем обществе... приобретает значение правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования, в тех началах “соразмерности”, “равного масштаба” и т.д., которые присущи самому построению правовых инструментов (например, при определении размера санкций...)»³.

На наш взгляд, формирование санкции должно строиться исходя из наличия в первую очередь в ней наказаний, альтернативных лишению свободы. Данное правило должно однозначно присутствовать при формировании законодателем санкции за совершение преступления небольшой и средней тяжести. В данной санкции наказания в виде лишения свободы быть не должно. Здесь, конечно же, возникает вопрос каким образом установить категорию совершенно-

¹ Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в системе уголовного права Российской Федерации // Адвокат. 2007. № 5. С. 24–34.

² Непомнящая Т.В. Наказание за преступления в сфере экономической деятельности в эпоху финансово-экономических перемен // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 83.

³ Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права. Курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев ; науч. ред.: Р.К. Русинов ; отв. за вып.: В.М. Семенов. Свердловск : Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1972. Т. 1. С. 108.

го преступления, поскольку как раз основным критерием категоризации преступлений является максимальный срок лишения свободы, возможный к назначению и закрепленный в санкции конкретной статьи. Одним из вариантов решения данного вопроса может быть, например, внесение изменений в ст. 15 УК РФ, определяющую категории преступлений. Не должно быть альтернативных санкций с практически беспредельным выбором наказаний к назначению, целиком и полностью возлагающих решение данного вопроса на усмотрение судьи. В настоящее время можно отметить, что санкции отдельных норм построены в нарушение принципа справедливости. Выражается данное нарушение в одновременном присутствии в санкции как наказаний, представляющих собой альтернативу лишению свободы и собственно лишения свободы. Причем в одной санкции присутствуют серьезно различающиеся по карательному содержанию такие виды наказаний, как штраф и лишение свободы. Т.е. за одно и то же преступление, при одних и тех обстоятельствах виновный может оказаться как в местах лишения свободы, так и, оставшись на свободе, уплатить штраф. Данное обстоятельство говорит о явной несбалансированности построения уголовно-правовых санкций и, на наш взгляд, требует серьезной проработки. Одним из многочисленных примеров такой санкции может быть ч. 4 ст. 303 УК РФ предусматривающая штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение свободы до 4 лет.

О.В. Обернихина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОБРАТНОЙ СИЛЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Понятие уголовно-исполнительной политики, реформирование которой идёт в настоящее время особенно интенсивно, тесно связано с понятием уголовной политики; по сути, уголовно-исполнительная политика является частью уголовной политики в широком её понимании¹. Объединяет их и то, что обе они направлены на гуманиза-

¹ См.: Одинцова Л.Н. Принцип гуманизма как эстетическая категория в сфере обеспечения уголовно-правовой и уголовно-исполнительной охраны прав и

цию мер государственного воздействия, а также гармонизацию норм различных отраслей права. Ряд статей уже переведены из уголовных в состав административных либо вовсе декриминализованы и депенализованы. Широкое распространение приобрел такой способ гуманизации наказаний и мер уголовно-правового характера, как имплементация ратифицированных норм международного права.

Однако при рецепции иностранного права из поля зрения законодателя нередко выпадает ряд существенных законодательных разработок, принятых в свое время высшими органами государственной власти, отражающих определенные национальные интересы и правовые традиции страны¹.

Преобразования подобного рода влекут за собой ряд проблем практического применения, основная масса которых связана с приведением ранее вынесенных приговоров судов, по которым наказание отбывается, в соответствие с новым законом (ст. 10 УК РФ). Наиболее сложными, с точки зрения практики, следует считать проблемы определения факта улучшения или ухудшения положения лица, отбывающего наказание. Чтобы не допустить ошибки, сначала нужно определить, как именно изменится правовое положение осужденного. К сожалению, на современном этапе, нет ни одного четко установленного перечня критериев, который бы позволил упростить процедуру приведения в соответствие положениям нового уголовного закона ранее вынесенных решений суда, наказание по которым исполняется.

Анализ судебной и правоприменительной практики позволил нам выделить в качестве критериев, смягчающих наказания и улучшающих положение осужденного, следующие: 1) снижение максимального или минимального пределов основного или дополнительного наказания либо исключение из санкции более строгого вида наказания; 2) введение более мягкого вида наказания; 3) исключение дополнительного наказания, в случае, если не изменяется основное; 4) допускается альтернативное применение дополнительного наказания, вместо обязательного, предусмотренного прежним законом; 5) усиливает наказание в одном из пределов и смягчает в другом,

свобод человека, гражданина, осужденных // Вестник Кузбасского института. 2013. № 2 (15). С. 86–96.

¹ Жекебаев У.С. К вопросу о преемственности в уголовном праве // Право и государство. 2013. № 3 (60). С. 43–17.

при этом наказание определяется между минимум низшего предела санкции одного закона и максимум верхнего предела санкции другого закона; 6. изменение категории совершенного преступления, при снижении общественной опасности личности; 7) создание возможности скорейшего условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, снижение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, исполнения обвинительного приговора и погашения судимости; 8) включение новых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, в том числе содержащиеся в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ; 9) устранение квалифицирующих признаков конкретных составов преступлений.

Таким образом, введение в законодательство предлагаемого перечня критериев в качестве улучшающих положение осужденного и смягчающих отбываемое им наказание позволит: упростить судопроизводство по указанным вопросам, ускорить процедуру рассмотрения и принятия решений по жалобам осужденных о приведении приговоров в соответствие, снизить нагрузку на судебные органы, будет способствовать реализации конституционных принципов.

С.С. Уткина

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ

Из структуры Особенной части УК РФ следует, что жизнь и здоровье человека отнесены законодателем к важнейшим объектам уголовно-правовой охраны. Уголовным законом умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) отнесено к тяжким преступлениям, а при наличии особо отягчающих обстоятельств – к особо тяжким. Его повышенная общественная опасность определяется последствиями преступления: длительным ухудшением здоровья, утратой трудоспособности, в отдельных случаях (ч. 4 ст. 111 УК РФ) – смертью потерпевшего.

В соответствии со ст. 6 УК РФ «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемы к лицу, совершившему преступ-

ление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Судя по содержанию ст. 111 УК РФ, предусмотренные ею санкции безальтернативны (ч. 1 – до 8 лет лишения свободы, ч. 2 – до 10 лет, ч. 3 – до 12 лет, ч. 4 – до 15 лет). Это вполне понятно, учитывая отмеченную важность объекта уголовно-правовой охраны. Очевидно, что приведенные санкции в целом отвечают изложенному выше принципу справедливости.

Однако судебная практика последних лет вносит сюда существенные коррективы, связанные с применением условного осуждения. Причем, на наш взгляд, не всегда справедливо.

Такая тенденция, имеющая место во многих регионах, прочно укоренилась в Томской области. По России доля осужденных условно по всем категориям преступлений, хотя и остается значительной, но постоянно снижается (в 2011 г. – 35,6%, в 2014 г. – 27,4%, в 2016 г. – 25,1%). Судами Томской области, начиная с 2011 г., за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лишение свободы условно ежегодно назначается в среднем 50% осужденным. Главным образом, за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ. Однако встречаются факты условного осуждения и по ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ.

Анализ судебной практики показывает, что за совершение преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, наказание в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ назначалось при отсутствии у виновных судимости, с учетом положительных характеристик, смягчающих наказание обстоятельств, в том числе противоправного или аморального поведения потерпевших, явившегося поводом для совершения в отношении них преступлений.

Характерным является приговор Кривошеинского районного суда Томской области от 24 февраля 2015 г., которым Р. осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 6 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года. При назначении наказания суд учел отсутствие у осужденного судимости, положительную характеристику, преклонный возраст матери осужденного, а в качестве смягчающих наказание обстоятельств – признание вины, раскаяние, явку с повинной и противоправное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления. Обстоятельств, отягчающих наказание, установлено не было.

Вместе с тем при осуждении по ч.и 3 и 4 ст. 111 УК РФ также назначалось наказание с применением ст. 73 УК РФ при отсутствии смягчающих обстоятельств, а также при наличии отягчающих обстоятельств. Так, приговором Советского районного суда г. Томска от 16 апреля 2015 г. С. был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ к 4 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года. При назначении С. наказания суд учел отсутствие у него судимости, положительную характеристику, полное признание вины и раскаяние в содеянном. Обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, судом не было установлено.

Еще одним примером является приговор Северского городского суда Томской области от 30 декабря 2016 г., которым по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ осуждены С. к 6 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 5 лет и М. к 5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 5 лет. При назначении наказания судом учтены сведения о личности осужденных, наличие смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 61 УК РФ. Вместе с тем учтено, что М. совершил преступление, имея неснятую и непогашенную судимость за умышленное преступление. Также в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ учтено отягчающего наказание С. и М. обстоятельство – совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

Подобные примеры не единичны.

Довольно странно, что в таких случаях ни потерпевшие, ни прокуратура не обжалуют приговоры в апелляционном порядке по мотивам мягкости наказания.

Некоторые ученые предлагают запретить законом назначение условного осуждения за преступления, предусмотренные ст. 111 УК РФ, поскольку это воспринимается как «безнаказанность» и в итоге способствует новым аналогичным преступлениям. По нашему мнению, такой запрет был бы излишне категоричным (косвенно он уже существует в «привязке» к срокам лишения свободы при условном осуждении – до восьми лет). Но все же следовало бы обратить более пристальное внимание на два обстоятельства. Первое: принцип справедливости, как он раскрыт в ст. 6 УК РФ, должен полноценно распространяться не только на наказание, но и на «иные меры уголовно-правового характера». К числу таковых «де-факто» относится условное осуждение. Второе: применение условного осуждения

должно учитывать не только «возможность исправления осужденного» (ч. 1 ст. 73 УК РФ), но и достижение иных целей наказания (ст. 43 УК РФ) без его реального отбывания.

А.В. Васеловская

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, СОЕДИНЕННЫЕ С ИСПОЛНЕНИЕМ НАКАЗАНИЯ

Анализ гл. 15 Уголовного кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что принудительные меры медицинского характера (ПММХ) могут выступать не только в качестве основной (самостоятельной) уголовно-правовой меры¹, но и назначаться наряду с наказанием. Отметим некоторые особенности ПММХ, соединенных с исполнением наказания.

1. Вид ПММХ, назначаемых наряду с наказанием.

Согласно ч. 2 ст. 99 Уголовного кодекса РФ, наряду с наказанием может быть назначен только один вид принудительных мер медицинского характера, а именно принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях. Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, наряду с наказанием применено быть не может.

Это положение весьма логично, поскольку в данном случае в отношении лица помимо принудительных мер медицинского характера должно неукоснительно исполняться наказание, назначенное ему за нарушение уголовно-правового запрета.

В случае ухудшения состояния здоровья лица (обострения психической симптоматики), помещение осужденного в психиатрический стационар производится не через изменение вида принудительного лечения (с амбулаторного на стационарное), а путем госпитализации в добровольном или недобровольном порядке.

¹ Шеслер А.В. Уголовная ответственность: вопросы теории // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы науч.-практ. конференции. Новокузнецк, 2012. С. 143–151.

При отсутствии согласия лица на лечение, т.е. при госпитализации в недобровольном порядке, выносится судебное решение, принимаемое посредством административного судопроизводства. В такой ситуации в отношении осужденного одновременно действует два судебных акта, оба из которых обязывают гражданина пройти лечение. Фактически же на период госпитализации реально действует лишь тот судебный акт, на основании которого лицо было помещено в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Амбулаторное принудительное лечение в период, когда лицо находится в стационаре, не требуется и реализовано быть не может.

2. Срок применения ПММХ, соединенных с исполнением наказания.

Принудительные меры медицинского характера, назначенные в качестве самостоятельной меры, не ограничены законодателем заранее определенными сроками, поскольку зависят от динамики психического состояния лица, к которому применены ПММХ, а также от степени его опасности для себя и / или других лиц, способной проявиться в связи с имеющимся у него расстройством психики.

В отношении ПММХ, соединенных с исполнением наказания, Уголовный кодекс РФ также не содержит в себе нормы, регламентирующей длительность такого лечения. Однако в силу дополнительного характера данных мер в литературе можно встретить мнение о том, что срок принудительного лечения в этом случае должен быть ограничен сроком исполнения наказания.

На наш взгляд, данное утверждение не согласуется с законом и не отвечает сущностному содержанию самих ПММХ. Длительность принудительного лечения, независимо от того, применяется ли оно в качестве основной или дополнительной меры, не может быть ограничена заранее определенным сроком. В основу определения срока лечения должны быть заложены медицинские критерии, учитывающие и отражающие диагноз заболевания, его динамику и тенденции к выздоровлению.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ПРОЕКТУ УК СССР 1939 Г.

Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.¹ (далее – проект УК СССР) представляет широкий научный и практический интерес с точки зрения построения системы особенной части российского уголовного права. Проект УК СССР структурно состоял из Общей и Особенной части. Нормы Особенной части содержали перечень деяний, признаваемых преступлениями, и виды и размеры наказаний за них.

Очевидно, что система Особенной части проекта УК СССР отражала приоритеты уголовно-правовой охраны, характерные для идеологии социализма, поскольку порядок расположения разделов в проекте УК СССР отражал ту иерархию ценностей, которая устанавливалась Конституцией СССР 1936 г. Первое место здесь занимали преступления государственные (раздел I).

Родовым объектом посягательств в разделе I «Преступления государственные» выступали общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства, и выделялось три группы преступлений по видовому объекту: контрреволюционные преступления (глава I ст. 64–81), хищения социалистической собственности (глава II ст. 82–84), преступления против государственного управления (глава III ст. 85–108).

Однако внутри глав этого раздела не всегда соблюдалась логика в их построении, представленности уголовно-правовых предписаний, соответствии непосредственного объекта посягательства видовому, который заявлен в наименовании главы. Так, в главу III «Преступления против государственного управления», видовым объектом которых выступают общественные отношения, обеспечивающие основы государственного управления Союза СССР и социалистического хозяйства, помимо таких преступлений, как массовые беспорядки, квалифицированные массовые беспорядки, возбуждение национальной вражды или розни и др., были включены статьи, содержащие уголовно-правовые запреты деяний, посягающих на отличные от

¹ Проект Уголовного кодекса СССР. Разработан Всесоюзным институтом юридических наук СССР. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 150 с.

заявленных в наименовании главы объекты: бандитизм, похищение оружия (видовой объект – общественная безопасность), разрушение или повреждение путей сообщения, нарушение трудовой дисциплины на железнодорожном и водном транспорте, нарушение трудовой дисциплины на воздушном транспорте и др. (видовой объект – безопасность движения и эксплуатации транспорта).

Внимательное изучение раздела I Особенной части проекта показывает, что в отдельных случаях определения уголовно-правовых понятий (так называемые нормы-дефиниции) выделялись в самостоятельные статьи. Так, в статьях проекта приводились понятия: контрреволюционного преступления (ст. 63), хищения социалистической собственности (ст. 82), преступления против государственного управления (ст. 85).

Анализ приёмов законодательной техники по способу изложения элементов юридической нормы в тексте раздела I Особенной части проекта УК СССР свидетельствует об использовании бланкетного (ст. 95, 98, 103 и др.) и ссылочного (84, 105, 108) технико-юридических приёмов. Представляется, это было обусловлено стремлением законодателя избежать ненужной детализации, экономно расходовать языковые средства, обеспечивать константность уголовного закона в условиях динамики социальных отношений. В то же время нельзя не увидеть, что большое количество норм с бланкетными диспозициями затрудняло восприятие текста уголовного закона.

Изучение системы государственных преступлений по проекту УК СССР демонстрирует использование разнообразных приёмов изложения уголовно-правовых предписаний – прямого, бланкетного и ссылочного. В разделе I нашли отражение юридико-технические способы конструирования норм-дефиниций. Авторы проекта стремились достичь достаточной степени обобщения и конкретизации в описании признаков составов преступлений. Как известно, проект УК СССР не был воплощен в жизнь, но его положения были использованы в дальнейшей законопроектной работе.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 137 УК РФ

Как следует из Доктрины информационной безопасности РФ, одним из основных направлений обеспечения информационной безопасности является обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности. Реализации такого требования призвана ст. 137 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну.

Основная сложность применения указанной нормы состоит в отсутствии легальных определений «частная жизнь лица», «личная тайна», «семейная тайна», что влечет трудности их разграничения и соотношения (куда, например, отнести тайну завещания). Так, из ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» следует, что сведения о «частной жизни», «личная тайна» и «семейная тайна» – понятия с самостоятельными содержаниями (все вместе являющиеся частями понятия «персональные данные»). Однако, как следует из смысла диспозиции ст. 137 УК РФ, «сведения о частной жизни», с одной стороны, и «личная или семейная тайна» – с другой, соотносятся как содержание и форма. Отсутствие единого понимания содержания указанных понятий ст. 137 УК РФ не раз становилось причиной обращения в Конституционный Суд РФ, но данные им разъяснения окончательной ясности не внесли.

Конституционный Суд РФ выделяет следующие признаки предмета преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Так, к сведениям о частной жизни следует относить область жизнедеятельности человека, относящуюся только к нему, касающуюся только его, не подлежащую контролю со стороны общества и государства, не носящую противоправный характер. Это сведения ограниченного доступа, т.е. носящие конфиденциальный характер. Эта информация не доверена никому. Человек имеет право и возможность контролировать эту информацию, препятствовать её разглашению.

Применительно к части предмета преступного посягательства, относящегося к тайне, Конституционный Суд РФ считает, что лишь

само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне. Таким образом, наполнение конкретным содержанием личной или семейной тайны – субъективное усмотрение лица.

Полагаем, наличие только такого субъективного (зависящего только от потерпевшего) критерия при определении преступного посягательства может привести к возможности произвольного толкования в силу отсутствия общедоступной информации – неприкосновенность каких конкретно сведений охраняется уголовным законом.

Стабильности практики, на наш взгляд, способствовало бы введение и объективного критерия. Что может выступать в качестве такового? Возможны два варианта. Первый – перечисление сведений, составляющих личную и семейную тайну (или, напротив, сведений, которые к таковым точно относиться не могут). Это решение осложняется невозможностью заранее предусмотреть исчерпывающий перечень таких данных, а открытость перечня не снимает вопроса о возможности неоднозначного толкования. Второй – это закрепление состава материальным (как и было раньше – до изменений 2003 г.), когда в качестве условия привлечения к ответственности было бы причинение вреда правам и законным интересам граждан.

Ранее норма содержала «отягощение» субъективной стороны в виде корыстной или иной личной заинтересованности. Вряд ли стоит возвращаться к такой формулировке. Объективная сторона преступления может совершаться и с целью причинения вреда – без личной заинтересованности, а может и вовсе не иметь никакой противоправной цели, например сбор и последующее использование архивных сведений при социологическом исследовании.

И.П. Галыгина

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Анализируя положения о том, какие сведения составляют тайну частной жизни лица и при этом подлежат охране, в том числе и уголовно-правовыми средствами, спорным остается вопрос о признании личной тайной сведений, касающихся противоправного, тем более

преступного поведения человека. В литературе большинство ученых отмечают, что такие сведения «хотя и составляют личную тайну, но разглашение ее (в соответствии со ст. 55 Конституции) не будет являться уголовно наказуемым»¹.

Соответствующие разъяснения по данному вопросу дал и Конституционный Суд РФ, пояснив, что «преступное деяние не относится к сфере частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия»². Однако, на наш взгляд, и учеными, и правоприменителем не учитывается тот факт, что противоправное поведение лица могло иметь место в прошлом, и лицо понесло все неблагоприятные последствия, которые закон связывал с совершением данного противоправного деяния. Мы считаем, что в указанном случае сведения о прошлом противоправном поведении лица должны составлять его личную тайну и в качестве таковой подлежать уголовно-правовой защите. Так, например, на наш взгляд, погашенная или снятая судимость лица должна рассматриваться как сведения, относящиеся к его частной жизни и в этом качестве составляющие личную тайну.

В особенности указанное положение, на наш взгляд, значимо для несовершеннолетних, которые при совершении преступлений не до конца осознают «отдаленные» последствия совершения ими преступного акта и последующего осуждения. Поэтому сведения об имевшей место в прошлом судимости несовершеннолетнего, в том числе и об отбываемом им виде наказания, не должны разглашаться (сообщаться) кому-либо и, как следствие, судимость лица, в том числе и факт осуждения за совершение преступления к наказанию в виде лишения свободы, имевшие место в несовершеннолетнем возрасте, не должны сообщаться иным лицам, в том числе и отражаться в данных соответствующих учетов. Уместно отметить, что аналогичные решения есть в зарубежном законодательстве, в частности, в

¹ Калашникова Е.Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни лица : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 122.

² О проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ [от 14. июля 1998 г.] // Собрание законодательства РФ. 1998. № 34. Ст. 4368.

федеральном законодательстве Соединенных Штатов Америки (§ 5038 раздела 18 Свода законов США)¹.

В соответствии со сказанным выше нами предлагается дополнить ст.ю 95 УК РФ «Сроки погашения судимости» гл. 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» действующего УК РФ ч. 2 следующего содержания:

«Судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, не учитываются при рецидиве преступлений, назначении наказания и не влекут за собой иных правовых последствий, в том числе и последствий, которые установлены иными федеральными законами».

О.В. Ермакова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 158.1 УК РФ

В последние годы для целей профилактики административных правонарушений законодателем активно используется институт административной преюдиции.

Внедрение норм с административной преюдицией произошло и в преступлениях против собственности, перечень которых в 2016 г. был дополнен ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию».

Некоторые из проблем квалификации указанного преступления становятся очевидными уже при ознакомлении с диспозицией данной нормы. В частности, уголовная ответственность не наступает при многократном мелком хищении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ, поскольку в ст. 158.1 речь идет только о ч. 2 данной статьи КоАП РФ². Подобное законодательное решение выглядит удивительным в свете представленной пояснительной записки к проекту

¹ Нека Л.И. Вопросы ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=1298&id=21> (дата обращения: 11.11.2017).

² Кадников Б.Н. К вопросу об уголовной ответственности за мелкое хищение // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 26–28.

Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», согласно которой введение уголовной ответственности за повторное мелкое хищение будет способствовать профилактике такого рода правонарушений¹.

Кроме того, законодателем не конкретизировано, любое ли мелкое хищение, совершенное повторно, будет образовывать преступление либо предусмотренное исключительно ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

По нашему мнению, исходя из буквального толкования диспозиции ст. 158.1 УК РФ, отсутствие указания на определенный вид административного правонарушения позволяет понимать данную норму расширительно и объявлять преступным повторное совершение мелкого хищения, предусмотренного как ч. 1, так и ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

При анализе состава мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, возникает вопрос относительно момента окончания преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ.

Установление момента окончания мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, вызывает сложности, поскольку разъяснения относительно этой разновидности хищения со стороны Верховного Суда РФ отсутствуют, в свою очередь, момент окончания остальных форм хищения, закрепленный в постановлениях Пленума, не является унифицированным (для кражи, грабежа – это момент изъятия имущества и появления возможности пользоваться или распоряжаться похищенным; для разбоя – это момент нападения и т.д.).

По нашему мнению, принимая во внимание, что мелким может признаваться только хищение, совершенное в форме кражи, мошенничества, присвоения или растраты, то момент окончания необходимо определять по аналогии с теми разъяснениями, которые предложены для каждой из названных форм.

¹ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» // СПС КонсультантПлюс.

Еще одним вопросом, связанным с моментом окончания преступления, является проблема покушения на совершение мелкого хищения.

Исходя из буквального толкования ч. 3 ст. 30 УК РФ, покушение на преступление – умышленные действия (бездействие) лица, *непосредственно направленные на совершение преступления*, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (курсив мой. – *О.Е.*). Следовательно, действия, направленные на совершение административного правонарушения, покушения не образуют.

Однако судебная практика подобные случаи квалифицирует как покушение на мелкое хищение¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что необходимо внести изменения в понятие покушения на преступление, предусмотрев его особенности в преступлениях с административной преюдицией.

Ю.Г. Голубицкий

ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ

Федеральным законом РФ № 323-ФЗ от 03.07.2016 в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 158.1, предусматривающая уголовную ответственность за мелкое хищение. Изменения в законодательстве, с одной стороны, декриминализировали ряд деликтов в отношении собственности, с другой стороны, криминализировали их.

Общепринято считать, что основанием криминализации является общественная опасность деяния. В современном российском уголовном праве до недавнего времени законодатель использовал именно такую конструкцию. Однако с 2016 г. введена административная преюдиция в отношении лиц, совершивших хищения на сумму до 2500 рублей. Внушительное число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за различные хищения стало, пожалуй, главным катализатором изменения законодательства. Количество осужденных по ч. 1 ст. 158 УК РФ, начиная с 2012 г., ежегодно пре-

¹ Архив Бологовского городского суда Тверской области. Дело № 1-90/2017 г. URL: <https://rospravosudie.com/>

вышло 30 тыс. человек, а общее количество осужденных ежегодно превышает 700 тыс. человек и имеет тенденцию роста. При данной тенденции доля лиц, когда-либо привлекавшихся к уголовной ответственности, превысило бы все разумные пределы. Однако частичная декриминализация, например путем повышения стоимостного ценза, развязывает руки определенному контингенту. При этом анализ криминологических характеристик лиц, привлеченных по ст. 158–160 УК РФ (так как диспозиция рассматриваемого состава предусматривает совершение мелкого хищения путем мошенничества, присвоения и растраты), позволяет выделить две существенные группы. Первая – это маргинальные слои общества, для которых мелкое воровство – это источник средств существования, и вторая группа, отличающаяся высоким уровнем социализации.

Можно говорить, что одинаковые деяния могут быть совершены с равной долей вероятности принципиально разными представителями общества. При этом нельзя однозначно сказать, что кражу на сумму от 1000 рублей, как это было до 2016 года, является общественно опасным деянием. В данном случае такой минимальный стоимостной ценз с нашей точки зрения выполняет превентивную функцию.

Как отмечает А.И. Коробеев, краеугольным камнем всей теории криминализации является проблема оснований уголовно-правового запрета, т.е. тех правообразующих факторов, которые обуславливают допустимость, возможность и целесообразность признания общественно опасного деяния преступным и уголовно наказуемым.

Вышеприведенный вывод о кардинально противоположных криминологических характеристиках лиц, совершающих мелкие хищения, в совокупности с данными о количестве осужденных за деяния, попадающие под современное определение мелкого хищения, приводят к мысли, что сложившуюся тенденцию можно изменить, дав шанс впервые оступившимся лицам. Если же лицо не сделало для себя выводы, считая возможным в дальнейшем совершать аналогичные поступки, поступок становится общественно опасным.

В данном случае выход видится в том, чтобы криминализировать отдельные деяния на основании определения общественной опасности личности. Одни и те же деяния, совершенные разными лицами, имеют различную общественную опасность. Таким образом, можно сделать вывод, что основанием криминализации мелкого хищения на сегодня стало такое понятие, как общественная опасность личности.

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ХИЩЕНИЯ

Общее понятие хищения определено в уголовном законе как материальный состав преступления (ч. 1 примечания к ст. 158 УК РФ). Поэтому в судебной практике хищение считается оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. Причем такая возможность связывается с потребительскими свойствами имущества (см., например, п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Исключение составляет разбой, понятие которого в законе сформулировано как формальный состав преступления и который будет оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, сопряженного в применении насилия, указанного в ч. 1 ст. 162 УК РФ. Это обусловлено двухобъектным характером разбоя, посягающего на собственность как основной объект преступления и отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека или его психическую неприкосновенность, выступающие в качестве дополнительного объекта преступления.

Общий подход к определению момента окончания хищения не исключает уточнения его особенностей в судебной практике в отношении каждой формы хищения. Присвоение является оконченным хищением с момента, когда виновный совершил незаконные действия по обращению имущества в свою пользу, растрата – с момента незаконного потребления, израсходования или отчуждения виновным вверенного ему чужого имущества. Если в качестве предмета мошенничества выступает право на чужое имущество, то оно является оконченным с момента появления у мошенника возможности, юридически закрепленной, вступить во владение или распоряжение этим имуществом как собственным (с момента регистрации права на имущество и т.д.). Если предметом являются безналичные денежные средства, то моментом окончания хищения является изъятие денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств (см. п. 5, 6, 24 Постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

Имущество, изъятое или ограничено в гражданском обороте (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, наркотические средства и психотропные вещества, имущество, подвергнутое описи, аресту либо подлежащее конфискации и др.), составляет предмет специальных видов хищений, предусмотренных не 21-й главой, а другими главами УК РФ (ст. 221, 226, 229, 312 УК РФ и др.). Момент окончания хищения этих предметов в судебной практике связывается с моментом их изъятия, а не с моментом получения виновным реальной возможности пользоваться или распоряжаться похищенным по своему усмотрению (см., например, п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»; п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»). Данное обстоятельство обусловлено тем, что имущество, изъятое или ограниченное в гражданском обороте, обнаруживает не сколько экономические свойства, сколько иные свойства собственности (как элемента общественной безопасности, общественной нравственности и т.д.). Поэтому преступный вред состоит не столько в ущербе их владельцу, сколько в выходе имущества из-под установленного нормативно-правовыми актами официального контроля в результате изъятия из чужого владения.

Итак, юридически момент окончания хищения зависит от законодательной конструкции хищения, его формы и особенностей предмета хищения. Это влияет на квалификацию преступления и его наказуемость как оконченного или неоконченного (ст. 30, 66 УК РФ).

И.А. Никитина

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Своеобразие кредитно-банковской области, ее значимость для обеспечения эффективного функционирования всего механизма хо-

зайствования, а также привлекательность для любителей получения «легких денег» подтолкнули российского законодателя на поиски новых путей противодействия, в том числе с помощью уголовно-правовых средств, мошенническими действиями в сфере кредитования. Однако предпринятый законодателем шаг, заключающийся в конструировании нормы, закрепленной в ст. 159¹ УК РФ, судя по мнению ученых и трудностям практических работников, не оправдал ожиданий, не привел ни к минимизации правоприменительных ошибок, ни к улучшению криминогенной обстановки в соответствующей сфере.

В противодействии кредитному мошенничеству ст. 159¹ УК РФ оказалась малоэффективной отчасти ввиду неудачного использования средств юридической техники. Один из серьезных недостатков подобного рода заключается в несоответствии между наименованием статьи и содержанием ее диспозиции. Название «мошенничество в сфере кредитования» способно охватить широкий круг мошеннических действий, совершаемых в пределах функционирования рассматриваемого сектора экономики, т.е. в границах общественных отношений, связанных с получением или предоставлением кредита. В то же время содержание диспозиции данной статьи, судя по сочетанию употребленных в ней терминов (кредитор – банк – заемщик – денежные средства), позволяет распространять закрепленную здесь норму лишь на случаи мошенничества под прикрытием кредитного договора, причем совершаемого лицом, получающим кредит.

Несоответствие между наименованием ст. 159¹ УК РФ и содержанием ее диспозиции небезобидно. Оно создаёт у правоприменителя иллюзию, будто мошеннические действия, совершаемые в кредитной сфере, но не охватываемые названным содержанием, вообще неправомерны.

Представляет особую проблему учет мошеннических схем, в рамках которых руководители предприятий принуждают своих работников к получению в банке кредитов под предлогом выплаты долгов предприятия и недопущения его банкротства. Затем руководство скрывается с денежными средствами, а работники вынуждены выплачивать взятые кредиты. Мошеннические действия, образующие данную преступную схему, обладают повышенной общественной опасностью по той причине, что, во-первых, в заблуждение вводятся сразу несколько потерпевших, во-вторых, вред причиняется нескольким объектам (отношения собственности, кредитные отно-

шения), в-третьих, у недобросовестного работодателя есть необходимые средства для облегчения совершения преступления: более полная осведомленность о делах компании, чем у работников, наличие статуса руководителя и соответствующих полномочий, доверие работников к лицу, занимающему столь высокий пост в организации, и т.п. Возможно, по этой причине некоторые исследователи сомневаются в адекватности уголовно-правовой оценки подобного поведения на основании ст. 159¹ УК РФ, поднимая вопрос о конструировании для такого рода случаев специальной нормы.

Статья 159¹ УК также не может быть применена к ситуациям, когда лицо под влиянием обмана заключает договор с кредитной организацией через недобросовестных торговых агентов. Это имеет место, когда потребители приглашаются в салоны (сети, занимающиеся распространением косметических услуг или каких-либо товаров), где под видом договора купли-продажи оформляются кредитные договоры на покупку продукции на крупные суммы. Покупатели обращаются в полицию с заявлениями о совершенных в отношении них мошеннических действиях, после чего представители компаний расторгают договора. Сотрудники правоохранительных органов не усматривают в действиях работников сети состав мошенничества, не усматривая умысла на хищение денежных средств потребителей. Наконец, ст. 159¹ УК РФ не охватывает случаи продажи залогового имущества без извещения кредитора как собственника соответствующего имущества и покупателя как приобретателя права на это имущество, хотя в большинстве случаев товар в кредит приобретается именно с целью его последующей реализации (сдачи в скупку под залог или продажи третьим лицам).

Проблема квалификации описанных деяний и целый ряд других проблем практического характера имеют своей причиной то обстоятельство, что сконструировав данный состав, законодатель не столько обособил кредитное мошенничество от других видов мошеннических деяний, сколько осуществил дифференциацию ответственности за мошенничество в сфере кредитования, поскольку само это понятие гораздо шире по содержанию, чем то определение, которое ему дается в ст. 159¹ УК РФ.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Любое общественно опасное деяние, совершаемое с угрозой применения насилия, характеризуется наличием особого способа его совершения, а именно угрозы.

Угроза как способ совершения преступления применительно к разным составам может выполнять различную роль. В ряде составах преступлений угроза может выступать в качестве криминообразующего, квалифицирующего признака или обстоятельством, отягчающим наказание. Криминообразующий признак отражает общественную опасность и суть самого деяния, свидетельствует о необходимости введения уголовно-правового запрета, т.е. это признак, который деяние делает преступным и выделяет преступление из всей массы общественно опасных деяний. Так, в составе вымогательства угроза выступает способом реализации основного деяния.

Закрепляя способ совершения преступления в качестве квалифицирующего признака, законодатель тем самым указывает на повышенную степень общественной опасности данного деяния по сравнению с основным составом преступления. Данный признак имеет двойную правовую природу. С одной стороны, это признак состава преступления, с другой – это не криминообразующий признак, т.е. без квалифицирующих признаков состав преступления все равно состоится. И его назначение в какой-то мере сходно с отягчающим обстоятельством. Например, в составе насильственного грабежа, незаконного завладения транспортным средством без цели хищения (угон) угроза в значении способа предусмотрена в качестве средства дифференциации уголовного наказания, так как угроза указана в числе квалифицирующих признаков. Во всех случаях квалифицирующие признаки являются сутью состава и этим качественно отличаются от отягчающих, упоминаемых в ст. 63 УК РФ обстоятельств. Они имеют с последними совпадающее свойство и могут влиять на объем ответственности и наказание, служат средством дифференциации, а не индивидуализации наказания.

Если способ совершения преступления не указан в диспозиции основного или квалифицированного состава, это не означает, что данный способ не будет учтен судом при назначении наказания.

Правовая природа обстоятельств, отягчающих наказание, в том что они также повышают общественную опасность деяния, но не в той мере, что квалифицирующие признаки, поэтому не воспроизводят новую санкцию, а только позволяют выбрать верхний предел соответствующей санкции.

Так, п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусматривает в качестве способа осуществления принуждения угрозу. Очевидно, что данный способ повышает общественную опасность деяния и будет учитываться судом при оценке характера и степени общественной опасности содеянного.

Таким образом, уголовно-правовое значение угрозы как способа совершения преступления против собственности при прямом указании его в диспозиции статьи Уголовного кодекса РФ будет влиять на наличие (отсутствие) состава преступления, т.е. способ лежит в основе криминализации деяния, тем самым определяя основание уголовной ответственности. Угроза как способ совершения преступления против собственности может являться квалифицирующим признаком, а также учитываться при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства, индивидуализируя наказание.

Е.А. Бабушкина

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ПРИЗНАКАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 165 УК РФ, КОРЫСТНЫЕ МОТИВ И ЦЕЛЬ?

В литературе многими учеными отмечается, что причинение имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ) совершается с корыстным мотивом и с корыстной целью¹, а потому в диспозиции нормы об

¹ См.: Панов Н.И. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1977. С. 68–70; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1980. С. 211; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 152; Романцов В.А. Уголовная ответственность за

ответственности за причинение ущерба без признаков хищения следует указать корыстную цель как обязательный признак состава преступления¹.

Авторы, которые считают, что для причинения имущественного ущерба по ст. 165 УК РФ характерна корыстная цель, исходят из отождествления корыстной цели и корыстного мотива. Вместе с тем мотив преступления – это его внутренняя побудительная причина, механизм внутреннего формирования образа действий, которая, проявившись вовне, дает объективный результат², цель – образ предвосхищаемого результата. Утверждение о том, что для причинения имущественного ущерба характерна корыстная цель, основано на широкой ее трактовке, исходя из общежитейского понятия корысти. Данное утверждение не только противоречит самому описанию признаков состава преступления в норме – «при отсутствии признаков хищения» (как известно, один из признаков хищения – корыстная цель), но и содержанию самого преступного посягательства. Термин «корыстная цель», используемый законодателем в УК РФ, следует понимать как цель присвоения³. Такая цель при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, отсутствует. Нет оснований для введения в ст. 165 УК РФ в качестве признака состава корыстной цели и в ином, общежитейском смысле ввиду многообразия разновидностей этого преступления.

причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (Уголовно-правовые вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 116, 120; Никишин Д.Л. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 76–77; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2003. С. 343; Перч Н.В. Неполучение должного как вид имущественного ущерба: На примере ст. 165 УК РФ: Понятие, влияние на ответственность и квалификацию : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 138–139; Уголовное право России. М., 2004 и т.д.

¹ Матышевский П.С. Ответственность за посягательства на социалистическую собственность по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1970. С. 22; Панов Н.И. Причинение... С. 71; Никишин Д.Л. Причинение... С. 79; Перч Н.В. Неполучение... С. 139.

² Еникеев М.И. Юридическая психология. 5-е изд. М., 2004. С. 83.

³ См.: Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск, 1999. С. 131.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, виновный, как правило, руководствуется корыстным мотивом. Но не исключено совершение преступления и по иным мотивам.

Так, при причинении имущественного ущерба виновный стремится, как правило, избавиться себя от материальных затрат («похищение услуг»¹), либо получить материальную выгоду в результате ненадлежащего оформления заказа и непередачи денег в кассу. В этих случаях очевиден корыстный мотив.

В результате ненадлежащего исполнения обязательств ущерб может быть причинен и в отсутствие корыстных мотивов – например, недобросовестное поведение поверенного, который не стремился обогатиться, не желал, чтобы доверитель получил меньше, но не предпринимал все зависящие от него меры, чтобы продать товар доверителя дороже и согласился на первое предложение. Мотивом поведения такого поверенного может быть безразличие к качеству своих услуг, лень. Еще одним примером отсутствия корыстного мотива может служить бездействие управляющего имуществом, который оставляет все «на самотек», в результате чего имущественная масса доверителя не пополняется должным образом. Руководить таким лицом могут и неприязненное отношение к потерпевшему, и стремление избавиться себя от лишней работы.

¹ По мнению автора, анализируемое преступление имеет две основные разновидности: 1) «похищение услуг» (пользование услугами без производства необходимых платежей, в том числе вследствие самовольного безвозмездного использования транспортного средства или иного имущества в случае, если с получателя услуги не взималась плата); 2) ненадлежащее исполнение обязательств поверенным (работником), в том числе оказание услуг «мимо кассы» (невыполнение обязанностей или ненадлежащее их исполнение, приводящее к неувеличению имущественной массы потерпевшего вопреки обычным условиям гражданского оборота, в том числе исполнение «бесквитанционных заказов», провоз безбилетных пассажиров и грузов проводниками, неисполнение своих обязанностей управляющим имуществом и т.д.), в частности вследствие самовольного безвозмездного использования транспортного средства или иного имущества в случае, если с получателя услуги взималась плата и не была передана потерпевшему.

К ВОПРОСУ О СНИЖЕНИИ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 167 УК РФ

Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение имущества (ч. 1 ст. 167 УК РФ) наступает при достижении лицом шестнадцатилетнего возраста, а за квалифицированное умышленное уничтожение или повреждение имущества – с 14 лет (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Некоторые авторы полагают, что уголовная ответственность как за простое, так и квалифицированное умышленное уничтожение или повреждение имущества должна наступать с 14 лет¹. Они считают, что несовершеннолетний по уровню своему психофизиологического развития, может полностью осознать общественно опасный характер своих действий и их возможные последствия. Кроме того, в литературе отмечается, что за многие преступления против собственности законодатель предусматривает ответственность с 14 лет. Противоположного мнения придерживается А.С. Мирончик, по ее мнению, необходимости понижать возраст уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 167 УК РФ, нет. Она полагает, что умышленное уничтожение или повреждение имущества не обладает высокой степенью общественной опасности, относится к категории преступлений небольшой тяжести, граничит с административным проступком; умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные лицами от 14 лет, не относится к распространенным преступлениям.

На наш взгляд, правы те авторы, которые считают, что следует понизить возраст уголовной ответственности за совершение умышленного уничтожения или повреждения имущества, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ. В современных условиях происходит ускоренная социализация детей. Дети в раннем возрасте становятся об-

¹ Плютина Е.М. Уничтожение или повреждение имущества: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений: по материалам судебной практики Краснодарского края : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 99.

ладателями вещей, в том числе и дорогих (планшеты, мобильные телефоны и т.д.), поэтому им ценность имущества становится очевидной. Подростки в возрасте 14 лет имеют сравнительно полное представление об основных нравственных принципах и ценностях, принятых в обществе, необходимых нормах поведения в различных сферах деятельности. Как верно отмечает О.Д. Ситковская, интеллектуальное развитие к 13–14 годам позволяет воспринимать, запоминать, осмысливать информацию, необходимую для действий «с разумением» в практически доступных в этом возрасте сферах деятельности¹. Об этом говорит и проведенное К.Ю. Логиновой исследование. Она установила, что почти все изученные несовершеннолетние в возрасте 14–16 лет имели представление об основных требованиях, закрепленных в законе, о нормах уголовного права, устанавливающих ответственность за преступления против собственности. Информацию о них они получали на школьных уроках, из газет и журналов, телепередач, сети Интернет². Сказанное, думается, убеждает, что лица в возрасте 14 лет способны понимать общественную опасность умышленного уничтожения или повреждения имущества, осознавать возможные последствия своих действий и быть ответственными за их совершение.

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В июле 2017 г. в гл.у 22 УК РФ, охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности, законодателем внесены значительные поправки.

Федеральным законом РФ от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ в рассматриваемую главу введены новеллы – ст. 171.3 «Незаконные про-

¹ Ситковская О.Д. Психологический комментарий к отдельным статьям Уголовного Кодекса Российской Федерации (части Общая и Особенная). М., 2009. С. 24.

² Логинова К.Ю. Имущественная преступность несовершеннолетних и меры ее предупреждения : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 91.

изводство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»; ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции». Обозначенные деяния по своему содержанию представляют собой виды незаконного предпринимательства, наказуемого по ст. 171 УК РФ. Их криминализация обусловлена повышением цен на легальную водку, следствие которого – выбор потребителем дешевой нелегальной водки. При реализации нелегальной водки, во-первых, не уплачиваются налоги, во-вторых, в результате её потребления наблюдается тенденция увеличения смертности граждан. Санкции ст. 171 УК РФ оказались несоизмеримыми с указанными последствиями. Таким образом, имеющее место «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности вполне обосновано.

Федеральным законом РФ от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ гл. 22 УК РФ дополнена: ст. 199.3 – «Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; ст. 199.4 – «Уклонение страхователя – организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд». Установление законодателем уголовной ответственности за совершение обозначенных деяний обусловлено отменой единого социального налога в 2010 году. На сегодняшний день законодателем предусмотрены страховые взносы в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ и Фонд обязательного медицинского страхования, являющиеся государственными внебюджетными фондами. Указанные взносы не являются налоговыми платежами, поэтому действие ст. 198–199.2 УК РФ на них не распространяется. Таким образом, в результате введения в гл. 22 УК РФ этих новелл оказался устранённым значительный законодательный пробел. Как и в предыдущей, в данной ситуации «расширение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу обосновано.

Этим законом изменения внесены и в ст. 198–199.2 УК РФ. Так, изменениям подверглась ст. 198 УК РФ. В новой редакции она озаглавлена «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты

страховых взносов». Также в её новой редакции увеличены «крупный» и «особо крупный» размеры, что свидетельствует о некоторой гуманизации уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Аналогичные поправки этим же Законом внесены и в ст. 199 УК РФ. Кроме этого, согласно данному Закону, поправки внесены и в ст. 199.1, 199.2 УК РФ. В частности, в новой редакции ст. 199.1 из её диспозиции исключён такой элемент, как «внебюджетный фонд». И, напротив, новая редакция ст. 199.2 дополнена ч. 2, предусматривающей уголовную ответственность за совершение деяния, запрещаемого ею, в «особо крупном размере».

Таким образом, дальнейшее совершенствование гл. 22 УК РФ представляется многогранным. С одной стороны, возможна криминализация новых деяний. С другой – не исключена и декриминализация отдельных деяний. На наш взгляд, согласно последним законодательным инициативам по гуманизации указанной Главы, дальнейшее её совершенствование, в основном, должно представлять собой «сокращение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности.

С.П. Опацкая

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 175 УК РФ

При квалификации преступления, связанного с приобретением или сбытом природных ресурсов, заведомо добытых преступным путем, в правоприменительной практике нет однозначного мнения относительно того, могут ли быть предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, природные ресурсы, с условием того, что приобретающее или сбывающее лицо заведомо не обещало производить каких-либо действий по реализации этого «имущества», но зная, что оно добыто преступным путем, приобретает или сбывает его.

Относительно отграничения категории имущества как предмета преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, и природных ре-

сурсов, являющихся предметом экологических преступлений и не относящихся к категории имущества, в науке уголовного права предложены критерии разграничения: к предмету, относящемуся к категории имущества, должен быть приложен конкретно определенный труд; предмет, относящийся к категории имущества, должен быть обособлен от природной среды либо «выделен» из нее при помощи человеческого труда; предметы (относящиеся к категории имущества), выращиваемые естественным способом или производимые человеком, при этом не теряющие свои единые связи с природной средой, должны быть предметом товарного производства при незавершенном цикле. Если указанные критерии отсутствуют или соблюдаются в неполном объеме, то данные предметы к категории «имущество» отнести нельзя, а следовательно, предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ не являются.

Согласно мнению Ю.И. Ляпунова, преступно добытое природное богатство становится имуществом, стоимость и цена которого известны¹. Косвенно данную точку зрения подтверждало Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы». В п. 21 разъяснялось, что определяя размер взыскания в возмещение ущерба, суды, кроме взыскания таксы за незаконно добытых зверей, либо незаконно выловленную рыбу, должны изъять и реализовать в установленном законом порядке саму добытую продукцию, а если эта продукция по каким-либо причинам не была изъята у нарушителя, с него взыскивается ее стоимость.

В настоящее время такое решение нашло свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 31.10.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Пункт 37 этого постановления гласит, что при наличии такс и методик исчисления размера вреда, причиненного окружающей среде, отдельным компонентам природной среды, указанные таксы и методики подлежат обязательному применению судами для определения размера возмещения вреда в его денежном исчислении. Следовательно, критерий стоимости, т.е. денежное вы-

¹ Российское уголовное право : в 2 т. / под ред. А.И. Рарога. Т. 2: Особенная часть. М., 2003. С. 177.

ражение предмета, относит данный предмет материального мира к категории имущества.

Сказанное позволяет утверждать во избежание неточной квалификации содеянного, правоохранительным органам следует учитывать, что природные ресурсы могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, при условии, что они содержат три признака имущества: экономический, физический и юридический, и лицо знает, что приобретает или сбывает природные ресурсы, добытые преступным путем.

Д.А. Казанцев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 204 УК РФ

Федеральным законом РФ «О внесении в Уголовный кодекс Российской Федерации и уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 3 июля 2016 года были внесены изменения в действующее законодательство, в частности в ст. 204 УК РФ. Пояснительная записка к проекту вышеуказанного федерального закона предполагает приведение санкции в ст. 204 УК РФ в соответствие с санкциями ст. 290 и 291 УК РФ по видам наказаний, а при определении размеров наказания исходить из того, что дача и получение взятки более общественно опасны, чем коммерческий подкуп¹.

Следует согласиться с Н.А. Егоровой, которая полагает целесообразным внесение таких изменений в УК РФ, чтобы они отвечали установленной логике криминализации деяний и дифференциации уголовной ответственности². Исходя из этого, следует сделать некоторые критические замечания относительно конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ.

¹ В Госдуму внесён законопроект, направленный на усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/51981> (дата обращения: 25.12.1017).

² Егорова Н.А. Преступления против интересов службы. Волгоград, 1999. С. 100.

Во-первых, дача (ч. 1–4 ст. 204 УК РФ) и получение коммерческого подкупа (ч. 5–8 УК РФ) являются разными преступлениями. Если следовать заявленной логике законодателя, целесообразно эти составы преступлений рассматривать в отдельных статьях Особенной части УК РФ. Это решение будет носить логичный характер, позволит выделять простые, квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений.

Во-вторых, условием получения коммерческого подкупа помимо указанных признаков в действующей редакции может выступать необоснованное назначение подчиненного, в том числе в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам или согласие не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяточдателем нарушения и пр. Исходя из предложенного, диспозиция простого состава получения коммерческого подкупа должна содержать признаки обшего покровительства или попустительства по службе.

В-третьих, общественно опасной видится деятельность субъектов получения коммерческого подкупа в связи с оформлением и выдачей удостоверений и иных официальных документов, которые предоставляют определенные права либо освобождают от обязанностей. Так, например, преподаватель за незаконное вознаграждение ставит положительную оценку за экзамен, что послужит одним из оснований выдачи образовательным учреждением диплома. В связи с этим целесообразно предусмотреть квалифицированный вид дачи и получения коммерческого подкупа: «...за совершение действий в интересах дающего или иных лиц, влекущих оформление удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей».

В четвертых, примечание в п. 1 к ст. 201 УК РФ не раскрывает содержание полномочий по выполнению организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в коммерческих и иных организациях. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями» также не содержит соответствующего разъяснения. Полагаем необходимым устранить данный пробел, как это сделано применительно к ст. 290 УК РФ.

Предложенные меры, направленные на совершенствование законодательной конструкции ст. 204 УК РФ, позволят более эффективно применять указанную норму в борьбе с коррупцией.

А.М. Матюшов

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 205.4 УК РФ

Частью 1 ст. 205.4 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена ответственность за создание террористического сообщества, т.е. устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким сообществом, его частью или входящими в него структурными подразделениями.

С момента дополнения УК РФ данным составом преступления прошло уже более четырех лет. Вместе с тем законодателем до сих пор не устранены отдельные проблемы, допущенные при конструировании его объективной стороны

В частности, при анализе объективной стороны, состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, возникает вопрос, может ли террористическое сообщество быть создано для подготовки или совершения террористического акта. По указанному вопросу в юридической литературе высказаны две противоположные позиции.

Согласно первой позиции, террористическое сообщество не может быть создано для подготовки или совершения террористического акта, так как в настоящее время преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ, отсутствует в перечне статей, перечисленных в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ¹.

¹ Нестеров С.В. Формы соучастия в преступлениях против общественной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 216.

Согласно второй позиции, террористическое сообщество может быть создано для подготовки или совершения террористического акта, поскольку правоприменительная практика свидетельствует о том, что террористические сообщества создаются именно для совершения террористических актов, посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов¹.

Полагаем, что следует поддержать вторую позицию, так как ее обоснованность подтверждается анализом судебной практики. Например, приговором Северо-Кавказского окружного военного суда от 25.08.2015 по делу № 1-39/2015 было установлено, что виновный, являясь руководителем террористического сообщества, осуществлял управленческие функции в отношении его членов, координировал их деятельность, планируя проведение террористических актов, распределяя обязанности между ними. В другом деле Северо-Кавказский окружной военный суд установил, что в 2013 г. Абдулазизов, Атаев, Ибрагимов, Газимагомедов и Хализовы вступили в организованную вооруженную группу «Хасавюртовский сектор», являющуюся подразделением террористического сообщества «Вилаят Дагестан». В целях дестабилизации деятельности органов власти и общественно-политической обстановки, а также воздействия на принятие решений органами власти, они приняли участие в совершении террористического акта в г. Пятигорске².

Таким образом, судебная практика однозначно свидетельствует о возможности создания террористического сообщества для подготовки или совершения террористического акта. В пользу данной позиции свидетельствует также то, что согласно действующей редакции ч. 1 ст. 205.4 УК РФ террористическое сообщество может быть создано для подготовки или совершения акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

На основании изложенного, перечень преступлений, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, следует дополнить статьей 205 УК РФ.

¹ Агапов П.В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 23–25.

² Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-819636/> (дата обращения: 17.03.2018).

В.А. Шеслер

ХИЩЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Законодатель, предусматривая в п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ хищение наркотических средств или психотропных веществ лицом с использованием своего служебного положения, исходил из повышенной общественной опасности такого хищения по сравнению с тем, которое предусмотрено в ч. 1 ст. 229 УК РФ. Повышенная общественная опасность такого хищения обусловлена, во-первых, тем, что виновному легче незаконно завладеть наркотическим средством или психотропных веществ. Прежде всего виновному легче получить доступ к указанным предметам, используя свои полномочия или иные служебные возможности, облегчающие фактический доступ к имуществу. Во-вторых, использование служебного положения повышает прецедентность рассматриваемого хищения, делает его типичным. Эти обстоятельства соответствуют разработанным в науке уголовного права критериям, на основании которых определенный признак преступления предусматривается в уголовном законе в качестве квалифицирующего¹. Повышенная наказуемость рассматриваемого хищения по сравнению с тем, которое предусмотрено ч. 1 ст. 229 УК РФ, обуславливает необходимость раскрыть квалифицирующий признак, предусмотренный в п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ.

В литературе использование лицом своего служебного положения при совершении преступления нередко трактуют ограничительно, т.е. как использование полномочий только должностного лица (см. примечания к ст. 285 УК РФ) и лица, осуществляющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях (см. примечания к ст. 201 УК РФ)². Судебная практика шире трактует этот признак. В частности, в соответствии с п. 23 Постановления Плену-

¹ См. например: Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Воронеж, 1985. С. 46–48, 74–78, 84–97.

² Мальков С.М. Уголовная ответственность за дезертирство : учеб. пособие. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2010. С. 97.

ма Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под таким использованием понимается использование не только полномочий должностного лица, но и использование трудовых функций, связанных с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами, а также растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, либо их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества. Поэтому к лицам, совершающим хищение наркотических средств или психотропных веществ с использованием служебного положения, этим толкованием отнесены провизор, лаборант, при отпуске и применении – работник аптеки, врач, медицинская сестра, при их охране – охранник, экспедитор.

Полагаем, что такая трактовка рассматриваемого квалифицирующего признака является зауженной. Получается, что использование лицом своего служебного положения предполагает совершения хищения только в одной форме – в форме присвоения или растраты, при которых виновному наркотические средства или психотропные вещества вверены (находятся в правомерном владении или ведении), и виновный может осуществлять полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию и хранению этих предметов. Однако диспозиция ч. 1 ст. 229 УК РФ не ограничивает хищение одной формой. Поэтому хищение указанных в ней предметов может осуществляться в любой форме, в том числе в форме, при которой эти предметы не находятся в правомерном владении или ведении виновного, например в форме кражи. При таком хищении в силу служебного положения у лица облегчается лишь фактический доступ к похищаемому предмету. Такие ситуации имеют место в судебной практике. Так, приговором Боготольского районного суда Красноярского края от 03.10.2013 г. хирург МБУЗ г. Ачинска Акантьев Д.К. осужден к шести годам лишения свободы по п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ. Кража героина в капсуле тайно совершена им при изъятии этого наркотического средства из желудка задержанного сотрудниками полиции пациента. В данной ситуации виновный Д.К. не обладал какими-либо правовыми полномочиями по отношению к наркотическому средству. Выполнение виновным своих трудовых обязан-

ностей врача облегчило ему только фактический доступ к наркотическому средству.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что хищение наркотических средств или психотропных веществ (равно как и иных предметов, указанных в ч. 1 ст. 229 УК РФ) с использованием своего служебного положения предполагает, во-первых, использование трудовых функций, связанных с работой с этими предметами (полномочий по распоряжению, управлению, доставке, пользованию, хранению этих предметов либо полномочий по контролю за такими действиями); во-вторых, использование трудовых функций, облегчающих фактический доступ к указанным предметам. Такая трактовка рассматриваемого квалифицирующего признака предполагает возможность хищения наркотических средств и психотропных веществ в любой форме, а не только в форме присвоения и растраты.

Д.К. Гамарник

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 280 УК РФ

На сегодняшний день в науке отечественного уголовного права практически не поднимается вопрос о предмете публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Данный факт объясняется сложившимся подходом к пониманию категории «предмет преступления» и признанием наличия беспредметных составов преступления. Наиболее распространенным подходом является понимание предмета преступления как конкретной материальной вещи, в которой проявляются определённые свойства общественных отношений (объекта преступления), путём физического или психического воздействия на который причиняется социально-опасный вред в сфере общественных отношений¹.

Однако, на мой взгляд, материальность, как признак предмета преступления, является данью советскому периоду развития науки

¹ Коржанский Н.И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации). Волгоград, 1976. С. 17.

уголовного права и в настоящее время утратила свое значение. Более логичными и обоснованными позициями представляются те, которые помимо вещей материального мира к предмету преступления относят блага (материальные и духовные), по поводу которых существуют охраняемые отношения и на которые направлено преступное воздействие, причиняющее вред отношениям, охраняемым уголовным законом¹.

Руководствуясь тем, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 280 УК России, являются основы конституционного строя и внутренняя безопасность, предмет преступления должен лежать в плоскости данных общественных отношений. Конкретная вещь, объект материального мира, на которое направлено преступное посягательство в данном составе, действительно отсутствует. Однако совершая действия, запрещенные УК России, а именно, осуществляя публичные призывы к экстремисткой деятельности, преступник оказывает воздействие на сформировавшиеся взгляды, убеждения и установки отдельных лиц и социальных групп, а также на идеологические установки, господствующие в государстве, на которых строится вся государственная система. В данном случае взгляды, убеждения, ценностные ориентации выступают социальным благом, которое служит интересам государства в обеспечении нормального функционирования конституционных органов власти, соблюдения прав и свобод человека, внутренней и внешней безопасности. Аналогичные позиции можно встретить и в судебной практике².

Именно при таком подходе становится понятно, каким образом причиняется вред общественным отношениям, охраняемым ст. 280 УК РФ, и обосновывается общественная опасность данного преступления.

Преступная деятельность, выражающаяся в осуществлении публичных призывов к осуществлению экстремисткой деятельности, направлена именно на изменение и уничтожение сформированных в обществе и государстве взглядов и убеждений, подмену их идеями,

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 32.

² Приговор мирового судьи судебного участка № 83 Самарской области от 9 июня 2011 года // Архив Сызранского городского суда; Приговор Октябрьского районного суда г. Мурманска от 24 декабря 2014 года // Архив Октябрьского районного суда г. Мурманска.

оправдывающими насилие, и взглядами о неправомерном изменении существующей системы общественных отношений и государственного устройства.

Таким образом, можно утверждать, что предметом преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, являются взгляды, убеждения, ценностные ориентации отдельных лиц, различных социальных групп и нации в целом в отношении политического устройства России и ее конституционного строя, определяемых Конституцией Российской Федерации.

М.С. Красильникова

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЗЯТКИ, КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПОДАРКА

Противодействие коррупции в органах власти является одной из наиболее приоритетных задач России, поскольку корыстное использование должностных полномочий не только подрывает авторитет государственных структур, но и препятствует реализации прав и законных интересов личности, общества и государства. Типичным проявлением коррупции выступает взяточничество, т.е. уголовно наказуемое получение должностным лицом незаконного имущественного вознаграждения в связи с выполняемыми служебными обязанностями. Борьба с этим негативным явлением должна основываться на четких законодательных предписаниях отраслевого законодательства, ведомственных нормативных актов и локальных актов, учитывающих особенности деятельности конкретного органа власти, учреждения, организации. Законотворческая и правоприменительная практика в области противодействия коррупции постоянно совершенствуется, реагируя на изменения общественных отношений, однако вопросы юридической оценки отдельных деяний должностных лиц все же недостаточно проработаны.

Так, ст. 575 ГК РФ устанавливает запрет дарения, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей, государственным и муниципальным служащим, лицам, замещающим государственные должности, муниципальные должности, служащим Банка России в связи с их должностным положением

или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Федеральный закон «О противодействии коррупции» усиливает приведенное положение и запрещает получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарки от физических и юридических лиц, не оговаривая размер вознаграждения или стоимость подарка (п. 7 ст. 12.1), что, очевидно, означает полный запрет на их получение. Действительно, если вознаграждение передается должностному лицу в связи с его служебной деятельностью и не является актом поощрения со стороны работодателя, оно по смыслу закона имеет коррупционный характер и образует преступление (ст. 290–291.2 УК РФ) независимо от стоимости (суммы) такого вознаграждения или подарка.

Казалось бы, «промежуточных» вариантов юридической оценки рассмотренной ситуации не существует. Вместе с тем обстоятельства повседневной жизни убеждают в ином. Например, дорогостоящий подарок начальнику от подчиненного при наличии дружеских отношений между ними можно ли расценивать как проявление коррупции, если формально конфликт интересов отсутствует (начальник и подчиненный не состоят в родстве или свойстве)? Представляется, что в данном случае налицо коррупционное поведение, не являющееся преступлением, но и не укладывающееся в рамки должного, правомерного, как со стороны дарителя, так и одаряемого. Другой пример – подарок от родственников осужденного, освобожденного из мест лишения свободы, за «человеческое» отношение к нему начальника отряда во время отбывания наказания. Уголовно-правовой состав получения и дачи взятки здесь отсутствует, поскольку действия должностного лица, обусловленные принятием взятки, стали невозможны. В то же время запрет на принятие подарков в связи с выполнением служебных обязанностей был нарушен, что является коррупционным поведением.

Рассмотренные ситуации часто оцениваются на практике как приемлемые, допустимые, несмотря на их явное несоответствие закону (первый пример), редко – как дисциплинарные проступки, «неслужебные связи» (второй пример), поэтому требуют законодательного решения в контексте установления административной ответственности, а также убеждают в необходимости дальнейшей работы по

разъяснению сотрудникам органов власти, учреждений и организаций антикоррупционных норм.

С.А. Ступина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗРАБОТКУ, ПРОИЗВОДСТВО, НАКОПЛЕНИЕ, ПРИОБРЕТЕНИЕ ИЛИ СБЫТ ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Борьба с незаконным оборотом оружия массового поражения (ОМП) в последние годы приобретает все большую актуальность, поскольку ОМП наряду с терроризмом остается одной из главных угроз современности.

Статья 355 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации.

Определенные вопросы вызывает законодательное формулирование объективных признаков этого состава преступления.

Так, в первую очередь, назрела необходимость актуализированного совершенствования предмета преступления. При этом, поскольку норма носит бланкетный характер, проблема имеет более широкий план. Международными договорами в настоящее время предусмотрен запрет в отношении ядерного оружия, химического, биологического и токсинного видов ОМП. Остается открытым вопрос о новых видах ОМП, которые активно разрабатываются и связаны с широким развитием нанотехнологий и для создания которых привлекаются ранее неизвестные или не использованные в прошлом научно-технические принципы и явления.

Отдельно заслуживает внимание разработка новых видов наркотических средств и психотропных веществ для использования в военных операциях и террористических акциях. При этом с правовой

точки зрения возникает вопрос о юридически правильной квалификации с учетом цели и назначения создания таких химических средств и веществ.

Что касается объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 355 УК РФ, то вызывает определенный вопрос использование термина «накопление», который в УК РФ законодатель закрепил Федеральным законом от 19.06.2001 № 84-ФЗ только в указанной норме. Конечно, использование этого понятия заимствовано из международных договоров, но остается размытым для правоприменителя. Полагаем, что толкование слова «накопление» не дает однозначного ответа, какие конкретно действия следует признать уголовно -наказуемыми. Возможно, более обоснованно использование, например, термина «хранение в крупном размере». При этом возникает закономерный вопрос об отсутствии в ст. 355 УК РФ запрета на «хранение» ОМП.

Что касается отдельных вопросов квалификации преступления, предусмотренного ст. 355 УК РФ, то в первую очередь основные положения такой квалификации с учетом действительности должны быть ориентированы на широкое применение общих положений действия уголовного закона в пространстве, т.е. на обоснованное широкое применение ст. 11 и 12 УК РФ. Особенно это относится к ч. 3 ст. 12 УК РФ.

Давно назрел вопрос о самостоятельности существования составов преступлений, предусмотренных ст. 189 УК РФ, в части уголовной ответственности за незаконные экспорт из Российской Федерации или передачу сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании ОМП и ст. 226.1 УК РФ в части контрабанды ОМП.

В.А. Уткин

СВИДАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ – ЭЛЕМЕНТ ИЗОЛЯЦИИ ИЛИ СРЕДСТВО ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ?

Российская пенитенциарная наука и законодатель традиционно исходят из того, что режим лишения свободы включает ряд существенных элементов, отражающих степень изоляции (число свиданий,

получаемых осужденными посылок, передач и т.п.). Западная система обращения с осужденными, основные черты которой отражены в международных актах, основана на ином принципиальном подходе, когда наказание должно лишать человека только свободы. Строгость разных видов режима западных тюрем не связана с содержанием наказания, она всецело определяется интересами безопасности.

Различие концептуальных основ режима в отечественной и западной пенитенциарии определяет разницу в подходах к правовому статусу осужденных. В России основой определения правового статуса осужденного служит правовой статус гражданина (свободного человека) с «ограничениями и изъятиями», установленными законодательством в отношении осужденных (ст. 10 УИК РФ). В таком контексте конкретное число свиданий, установленное Кодексом для того или иного вида режима, тех или иных условий, а точнее, их ограничение законом, отражает различную степень кары, уровень изоляции, т.е. составляет ее неотъемлемый элемент.

В западной системе обращения базисным элементом правового статуса осужденных выступает именно изоляция, а «тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения (правило 3 Правил Манделы)». В этом плане свидания рассматриваются в первую очередь как средство преодоления отрицательных последствий изоляции, направленное на облегчение последующей ресоциализации. Ограничение свиданий производится на подзаконном и индивидуальном уровнях «с учетом соотношения прав человека и общественных интересов».

В известном решении по делу «Хорошенко против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека посчитал, что автоматическое лишение осужденного к пожизненному лишению свободы длительных свиданий в строгих условиях в течение десяти лет не установило такого справедливо баланса. Аналогичные доводы были использованы Конституционным Судом РФ в 2016 г. в деле о проверке конституционности п. «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ по жалобе Королёва и Королёвой. В обосновании своей правовой позиции КС РФ, помимо прочего, сослался на Резолюцию ГА ООН 69\172 от 18 декабря 2014 г., согласно которой «лица, лишённые свободы, должны продолжать пользоваться не допускающими отступлений правами человека и всеми другими правами человека и основными свободами, за исключением тех законных ограничений,

необходимость которых явно обусловлена фактом лишения свободы». В итоге Суд признал неконституционными нормы УИК в той части, в которой они исключают возможность предоставления длительных свиданий осужденным к лишению свободы в течение первых десяти лет отбывания наказания. Впредь до изменения закона таким осужденным, по решению КС РФ, должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год (впоследствии закон был изменен).

На наш взгляд, в последнем положении КС РФ все же вышел за рамки его компетенции, войдя в противоречие и с принципом разделения властей. Кроме того, на наш взгляд, Суд по сути пересмотрел свое решение по аналогичному делу, вынесенное в 2005 г. Тогда он счел рассматриваемое ограничение свиданий при пожизненном лишении свободы не противоречащим Конституции, поскольку, совершая тяжкое преступление, человек «сам сознательно обрекает себя и членов своей семьи на ограничения», а они не нарушают баланс между интересами общества и личности.

Таким образом, Конституционный Суд коренным образом изменил свою правовую позицию 2005 г., перейдя от оценки свиданий как элемента изоляции к оценке как к средству ее преодоления. Подобное решение чревато пересмотром концептуальных основ режима наказания в виде лишения свободы, что, наверное, и возможно в определенном будущем, но потребует значительных усилий не только в области уголовно-исполнительной деятельности, но и уголовной политики.

Л.М. Прокументов

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение преступности на конкретной территории России является традиционным направлением криминологических исследований. Большой вклад в осуществление таких исследований в конце XIX в. и в первой четверти XX в. внесли выдающиеся русские ученые М.Н. Гернет, А.А. Герцезон, А.А. Тарковский, П.Н. Ткачев и другие, которые указывали на связь преступности с конкретными

экономическими и социальными явлениями и пытались объяснить причины изменения показателей преступности на отдельных территориях.

Много исследователей, связанных с региональным изучением преступности, было осуществлено и в советский период развития нашего государства.

Процесс познания территориальных различий преступности прошел путь от простого описания и сравнения показателей преступности до раскрытия механизмов взаимодействия изучаемых явлений и объяснения их причин. При этом раскрывались закономерности и выделялись детерминанты, влиявшие на основные показатели преступности в конкретных территориях. В рамках такого подхода преступность рассматривалась как определенная дисфункция общественного организма¹. Такой подход, объясняя «территориальную преступность» как самостоятельное направление в криминологии, обусловил необходимость уточнения терминов, обозначающих данное направление в изучении преступности. В настоящее время исследователи используют разные термины: «география преступности», «территориальные различия преступности», «геокриминология» и т.п.

Представляется, что территориальными различиями, детерминирующими преступность, можно считать весь комплекс свойств (географических, демографических, исторических, социокультурных и т.д.), характеризующих конкретную территорию, на которой совершаются преступления. Поэтому более уместно использовать термин «региональная преступность», который в большей мере отражает исторические, экономические, социальные и иные явления, детерминирующие преступность на конкретной территории.

Понятие «региональная преступность» обуславливает такой подход к проблеме преступности, который предполагает криминологическую характеристику региональных образований, выявление дестабилизирующих факторов в них, а также выявление источников дезорганизации и социального напряжения в результате взаимодействия и взаимовлияния всех компонентов и сфер социальной системы региона.

¹Раска Э.Э. Преступность как показатель состояния территориального пространства // Теоретические проблемы территориальных различий в преступности. Тарту, 1985. С. 32.

В этой связи можно выделить задачи, стоящие перед изучением региональной преступности.

Во-первых, определение особенностей образования характерных для конкретного региона черт преступности, определение криминогенных детерминант, научного, практического, материального потенциала для противодействия данному явлению на региональном уровне.

Во-вторых, осуществление сравнительного криминологического анализа преступности различных регионов, что позволит выявить регионы с разным уровнем криминогенной обстановки.

В-третьих, изучение преступности на региональном уровне позволит получить дифференцированную картину общего положения дел с преступностью в стране, определить ее региональные особенности, что не менее важно, региональные тенденции, знание которых необходимо для планирования и реализации мер, направленных на предупреждение преступности.

Представляется, что региональное изучение преступности в большей мере будет способствовать организации ее предупреждения на конкретной территории, поскольку будет осуществляться с учетом региональных особенностей самой преступности, ее детерминант, особенностей мер предупреждения.

В.В. Алексеев

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ

Первым нормативным актом об условно-досрочном освобождении в царской России стал Закон от 22 июня 1909 г. «Об условно-досрочном освобождении». В соответствии со ст. 1, 2 Закона условно-досрочное освобождение могло быть применено в случае «одобрительного поведения осужденного» во время заключения при отбытии им трех четвертей срока назначенного наказания. Минимальный срок нахождения в месте заключения при этом составлял шесть

месяцев. Под «одобрительным поведением» понимались не только соблюдение режимных требований, но и трудолюбие, а также успехи в работе. Закон в равной мере относился как к взрослым, так и к несовершеннолетним осужденным.

В соответствии с Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г. «О дополнениях и изменениях Уголовного кодекса РСФСР», впервые в уголовном законодательстве Советского государства нашло свое отражение досрочное освобождение несовершеннолетних. Подростки в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, приговоренные к лишению свободы и помещенные в трудовые дома для несовершеннолетних, оставались там впредь до исправления, но до достижения ими восемнадцатилетнего возраста. Если же на момент наступления восемнадцати лет они не отбыли всего срока наказания, то к ним применялось досрочное освобождение. Лица, которых суд не признавал возможным освободить досрочно, оставались в тех же трудовых домах или переводились в другие трудовые дома или колонии в соответствии с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР.

Как справедливо отмечает А.А. Горшенин, подобный вид освобождения от отбывания наказания не являлся условно-досрочным, так как производился без каких-либо условий. К тому же его реализация связывалась не с отбытием определенной части срока наказания, как это было установлено в отношении взрослых, а с наступлением совершеннолетия осужденного¹.

Новым этапом развития законодательства в рассматриваемом вопросе стало принятие ряда Указов Президиума Верховного Совета СССР², где условно-досрочное освобождение допускалось как для взрослых, так и для несовершеннолетних осужденных.

В статье 55 УК РСФСР 1960 г. говорилось об условно-досрочном освобождении от наказания и замене его более мягким видом наказания в отношении лица, совершившего преступление в возрасте до 18 лет.

Последующие изменения произошли в Уголовном кодексе РФ от 13 июня 1996 г., установили более льготные условия применения

¹ Горшенин А.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 35.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет», и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения».

условно-досрочного освобождения от наказания, выражающиеся в сокращении сроков фактического отбытия наказания несовершеннолетними по сравнению с взрослым (ст. 93 УК РФ).

О.А. Алфимова

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТРЯДОВ ОСУЖДЕННЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В утвержденной в 2010 г. Концепции развития Уголовно-исполнительной системы РФ (далее – Концепция) в числе прочих задач говорилось о создании новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, а также об отказе от коллективной формы содержания осужденных. Однако в 2015 г. данные положения претерпели существенные изменения. Ныне в Концепции речь идет не об отказе от коллективной формы содержания осужденных, а о «создании условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях...».

Кроме того, из Концепции исключен раздел «Реформирование системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и совершенствование их организационно-структурного построения», где среди прочих мероприятий было предусмотрено «изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы с фактическим прекращением их коллективного содержания».

Таким образом, сегодня отряд осужденных по-прежнему остается главной организационно-правовой формой их содержания в исправительных учреждениях (ИУ). Деятельность отряда регулируется Положением об отряде осужденных исправительного учреждения.

Вместе с тем в данном Положении есть некоторые несоответствия. Так, в п. 5 указано, что осужденные зачисляются в отряд на весь период нахождения в учреждении. Но в п. 19 говорится, что начальник отряда имеет право вносить предложения и принимать участие при рассмотрении вопросов, связанных с переводом осужденных в

другой отряд. Однако какие-либо конкретные основания перевода осужденных из одного отряда в другой на тех же условиях отбывания наказания в настоящее время не предусмотрены. Поэтому целесообразно предусмотреть такие основания (например, при получении осужденным специальности и трудоустройстве, при получении осужденным инвалидности первой или второй группы и потере им трудоспособности и пр.). Было бы логично и внести соответствующие изменения в п. 5 Положения об отряде. В частности, оговорить, что осужденные зачисляются в отряд на весь период нахождения в ИУ, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Положением.

Кроме того, как известно, начальники отрядов в силу их загруженности не имеют фактической возможности проводить качественно исправительную (воспитательную) работу с осужденными в своем отряде. Поэтому в новой редакции Концепции, где предлагается создать условия для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в ИУ, следует предусмотреть сокращения численности осужденных в одном отряде до 50–70 человек (вместо 50–100) либо как альтернативный вариант – целесообразно ввести должность помощника начальника отряда.

С.И. Аниськин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПОСТУПЛЕНИЕМ В УЧРЕЖДЕНИЯ ФСИН РОССИИ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ

Эффективная организация борьбы с поступлением в учреждения УИС запрещенных предметов является одним из важных аспектов обеспечения правопорядка в них. С 2014 г. наблюдается тенденция роста использования новейших технических средств для доставки запрещенных предметов в учреждения ФСИН России – использование беспилотных летательных аппаратов. Так, только за 9 месяцев 2017 г. сотрудниками УИС было пресечено 73 попытки доставки запрещенных веществ с помощью квадрокоптеров.

Результаты анализа способов доставки запрещенных предметов в исправительные учреждения с использованием беспилотных летательных аппаратов позволили сделать следующие выводы.

Особенности расположения и фортификации исправительных колоний обуславливают большую вероятность успешной доставки запрещенных предметов. Так, в 85% случаев доставка запрещенных предметов путем использования беспилотных летательных аппаратов осуществлялась в исправительные колонии.

Технические характеристики беспилотных летательных аппаратов позволяют использовать их для доставки запрещенных предметов в учреждения УИС в любое время года независимо от погодных условий и времени суток, что значительно затрудняет проведение мероприятий по пресечению данного канала доставки.

Сложность борьбы с указанным способом доставки запрещенных предметов обусловлена несколькими факторами:

1. Оператор беспилотного летательного аппарата (лицо, осуществляющее его запуск и контроль полета) может находиться на значительном расстоянии от исправительного учреждения, используя в качестве укрытия различные постройки, здания и сооружения. В зависимости от модели беспилотного летательного аппарата такое расстояние может составлять от нескольких сотен метров до двух километров.

2. Высота полета беспилотного летательного аппарата позволяет ему беспрепятственно преодолевать все инженерные заграждения исправительных учреждений, исключая возможность его обнаружения системами видеонаблюдения и инженерно-техническими средствами охраны и надзора.

3. Значительная скорость движения беспилотного летательного аппарата и, как следствие, малое время его нахождения над территорией учреждения УИС значительно затрудняют возможности по организации и проведению перехвата.

Технические возможности большинства моделей беспилотных летательных аппаратов позволяют совершенствовать их – оснащать видеокамерой, устройством GPS-навигации. Это позволяет обеспечить результат при доставке запрещенных предметов путем корректировки полета аппарата, доставки груза на заранее определенный объект, а также отслеживать действия сотрудников учреждения.

Участившиеся случаи использования беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов в исправительные учреждения и следственные изоляторы обусловили необходимость

разработки специального оборудования для пресечения подобных правонарушений.

Однако организация работы по противодействию поступления запрещенных предметов в учреждения УИС требует не только оснащения учреждений дополнительным техническим оборудованием, но и совершенствования нормативно-правового регулирования организации охраны и надзора в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Т.Г. Антонов

МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Применение мер государственного принуждения является неотъемлемой частью деятельности правоохранительных органов. Обзор научной литературы показал, что понятие «меры принуждения» используется преимущественно в административном и уголовно-процессуальном праве. Несколько реже – в конституционном, финансовом, бюджетном и налоговом. Что касается уголовно-исполнительного права, то рассматриваемая категория в нем почти не используется. Однако в теории уголовно-исполнительного права различные направления применения мер принуждения изучаются достаточно активно. Но отсутствие единой концепции мер принуждения существенно снижает эффективность научных исследований, а также не позволяет осуществлять законодательное регулирование общественных отношений в данной сфере должным образом.

На сегодняшний день можно выделить следующие виды мер принуждения в уголовно-исполнительном праве:

1. Уголовно-исполнительная ответственность. В эту группу относятся меры взыскания, применяемые к осужденным, а также перевод осужденных из одних условий содержания в более строгие без изменения вида режима.

2. Изменение формы уголовной ответственности. К этому виду относятся изменение вида режима и замена наказания более строгим видом.

3. Меры принуждения, обеспечивающие перемещение осужденного в определенное место. В действующем законодательстве предусмотрены такие меры, как задержание и привод. Данный перечень возможно дополнить такой мерой, как доставление, которая будет применяться, например, в случае неявки осужденного в колонию-поселение в срок, указанный в предписании, если предусмотрен самостоятельный порядок следования в колонию-поселение. На сегодняшний день процедура принудительного, скажем так, помещения в колонию-поселение в такой ситуации достаточно рутинный (задержание, представление в суд, направление в колонию-поселение под конвоем), что иногда на практике порождает фактическое доставление осужденного в колонию-поселение сотрудниками УИС без юридического оформления данного мероприятия.

4. Меры безопасности. К ним в соответствии со ст. 86 Уголовно-исполнительного кодекса РФ относится применение физической силы, специальных средств и оружия. Порядок применения указанных мер четко регламентирован в законодательстве (Глава V Закона от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 28.12.2016) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

Последнюю группу мер принуждения можно назвать мерами фактического принуждения, поскольку они связаны с применением насилия (прямое непосредственное физическое принуждение) или угрозой его применения (психическое принуждение) и применяются они в крайних случаях для пресечения противоправных действий и обеспечения безопасности, по сути, для принуждения к отбыванию наказания. Остальные же меры носят юридический характер. Меры безопасности при этом служат, в том числе, для обеспечения остальных мер принуждения.

Л.К. Аренова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ФОРМАМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В качестве негативных направлений преобразования современных обществ и государств выступают распространение радикальных

религиозно-экстремистских и террористических идей, возникновение виртуальных экстремистских групп и сообществ, деятельность которых направлена на распространение идей суицидального и иного деструктивного характера.

Радикальная деятельность таких групп / сообществ, осуществляется в социальных сетях и направлена на нанесение вреда психическому, физическому здоровью человека, лишения жизни, что собственно определяет их как дистанционный способ совершения преступлений насильственного характера посредством виртуального пространства сети Интернет.

По нашему мнению, рассматриваемые сообщества образуют социальные группы, находящиеся во взаимодействии с социальным миром, посредством обмена информацией. Эти объективные условия информационного обмена между отдельной личностью, социальными группами / сообществами нацелены на построение межличностных отношений и определенное сотрудничество. При этом начинает формироваться иерархия в сообществе, где на определенном этапе появляется криминальная личность в качестве организатора виртуальной группы / сообщества, который начинает диктовать условия для дальнейшего пребывания потенциальной жертвы в образовавшейся виртуальной группе. С психолого-криминалистических позиций, между организатором преступлений и его потенциальными жертвами устанавливается психологический контакт, оказывается влияние на жертв в виде определения совместных целей и достижения общих интересов с виртуальной группой. Конечная цель в данном случае – это принуждение к общению, основанном на шантаже и страхе (например, убеждение в совершении акта суицида и пр.). Мотивом в этом случае выступает демонстрация личной власти над более слабой личностью, достижение ощущения собственной уникальности, важности, проявление собственной воли в реализации интересов и достижении поставленных целей, чувство безнаказанности и возможности анонимности в общении, что облегчает проявление внутренних патологических потребностей. Объективная составляющая формирования рассматриваемых виртуальных групп – это резкое снижение морально-нравственных ценностей, отсутствие должного воспитательного процесса со стороны родителей, недостаточная общественно полезная, интеллектуальная и творческая занятость.

В качестве сохранения социального благополучия и недопущения социальной дестабилизации в обществе, особое значение приобретает укрепление воспитательных мер идеологических начал и информационной безопасности, как приоритетная форма противодействия экстремистским формам психологического давления в молодежной среде, как современного Казахстана, так и сопредельных государств и обществ.

Доминирующим фактором в противодействии деятельности рассматриваемых криминальных групп выступает обеспечение информационно-медийной безопасности общества, так как криминальные действия осуществляются посредством виртуального пространства, т.е. дистанционно, и, следовательно, имеют особенность быстро распространяться.

Таким образом, на основе нарушения информационно-медийной безопасности могут распространяться экстремистские идеи суицидального и иного деструктивного характера, а также формироваться криминальное поведение социальных групп. В данном случае криминальное поведение образует деятельность, направленную на дистанционное убийство, в том числе несовершеннолетних, молодежи, реально и потенциально наносит существенный вред общественному сознанию, психическому и физическому здоровью, государственным устоям в целом.

Н.В. Ахмедшина

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Киберпреступность – это любые преступления в виртуальном пространстве. На сегодняшний день единого определения киберпреступности нет. На X Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями на симпозиуме по проблемам преступлений, связанных с компьютерами и компьютерными сетями, данное понятие рассматривалось, во-первых, как киберпреступление в узком смысле (компьютерное преступление): любое противоправное деяние, совершенное посредством электронных операций, целью которого является безопасность компьютерных

систем и обрабатываемых ими данных, во-вторых, как киберпреступление в широком смысле (преступление, связанное с компьютерами): любое противоправное деяние, совершенное посредством или связанное с компьютерами, компьютерными системами или сетями, включая незаконное владение и предложение или распространение информации посредством компьютерных систем или сетей.

Ущерб от киберпреступности стремительными темпами растет из года в год. По оценке корпорации Microsoft, прямые потери всех компаний мира от киберпреступлений достигли 400 млрд долл. в год, к 2020 г. мировая экономика накопительным итогом потеряет от компьютерной преступности 3 трлн долл.¹

Профилактика преступности начинается с криминализации деяния. Можно сколько угодно говорить об опасности того или иного явления, пока оно не будет закреплено на законодательном уровне, никакого законного противодействия ей не будет.

Что же предлагает отечественный Уголовный кодекс в этом плане? Глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» включает в себя четыре статьи: ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей», в 2017 г. добавилась ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». Кроме того, есть еще ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации», в которой мошенничество, которое как способ хищения всегда определялось как обман или злоупотребление доверием, описывается как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. И это в то время, когда ущерб от киберпреступности в РФ достиг, по данным совместного

¹ Валько Д.В. Киберпреступность в России и мире: сопоставительная оценка // Управление в современных системах. 2016. № 3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-v-rossii-i-mire-sopostavitelnaya-otsenka>

исследования корпорации Microsoft, Фонда развития интернет-инициатив и Group IB в 2015 г. 203,3 млрд руб., из них прямой финансовый ущерб составил 123,5 млрд руб., затраты на ликвидацию последствий атак – более 79,8 млрд руб.¹ Преступления в киберпространстве нецелесообразно определять через традиционные понятия кражи и мошенничества. Уже давно существуют специальные термины: скимминг, фишинг, кардинг и проч., которые должны быть определены законодательно. И наказываться эти деяния, причиняющие миллионные и миллиардные ущербы, должны адекватно, а не штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей, как это предусмотрено, например, в ч. 2 ст. 272 УК РФ.

Л.Ю. Бортник

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПЕРЕДАЧУ ЗАПРЕЩЁННЫХ ПРЕДМЕТОВ В УЧРЕЖДЕНИЯ УИС

Административная ответственность за данное деяние предусмотрена ст. 19.12 КОАП РФ: передача либо попытка передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях УИС, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом, наказывается штрафом. В ч. 4 ст. 22.1 в числе органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, перечислены органы и учреждения УИС, а в ст. 22.2 уточняется, что от имени органов, указанных выше, рассматривать дела об административных правонарушениях вправе начальники арестных домов, исправительных учреждений, следственных изоляторов и изоляторов временного содержания.

В статье 23.4 сказано, что органы и учреждения уголовно-исполнительной системы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 19.3, ст. 19.12 КОАП

¹ Валько Д.В. Киберпреступность в России и мире: сопоставительная оценка // Управление в современных системах. 2016. № 3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-v-rossii-i-mire-sopostavitelnaya-otsenka>

РФ (в части административных правонарушений, предметами которых являются предметы, изъятые из оборота). О предметах, изъятых из гражданского оборота, говорится и в п. 1 Перечня запрещённых предметов, находящегося в приложении № 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений. В гражданском законодательстве (ст. 129 ГК РФ) определена оборотоспособность объектов гражданских прав. В соответствии с ч. 2 данной статьи, законом или в установленном законом порядке могут быть введены ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности, могут быть предусмотрены виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота, либо совершение сделок, с которыми допускается по специальному разрешению. Таким образом, действующая редакция данной нормы не содержит упоминание об изъятых из гражданского оборота объектах гражданских прав, как это было ранее, в связи с этим непонятно, о каких объектах идет речь в ст. 23.4 КОАП РФ. Поэтому на практике дела по ст. 19.12 рассматривают мировые судьи в соответствии со ст. 23.1 КОАП РФ.

В связи с вышесказанным представляется необходимым исключить из текста ст. 23.4 КОАП термин «предметы, изъятые из оборота», как не соответствующий ГК РФ, это позволит рассматривать данные дела начальникам учреждений и органов УИС, что, на наш взгляд, благотворно скажется на дисциплинарной практике данных учреждений и ускорит процесс рассмотрения таких дел.

Также необходимо рассмотреть вопрос об усилении ответственности за передачу или попытку передачи запрещенных предметов в учреждения УИС. Так, представляется, что установленный объем штрафа в санкции ст. 19.12 КОАП РФ в размере от трех до пяти тысяч рублей является незначительным для лиц, совершающих правонарушения, и не имеет той предполагаемой эффективности в части предупреждения их совершения повторно. В связи с этим считаем, что размер штрафа за передачу или попытку передачи запрещенных предметов в учреждения УИС следует существенно увеличить и установить повышенную сумму штрафа за повторное нарушение данной нормы.

Н.Д. Бубербаев

СПЕЦИФИКА ПРЕСТУПНОСТИ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. АСТАНЫ)

Специфическая особенность преступности любого столичного города, в нашем случае г. Астаны, связана не только с ее функциональным назначением как крупного политического, экономического, культурного центра страны. Это еще город с большим и дорогим рынком недвижимости (земельных участков, жилых домов, дач, квартир, гаражей, административных, производственных, складских, торговых и прочих зданий и помещений). Недвижимость этих городов, в отличие от других, чаще попадает в орбиту преступности, а причиняемый такими действиями ущерб всегда значителен.

Преступные посягательства в сфере сделок с недвижимостью преимущественно совершаются путем мошенничества, они и стали основными показателем криминологического неблагополучия г. Астаны.

В период с 2008 по 2017 г. в г. Астане было зарегистрировано 28 053 случая хищений чужого имущества или приобретения прав на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, удельный вес которых в структуре преступлений против собственности равен 14,8%, в общей структуре преступности составил 1,1%. В г. Астане в 2017 г. по отношению к показателю базисного 2008 г. темп прироста мошенничества составил 665,2.

Так, каждое третье мошенничество совершено в области сделок с недвижимостью, из них около 60% – в сфере жилищного строительства.

Криминализация указанной сферы обусловлена кризисными явлениями в сфере столичной градостроительной индустрии, не позволяющими оперативно и в достаточном объеме удовлетворять потребности быстро растущего городского населения в жилье. Высокая стоимость жилья в г. Астане подвигает отдельные строительные организации вступать на путь спекуляций, некоторые из них путем обмана или злоупотребления доверием, привлекая средства граждан якобы для строительства жилых домов, заведомо не имеют намерения исполнить взятые на себя обязательства.

25% мошеннических действий в рассматриваемой сфере совершены с арендой недвижимости. В частности, недобросовестные арендаторы недвижимости тайно от арендодателя, путем обмана или злоупотребления доверием, представляются собственниками недвижимости и пересдают взятую ими в аренду недвижимость третьим лицам по цене ниже рыночной стоимости с условием предоплаты за несколько месяцев. В итоге виновные обогащаются на суммы, полученные ими незаконным путем.

Детерминантами, влияющими на существование и воспроизводство преступлений в указанной сфере, являются: несовершенство действующего законодательства, регулирующего область жилищного строительства; ненадлежащая работа должностных лиц, уполномоченных осуществлять контроль в сфере жилищного строительства; а также правовая неграмотность граждан, предоставляющих услуги по найму жилья.

Преодоление этих негативных явлений видится в совершенствовании отдельных положений законодательства, регулирующих отношения, связанные с жилищным строительством и вопросами сдачи жилья в аренду, а также в разработке и принятии на их основе целевой городской программы по профилактике правонарушений в области градостроительной индустрии и сделок с недвижимостью. В этой программе, по нашему мнению, необходимо определить основные направления деятельности субъектов профилактики по выявлению причин и нейтрализации условий совершения правонарушений, конкретизировать работу по взаимодействию специальных субъектов профилактики (органов внутренних дел, службы экономических расследований, прокуратуры, налоговых органов и т.д.) с различными неспециализированными субъектами (управлением архитектуры и градостроительства, средствами массовой информации, общественными советами и организациями и т.д.).

А.А. Герасимов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС

Порядок и условия применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия предусмотрены Законом РФ от

21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 28.12.2016) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В соответствии со ст. 28 данного Закона сотрудники УИС имеют право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

По своему характеру меры безопасности представляют собой алгоритм действий, являющийся ответной реакцией на возникающую угрозу или непосредственную опасность для безопасности сотрудника.

Согласно требованиям уголовно-исполнительного законодательства, при применении мер безопасности сотрудник УИС действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления.

Отметим, что сотрудники УИС, выполняющие свои задачи в непосредственном контакте с осужденными или лицами, содержащимися под стражей, ежедневно сталкиваются с опасностью силового противодействия законным требованиям. В этой связи сотрудники учреждений УИС также нередко не могут своевременно и правильно оценить сложившуюся ситуацию и определить объем и интенсивность применения мер безопасности как средств отражения нападения, пресечения преступлений и правонарушений, принуждения к выполнению законных требований.

Анализ случаев применения осужденными насилия в отношении сотрудников УИС показал, что зачастую они совершаются при проведении режимных мероприятий, в том числе: обыскных мероприятий, проверок наличия и технических осмотров камер (–55%); при сопровождении осужденных – 27%; при изъятии средств мобильной связи – 7,5% и др. Согласно результатам анкетирования сотрудников исправительных учреждений (всего в опросе участвовало 102 сотрудника, проходящих службу в подразделениях безопасности (режима и надзора) исправительных учреждений Томской и Кемеровской областей), более половины (68% из числа опрошенных) считают, что в нормативно правовых актах регламентирующих применение мер безопасности отсутствует четкий, не допускающий двоякого толкования алгоритм действий сотрудника при возникновении реальных ситуаций применения мер безопасности. В соответствии с

требованиями ст. 28.1 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудник УИС обязан обеспечить наименьшее причинение вреда осужденным, лицам, заключенным под стражу, и иным лицам. Однако объем и содержание понятия «наименьшее причинение вреда» законодательством не раскрываются. В связи с этим при применении мер безопасности в практической деятельности учреждений УИС зачастую возникают случаи нарушения положений действующего законодательства о порядке применения сотрудниками УИС физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Таким образом налицо необходимость более детальной разработки правовой регламентации пределов применения мер безопасности сотрудниками УИС в части определения и соотношения пределов их применения и требованием о «наименьшем причинении вреда».

В.Б. Дворцов

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УИС К РАБОТЕ С НЕФОРМАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ ОСУЖДЕННЫХ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ПРИЗНАКАМ

Профессиональная деятельность сотрудников УИС в настоящее время реализуется в достаточно сложных условиях. Так, согласно официальным статистическим данным ФСИН России на 1 января 2018 года в системе учреждений УИС содержалось 602 176 человек. Неуклонно увеличивается доля лиц, отбывающих наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений: в 2014 г. она составляла 84,81%, в 2015 – 80,80%, а в 2017 – 86% от общего числа лиц, находящихся в местах лишения свободы. Более четверти из числа осужденных отбывают значительные сроки лишения свободы, около половины из числа указанной категории отбывает наказание повторно, что обуславливает увеличение удельного веса асоциаль-

ных граждан. Результаты проведенного научно-практического исследования в 2015–2017 гг. в исправительных учреждениях Алтайского, Камчатского, Красноярского края, Амурской, Кемеровской, Томской, Тюменской областях, путем анкетирования более 500 сотрудников УИС, позволили выявить следующие общие недостатки в подготовке сотрудников УИС к профессиональной деятельности: недостаточный уровень сформированности профессиональных компетенций (38%); слабое владение навыками аналитической работы практического использования ее результатов при подготовке прогноза и планирования организации режимных мероприятий (12%); слабый уровень владения навыками построения тактики разговора с осужденными, их родственниками, представителями средств массовой информации и правозащитных организаций (16%), слабая психологическая готовность сотрудников к действиям при осложнениях оперативной обстановки (18%), а также в процессе применения мер безопасности (26%). Следует отметить, что наибольшее интеллектуальное и психологическое напряжение испытывают сотрудники при работе с неформальными группами осужденных, объединенных по социокультурным признакам (более 78%), осложнениях оперативной обстановки (31%), при водворении осужденных в штрафной изолятор, помещение камерного типа, единое помещение камерного типа, одиночные камеры (25%), а также во время несения службы в запираемых помещениях (24%).

Более 2/3 из числа опрошенных сотрудников отметили, что у них отсутствуют необходимые знания о содержании и нормах различных социокультурных групп, их традициях и обычаях, что значительно затрудняет работу с ними.

Низкий уровень сформированности у сотрудников учреждений УИС профессиональных компетенций, недостаточное умение тактически выгодно выстроить диалог с осужденными при выполнении режимных мероприятий фактически оказывают отрицательное влияние на обстановку в исправительных учреждениях. Проведенный анализ практики деятельности сотрудников учреждений УИС показывает, что недостаточный уровень сформированности у них профессиональных компетенций не позволяет им в полном объеме осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями нормативных правовых актов.

В связи с этим налицо необходимость разработки и внедрения в учебный процесс образовательных организаций ФСИН России специальных программ повышения квалификации по теме «Особенности организации работы с неформальными группами осужденных и лиц, содержащихся под стражей, сформированными по социокультурным признакам» для обучения сотрудников УИС.

Д.А. Золотарев

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НЕСЛУЖЕБНЫХ СВЯЗЕЙ ПЕРСОНАЛА И ОСУЖДЕННЫХ НА СОСТОЯНИЕ ПРАВОПОРЯДКА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Неслужебные связи можно определить как вступление работников исправительных учреждений (ИУ) в отношения с осужденными, которые не регламентированы уголовно-исполнительным законодательством.

Как правило, неслужебные связи персонала ИУ с осужденными выражены в виде доставки и передачи запрещенных предметов, вещей и информации. Они и их результаты часто проявляются и в иных формах (необоснованное изменение условий содержания на более благоприятные для осужденных предоставление им необоснованных иных преференций (льгот), положительно характеризующих материалов, в том числе для подачи материалов об условно-досрочном освобождении и др.).

Наиболее распространенными способами установления неслужебных связей осужденных с сотрудниками ИУ, как правило, являются подкуп и шантаж. Зачастую осужденные стараются оказать помощь администрации ИУ и благодаря тому войти в доверие к ее отдельным сотрудникам. Однако после получения необходимой информации о сотруднике, которую он, как правило, сам добровольно сообщает осужденным, начинается плавное вовлечение сотрудника в совершение противоправных действий, несущих более тяжелые последствия. В дальнейшем осужденные начинают шантажировать сотрудника разглашением первого факта его вступления в неслужебные связи.

Неслужебные связи могут возникать и в силу родства отдельных сотрудников ИУ с осужденными или знакомства между ними до осуждения последних. Есть и случаи, когда сами сотрудники выступают инициаторами неслужебных связей с осужденными с целью улучшения своего материального положения.

Как свидетельствуют официальные статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, прослеживается некоторая тенденция к снижению числа выявленных фактов неслужебных связей персонала с осужденными и лицами, содержащимися под стражей. В 2012 г. выявлено 204 факта вступления сотрудников УИС в запрещенные связи со спецконтингентом, в 2014 г. – 123, в 2016 г. – 115 фактов¹. Рассматривая неслужебные связи в контексте общего числа правонарушений персонала УИС, мы приходим к неутешительному выводу: общее число нарушений законности в 2012 г. составило 585 случаев, а в 2016 г. – 335 случаев.

Неслужебные связи персонала ИУ оказывают отрицательное влияние на состояние оперативной обстановки в нем, ведут к нарушениям установленного порядка отбывания наказания, нередко влекут за собой иные правонарушения, а в некоторых случаях – преступления. Немаловажным негативным проявлением неслужебных связей, является так называемое разложение УИС изнутри, формирование ее отрицательного образа в глазах общественности, снижение ее авторитета.

Противодействие таким негативным явлениям, как неслужебные связи, возникающие между персоналом УИС и осужденными, является одной из наиболее важных задач. Необходимость комплексного подхода в ее решении осознает значительная часть сотрудников. Но сегодня действенных мер оперативно-розыскного характера, направленных на противодействие неслужебным связям, пока не разработано.

¹ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России // Информационно-аналитический сборник. Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, январь–декабрь 2016 г.

Е.А. Каданева

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ В ТЮРЬМУ ОСУЖДЕННЫХ, ПРИЗНАННЫХ ЗЛОСТНЫМИ НАРУШИТЕЛЯМИ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Одним из правовых последствий признания осужденного злостным нарушителем отбывания наказания является перевод из колонии общего, строгого, особого режимов в тюрьму (п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ).

Также, помимо злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, в тюрьме могут содержаться осужденные, которым назначена тюрьма для отбывания части срока лишения свободы. Среди лиц, находящихся в тюрьме, что большую их часть (20%) составляют злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания¹.

По действующему российскому уголовно-исполнительному законодательству один юридический факт в виде совершения осужденным деяния, признаваемого злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания, согласно ч. 1 ст. 116 УИК РФ, фактически влечет следующие правовые последствия: назначение дисциплинарного взыскания в виде водворения в ШИЗО, перевод в ПКТ, одиночную камеру, ЕПКТ, перевод осужденного на более строгие условия отбывания наказания, а также возможность изменения вида исправительного учреждения в сторону ухудшения правового положения осужденного, в том числе и перевод в тюрьму (п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ).

Признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания является основанием для перевода осужденного на более строгие условия в исправительной колонии, что является обязанностью администрации, исходя их буквального толкования норм, предусмотренных ч. 3 ст. 120, ч. 3 ст. 122, ч. 4 ст. 120, ч. 4 ст. 122 УИК РФ.

¹ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь–июнь 2017 года : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2017.

Что касается изменения вида исправительного учреждения, то перевод осужденного в тюрьму является правом компетентных органов, поскольку в п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК говорится, что осужденные, являющиеся злостными нарушителями отбывания наказания, могут быть переведены в тюрьму. При этом для решения вопроса об изменении вида исправительного учреждения нет обязательного требования о предварительном применении к данному осужденному перевода на более строгие условия отбывания наказания.

Наблюдается конкуренция норм: перевод осужденного, признанного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, в строгие условия отбывания наказания, с одной стороны, и перевод данного осужденного в тюрьму – с другой.

В связи с чем в тюрьме могут оказаться осужденные с разной степенью криминальной запущенности, что влечет утрату значения тюрьмы как исправительного учреждения для содержания лиц с наибольшей степенью общественной опасности.

Для разрешения сложившейся ситуации законодательно необходимо закрепить положение, что перевод осужденного в тюрьму возможен только после применения всех предусмотренных законом мер исправительного воздействия в отношении лиц, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в рамках одного исправительного учреждения. При этом перевод в тюрьму следует рассматривать не как меру ответственности, а как меру безопасности, заключающуюся в изоляции наиболее общественно опасных осужденных от остальных осужденных.

В.Х. Каримов

ЗНАЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Конституция РФ определяет безусловное признание прав и свобод человека как высшей ценности и накладывает обязанность на государство их соблюдать и защищать. Процесс исполнения решений суда по искам потерпевших по уголовным делам не эффективен. Решить данную проблему можно, если государство признает при-

оритетной задачей защиту и восстановление прав лиц, пострадавших от преступных посягательств путем проведения комплексной государственной политики, применяя средства и меры государственного принуждения.

Как видится, проблема заложена в ошибочной концептуальной позиции о том, что уголовно-исполнительное право регулирует исключительно правоотношение только между осужденными и государством (в широком смысле). Данную позицию можно проследить из целей наказания в уголовно-исполнительном праве, где определяя исправление осужденного и предупреждение новых преступлений, в отличие от уголовного права, отсутствует такая важная цель – восстановление социальной справедливости. В научной среде на данный пробел неоднократно обращалось внимание и по этому поводу не утихают дискуссии.

Безусловно, что наказание должно быть справедливым, это одна сторона социальной справедливости. На есть и другая сторона – восстановление прав тех, кто пострадал от преступных посягательств. Для лучшего уяснения следует исходить из того, что уголовно-наказуемые деяния существенно отличаются друг от друга по объекту посягательства: интересы государства, общества, организаций, физических лиц. Кроме того, существенное значение имеют характер и степень их общественной опасности. Соответственно, в одних случаях может быть выставлен приоритет восстановления прав потерпевших и меры государственного принуждения должны применяться в случае невозможности возместить причинённый ущерб преступлением. В других случаях акцент должен быть сделан на наложении правоограничений, осуществляемых государством за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, не забывая при этом попутно решать задачи по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Таким образом, восстановление социальной справедливости при исполнении наказания нами видится:

- 1) в вынесении справедливого наказания;
- 2) воспитательном воздействии, оказываемом на осужденного, в случае материальной и моральной ответственности перед конкретными лицами, пострадавшими от преступления;
- 3) компенсации вреда, причиненного преступлением (государству, обществу, гражданам).

Д.В. Карелин

СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ НОРМ О НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКАХ

Право наследовать, являясь элементом гражданской правоспособности, уже со времен римского права могло быть ограничено. Основаниями такого ограничения являлись поступки, перечень которых изменялся и дополнялся. Однако неизменным оставалось то, что их объединяло – они характеризовали наследника как безнравственного, бесчестного человека, а следовательно, недостойного наследовать. Таким образом, социальным основанием ограничения права наследовать является необходимость снятия возникающего противоречия между целью и средствами удовлетворения материальных потребностей (недопущение обогащения, установление препятствий для предупреждения противоправных действий со стороны потенциальных наследников) и сохранение баланса интересов путем восстановления нарушенной справедливости (отстранение от наследства как воздаяние за содеянное).

Российское законодательство сравнительно недавно закрепило институт недостойных наследников: несмотря на то что на уровне судебной практики разъяснения появились уже в 30-е гг. прошлого века, лишь в ГК РСФСР 1964 г. впервые были предусмотрены основания отстранения гражданина от наследства. Действующий ГК РФ в ст. 1117 содержит несколько самостоятельных оснований отстранения от наследства. Остановимся лишь на одном из них, которое в теории и на практике вызывает наибольшие затруднения. Так, в соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ, основанием отстранения от наследования является «совершение умышленных противоправных действий, направленных против наследодателя, кого-либо из его наследников... которые способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию... если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке». В рассматриваемой части норма гражданского права является бланкетной. Учитывая данное обстоятельство, высший судебный орган, пытаясь устранить возможные проблемы в ее применении, разъяснял, что такие

действия «должны быть установлены приговором суда...» (Постановления Пленума ВС РСФСР от 23.04.91 г. № 2), а мотивы и цели их совершения (в том числе при их совершении на почве мести, ревности, из хулиганских побуждений и т.п.) и реальное наступление последствий значения не имеют» (Пленум ВС РФ от 29.05.2012 г. № 9).

Такое толкование позволяет относить к «недостойным действиям» убийство, приготовление, покушение и соучастие в нем. Вместе с тем виды противоправных умышленных действий, в результате которых наступает или может наступить смерть потерпевшего в соответствии с действующим УК, не ограничиваются только убийством. К ним относятся: доведение до самоубийства (ст. 110), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1), оставление в опасности (ст. 125), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2). Кроме того, умышленный и противоправный характер действий не всегда предполагает умысел в отношении преступных последствий (ч. 4 ст. 111 УК РФ, ч. 3 ст. 264 УК РФ). Характер и степень общественной опасности указанных выше деяний существенно различаются – среди них есть особо тяжкие и преступления небольшой тяжести. Кроме того, они могут быть совершены как путем действия, так и бездействия; установлено это может быть при освобождении лица от уголовной ответственности и на досудебной стадии. На степень общественной опасности может влиять поведение самого потерпевшего (например, убийство в состоянии аффекта, вызванного преступным или аморальным поведением наследодателя). Однако эти обстоятельства ГК РФ не учитывает, что создает проблемы и коррупционные ниши (широта усмотрения) в процессе применения рассматриваемой нормы. Следовательно, повышению эффективности института недостойных наследников должно предшествовать решение вопросов, связанных с его криминологической обусловленностью.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦ
(СТАЦИОНАРОВ) СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТИПА
С ИНТЕНСИВНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ
(УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

В целях обеспечения правопорядка, жизни и здоровья населения государство вынуждено прибегать к принуждению в форме изоляции определенных категорий граждан. Данная мера может быть применена в отношении общественно опасной категории лиц, совершивших уголовные преступления.

Основными формами изоляции осужденных по уголовному праву России являются наказания в виде лишения свободы на определенный срок, арест, пожизненное лишение свободы и содержание в дисциплинарной воинской части, независимо от конкретного наименования и расположения в системе наказаний, их можно считать пенитенциарными мерами. Вопросы их реализации, несомненно, и впредь будут составлять «ядро» уголовно-исполнительной науки и практики. Однако обоснованными, по мнению В.А. Уткина, следует обратить больше внимания на то обстоятельство, что общие (сущностные) черты лишения свободы в той или иной мере присущи и фактической реализации ряда других принудительных мер, не являющихся наказанием по их юридической природе¹.

Одной из таких форм является помещение лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, в психиатрические больницы (стационары) специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Данный вид государственного принуждения – это принудительная мера медицинского характера (ПММХ). Если основания и цели применения ПММХ регламентирует уголовное законодательство

¹ Уткин В.А. Пенитенциарное право как «право лишения свободы» // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1998. С. 62–63.

(гл. 15 УК РФ), а процедуру применения – уголовно-процессуальное (гл. 51 УПК РФ), то исполнение ПММХ, в том числе и принудительного лечения психически больных, на законодательном уровне остается не урегулированным, несмотря на то в ч. 3 ст. 97 УК РФ закреплено положение о том, что порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации и иными федеральными законами. Однако Особенная часть Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации не содержит норм, определяющих порядок и условия исполнения принудительных мер медицинского характера. Налицо рассогласованность между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством.

Отсутствие должного правового регулирования принудительных мер медицинского характера может быть одной из причин использования их в противоправных целях, в конечном счете – наносить ущерб здоровью, человеческому достоинству и правам граждан, а также международному престижу государства.

С этих позиций в практическом плане в русле подготовки новых ведомственных нормативно-правовых актов в первую очередь необходимы:

- 1) проведенная на основе детального научного анализа ведомственная систематизация соответствующих норм;
- 2) выведение на законодательный уровень тех положений, которые определяют юридическое содержание мер, ограничивающих права и свободы лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции;
- 3) оптимизация этих ограничений с учетом сложившегося опыта, а также требований и рекомендаций общепризнанных международных актов.

Т.Н. Козоль, О.В. Анцибалова

«НОВЫЙ ПОВОРОТ» ПРАВИЛ НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ

Традиционно при анализе собственно международных стандартов в целом и европейских правил в частности в области обращения с лицами, лишёнными свободы, отечественным научным пенитенциарным сообществом акцент делается на сферу прав осужденных в

контексте прав человека. Взятый по вполне понятным причинам еще с конца прошлого века вектор научного движения остается доминирующим и в новом XXI столетии.

Вместе с тем обновленный в 2015 г. международный стандарт Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правил Нельсона Манделы), равно как и Европейские правила 2006 г., отражают разворот международного пенитенциарного сообщества к организационно-управленческой области пенитенциарной деятельности. На это новое «звучание» международных документов обратили внимание лишь отдельные исследователи, если не сказать единицы¹.

В Правилах Нельсона Манделы организационно-управленческим вопросам посвящен отдельный раздел – «Персонал учреждений», аккумулирующий в себе 9 Правил – с 74-го Правила по 82-е Правило.

Вся совокупность правил выстроена на основании и в обеспечении реализации двух основных принципиальных положений:

1. Работа в пенитенциарном учреждении имеет большое общественное значение.

2. Надлежащее (с позиции обеспечения прав осужденных в контексте прав человека) управление тюремным учреждением зависит от личностных качеств сотрудников.

Для достижения поставленных целей Правила предлагают механизм, включающий три области требований с определением субъекта ответственности:

1. Стандарты, определяющие круг лиц, из которых может состоять персонал пенитенциарных учреждений с определением их статуса и функциональной роли.

2. Требования, предъявляемые к личностным качествам персонала.

3. Минимальные организационные условия, обеспечивающие «надлежащую» работу всего персонала пенитенциарного учреждения «как социальную службу особой важности».

¹ См.: Уткин В.А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 14–18; Он же: Администрация и персонал исправительного учреждения как субъекты уголовно-исполнительной деятельности // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4 (33). С. 98–104.

В персонал Минимальные стандартные правила 2015 г. включают следующих лиц:

- тюремная администрация (Правила 74, 75, 79, 80);
- сотрудники (Правила 74–77, 79, 81, 82);
- специалисты (Правило 78).

Необходимо отметить, что Правила Манделы «жестко» фиксируют статус только в отношении одного субъекта – сотрудников. В п. 3 Правила 74 четко определено, что сотрудники – это **«специализированный»** тюремный персонал, пользующийся статусом **«государственных служащих»** (выделено нами. – *Авт.*).

Функционально-ролевая позиция субъектов пенитенциарной деятельности выглядит следующим образом:

1. Тюремная администрация осуществляет собственно функцию «администрирования», т.е. организационно-управленческую деятельность. Причем из двух областей управления – управление заключенными и управление персоналом – анализируемый раздел Правил Манделы посвящен именно второй сфере.

2. Сотрудники пенитенциарных учреждений как «специализированный тюремный персонал» работают на условиях полного рабочего времени и отвечают за работу с заключенными. Можно сказать, что данная часть персонала наделяется правом принятия решений в отношении заключенных, т.е. распорядительными полномочиями, и является представителями администрации.

3. Специалисты, которых рекомендовано привлекать к работе с заключенными по мере возможности, с пожеланием включения отдельных из них (социальные работники, учителя и преподаватели ремесленных дисциплин) в штат пенитенциарного учреждения в качестве постоянных сотрудников.

Требования, предъявляемые к персоналу, не зависят от статусной и функционально-ролевой позиции каждой из групп, в него входящих. Эти требования включают две области – компетентностную и морально-этическую. Причем на ценностно-моральную сферу обращено особо пристальное внимание, вплоть до перечисления конкретных морально-нравственных добродетелей.

Минимальные организационные условия включают требования к уровню и объему социальных гарантий персонала, условиям для его профессиональной подготовки, а также ряд профессиональных позиций персонала в работе с заключенными.

СИСТЕМА ЛОКАЛЬНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Коррупция в сфере высшего образования препятствует нормальному функционированию образовательных организаций, их экономическому развитию. Эффективным механизмом противодействия этому явлению выступает система локальных антикоррупционных нормативных актов.

Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции», к одной из мер по предупреждению коррупции относятся предотвращение и урегулирование конфликта интересов¹. Вопрос преодоления конфликта интересов педагогических работников разрешается на локальном уровне путем создания комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных организаций. Во многих организациях утверждены Положения о таких комиссиях, например в Высшей школе экономике², в других университетах такие положения либо вообще не разработаны, либо приняты рамочные локальные акты. В целях предупреждения конфликта интересов необходимы подробная регламентация локальных норм по урегулированию споров между педагогическими работниками и обучающимися, а также принятие локального акта, где были бы закреплены основания и случаи возникновения конфликта интересов.

Для борьбы с коррупцией образовательные организации локальным актом назначают должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных правонарушений, осуществляют сотрудничество с правоохранительными органами, разрабатывают и принимают планы по противодействию коррупции. Так, в Кемеровском государственном университете принят План мероприятий по профилактике и противодействию коррупции на 2016–2017 гг., где предусмотрено взаимодействие с подразделениями УМВД России и дру-

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон Российской Федерации от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // *Собрание законодательства Рос. Федерации*. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228.

² URL: <https://www.hse.ru/docs/200531037.html>

гими ведомствами¹. Но зачастую мероприятия по борьбе с коррупцией, указанные в планах, носят декларативный характер, ответственное должностное лицо за профилактику коррупционных правонарушений лишь номинально числится в организации таковым, не предпринимает антикоррупционных мер, нормы локальных актов содержат расплывчатые формулировки, перенимая положения федерального законодательства, поэтому указанные меры локального регулирования будут эффективными средствами борьбы с коррупцией только в том случае, если они выполняются в полном объеме и разработаны механизмы их реализации.

С целью снижения в локальных нормативных актах коррупционных проявлений образовательным организациям целесообразно проводить антикоррупционную экспертизу. При этом из-за большого массива документов следует проводить экспертизу хотя бы тех актов, которые регулируют наиболее значимые общественные отношения, такие как образовательные, отношения между работниками и работодателем, деятельность в сфере закупок товаров, работ и услуг. Такая экспертиза проводится, к примеру, в Сибирском государственном университете путей сообщения². Кроме того, университетам необходимо предусмотреть возможность проведения как предварительной антикоррупционной экспертизы, так и последующей по заявлению заинтересованных лиц. Для этого нужно обеспечить публичный характер принимаемых документов, чтобы с ними могли быть ознакомлены работники обучающиеся, контрольные органы. На этапе разработки локальных актов и предварительной экспертизы должны учитываться положения, закрепленные в иных нормативных документах организации, быть с ними взаимосвязанными.

Только при системном подходе к разработке, принятию и применению локальных нормативных актов возможно обеспечить объективность, независимость и эффективность локального антикоррупционного регулирования.

¹ URL: http://www.kemsu.ru/pages/doc_against_corruption

² URL: http://www.stu.ru/user_files/get_file.php?id=3441&name=1634_4.pdf

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА В КРИМИНОЛОГИИ

Исследование любой проблемы необходимо начинать с методологических аспектов. Обособить предмет, сделать его самостоятельным по отношению к другим однопорядковым феноменам, позволяет именно своеобразие методологии исследования. При изучении становления норм об уголовной ответственности за преступление или группу однородных преступлений, речь идет об истории уголовного законодательства. В случае рассмотрения эволюции подходов к изучению определенного вида преступности в прошлом мы обращаемся к истории науки криминологии¹. Гораздо сложнее дело обстоит с изучением возникновения и эволюции какого-либо вида общественно опасных деяний в тот или иной период развития социума. Это не история права, не история правовых учений и юридической науки, это история преступности. В связи с этим есть основания говорить о существовании особого, ретроспективного метода для исследования криминологических явлений.

Причем необходимо отметить, что это не самостоятельный метод науки, он не призван заменить какой-либо общенаучный, частнонаучный или специальный метод или выступить наряду с этими методами. Это метод определенного научного исследования как совокупность приемов и средств изучения некоторого сегмента социальной реальности². Говоря конкретно, с помощью ретроспективного метода можно провести исследование преступности террористической направленности в России второй половины XIX – начала XX в.

При исследовании указанной преступности необходимо отталкиваться от ряда методологических аспектов, во-первых, учитывать контекст эпохи, особенности восприятия террористической преступности отдельными слоями населения и СМИ; во-вторых, исходить из

¹ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2017. С. 16.

² История и методология юридической науки : учеб. для вузов / под ред. В.В. Сорокина. Барнаул : Новый формат, 2016. С. 106.

своеобразия политического терроризма¹ в России второй половины XIX – начала XX в. как особого социально-негативного явления, проявившегося сначала в индивидуальном терроре, затем в народо-вольческом терроре, эсеровском терроре, массовом терроре Революции 1905–1907 гг.; в-третьих, нужно учитывать, что одним из свойств этого явления выступает его временная ограниченность, в первой половине XIX в. мы можем обнаружить только предпосылки, идеологическое обоснование революционного террора, после Первой русской революции он постепенно сходит на нет, в связи с чем комплекс детерминант такого террора существовал ограниченный промежуток времени. В ходе Революции 1917 г. и Гражданской войны террор, конечно, имел место быть, но он был одним из средств взаимной политической борьбы различных движений и партий. Таким образом, целостная картина может быть получена только при рассмотрении политического терроризма в России второй половины XIX – начала XX в. как отдельно взятого специфического исторического явления.

Подобного рода исследования в науке криминологии имеют место быть. В частности, С.А. Елисеев проводит обстоятельный анализ имущественной преступности в России XIX–XX вв. с позиций состояния, структуры и динамики². Анализ исторических форм преступности, их сопоставление с современными аналогичными формами могут позволить более адекватно и взвешенно организовать реализацию политики в сфере предупреждения преступности.

Е.В. Латынин

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОРД ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

Основными задачами оперативных подразделений ФСИН, согласно действующему федеральному законодательству (ст. 84 УИК,

¹ Смирнов В.Н. Политический терроризм Российской империи. Харьков : Литера Нова, 2012. С. 35.

² Елисеев С.А. Имущественная преступность в России XIX–XX веков (основные черты, концепции причин, предупреждение). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 4–12.

ст. 34 ФЗ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений), являются предупреждение, пресечение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и предупреждение и пресечение нарушений установленного порядка отбывания наказания. Кроме этого, ежегодно сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы пресекают значительное количество попыток вступления персонала исправительных учреждений в неслужебные связи с осужденными.

Возможности оперативно-розыскной деятельности в процессе исполнения наказаний достаточно значительны. При ее грамотной организации практические результаты способствуют реальному исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений, раскрытию ранее не выявленных преступлений, своевременному обнаружению криминальных намерений, в том числе в постпенитенциарный период.

Немаловажная роль оперативным подразделениям отведена приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Согласно этому документу, оперативно-розыскная деятельность осуществляется в отношении любых правонарушений, к которым могут относиться как нарушение формы одежды или невыполнение распорядка дня, так и организация каналов поставки или хранение средств сотовой связи. Естественно, что для борьбы с нарушением распорядка дня или нарушением формы одежды и другими подобными нарушениями применение оперативно-розыскных мер нецелесообразно. Кроме того, опрос сотрудников оперативных подразделений показывает, что руководство часто прибегает к использованию сил и средств оперативно-розыскной деятельности в целях решения повседневных задач, стоящих перед другими подразделениями. Примером подобных задач являются: осуществление подъема или отбоя, сопровождение транспорта и работников по территории учреждения, проведение просчета и т.п.

В теории оперативно-розыскной деятельности выделяется принцип соразмерности (адекватности) оперативно-розыскного воздействия. По мнению А.Ю. Шумилова, оперативно-розыскные мероприятия должны быть соразмерны общественной опасности выявленных

правонарушений и целесообразны в том случае, когда исчерпаны иные законные меры¹. Однако ни на законодательном, ни на подзаконном уровнях вопрос соразмерности оперативно-розыскных мер не решен. Оперативно-розыскные мероприятия чаще всего производятся в целях предупреждения и пресечения злостных нарушений установленного отбывания наказания. Выполнение своих должностных обязанностей дежурными службами, дневными сменами, отделами безопасности (режима), сотрудниками отделов воспитательной работы и психологической лаборатории представляется достаточным для борьбы с прочими нарушениями. Вместе с тем борьба со злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания должна осуществляться совместно с другими службами исправительного учреждения.

Примером положительного решения данного вопроса выступает позиция ГУФСИН России по Кемеровской области, которое направлено в учреждения информационное письмо, запрещающее использование сотрудников оперативных подразделений для выполнения мероприятий, не связанных с их должностными обязанностями, во время заступления на дежурство в составе оперативной группы не по их прямому назначению. Предписано исключить случаи их привлечения к выполнению несвойственных задач (дежурства в составе дежурной службы по осуществлению надзора за осужденными согласно табелю постам, конвоирование осужденных, досмотр и сопровождение автотранспорта, обеспечение погрузочно-разгрузочных работ, обеспечение осужденным права телефонных переговоров и т.д.).

Представляется целесообразным уточнить на законодательном уровне задачи оперативно-розыскной деятельности в СИЗО и определить минимальный предел применения оперативно-розыскных мер предупреждением и пресечением злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания и содержания под стражей. Данное уточнение позволит ограничить нагрузку на оперативные аппараты и направить высвободившееся время на выявление, предупреждение и пресечение именно тех правонарушений, которые несут значительную общественную опасность.

¹ Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов / под ред. А.Ю. Шумилова. М., 2006. 368 с.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Под законными интересами понимаются потребности личности, не охватываемые содержанием установленных законом прав и свобод. В отличие от прав, им не противостоят прямые юридические обязанности соответствующих лиц (контрагентов), они не имеют твердых юридических гарантий, поэтому выполнение притязаний их обладателя не является обязательным. В правовом статусе осужденных, по сравнению со статусом гражданина Российской Федерации, объем законных интересов больше. Это вызвано тем, что законодатель в ряде случаев преднамеренно наделяет их не правами, а законными интересами, обуславливая возможность их реализации при наличии положительных характеристик осужденного во время отбывания наказания в исправительном учреждении. Таким образом, защита прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, особенно женщин, относится к числу наиболее актуальных проблем.

На современном этапе при назначении наказания женщинам, судами все чаще избирается отсрочка от отбывания наказания или альтернативные меры наказания без изоляции от общества. Так, за 2017 г. по статистическим данным ФСИН России¹, освобождено из исправительных учреждений 1 352 женщины, что привело к сокращению данной категории осужденных на 3,25%. В практике отбывания женщинами наказания в виде лишения свободы наблюдается ряд проблем, которые накладывают свой отпечаток на их дальнейшую ресоциализацию после освобождения из исправительных учреждений. Так, на текущий момент не все субъекты Российской Федерации могут обеспечить в полном объеме реализацию принципа отбывания наказания осужденными к лишению свободы по месту их осуждения либо проживания. Это, соответственно, не только обу-

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 19.01.2018).

словливает ограничение возможности реализации отдельных законных интересов осужденных, но и снижает эффективность исправительного воздействия. Согласно результатам социологического исследования, около 60% осужденных женщин в исправительных колониях редко общаются со своими детьми в период отбывания наказания в связи с отдаленностью их места проживания и отсутствием возможности приезжать на краткосрочные и длительные свидания. Кроме того, согласно ст. 97 УИК РФ, осужденным к лишению свободы могут быть разрешены выезды за пределы исправительных учреждений. На практике 92% осужденных женщин выезды за пределы исправительной колонии не предоставлялись. Объяснением этому служат положения действующего законодательства, согласно которому администрация исправительного учреждения может предоставить данное право, как правило, только при положительных характеристиках осужденных, имеющих вне исправительной колонии ребенка в возрасте до 14 лет и если это предусмотрено условиями отбывания ими лишения свободы в исправительном учреждении в соответствии с внесенными изменениями в ст. 89 УИК РФ. Что касается медико-санитарного обеспечения осужденных, право на охрану здоровья относится к основополагающим правам, которые не могут быть ограничены. В настоящее время лечебно-профилактическое и санитарно-профилактическое обеспечение женщин в исправительных учреждениях, согласно уголовно-исполнительному законодательству, существенно не отличается от обеспечения осужденных мужчин, отбывающих аналогичное наказание. Нередко в исправительных колониях отсутствуют узкие специалисты, которые могли бы проконсультировать по женским заболеваниям. Несомненно, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации ориентируется на рекомендации международных правовых актов и правовой статус осужденных женщин в исправительных учреждениях нуждается в постоянном совершенствовании и более детальном регламентировании, учитывающем психофизиологические, социально-демографические и иные особенности личности.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТРУДА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОСУЖДЕННЫМИ И СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Социологический опрос 163 сотрудников и 915 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях на территориях Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Красноярского и Алтайского краев, Республик Тыва и Хакасия показал, что каждые два из трех опрошенных осужденных считают, что они трудятся добровольно.

На восприятие осужденными их труда как добровольного или обязательного непосредственно влияют условия их труда. Четверо из пяти осужденных отмечают, что трудятся только потому, что труд обязателен считают оплату труда недостаточной. Для двух из трех таких осужденных условия труда (место работы, помещение, оборудование, обстановка и т.д.) являются неудовлетворительными. Половина тех, кто считает, что трудится в силу обязательности труда, не удовлетворены имеющейся у них работой. Каждый третий не стал бы работать, даже если бы труд стал добровольным (каждый второй ответил, что готов трудиться и при добровольном труде).

Три четверти опрошенных сотрудников уголовно-исполнительной системы считают, что большинство осужденных трудятся добровольно (71% осужденных действительно ответили, что трудятся добровольно), четверть сотрудников считает, что осужденные трудятся по принуждению (треть осужденных ответила, что трудятся по принуждению). И те, и другие сотрудники оплату труда, условия труда осужденных считают удовлетворительными. Они также указывают на то, что по их мнению, осужденные удовлетворены имеющейся у них работой. При этом две трети опрошенных считают, что осужденные стали бы работать, если бы труд стал добровольным (часть из них указывает на такие предпосылки, как повышение заработной платы, изменение условий труда и др.).

Мотивы труда осужденных представлены в таблице¹:

¹ Итоговая цифра больше 100%, так как опрошенные могли указывать несколько мотивов.

Мотив	Осужденные, %	Сотрудники, %
Заработная плата	34	45
Желание отвлечься	46	52
Необходимость погасить иски, алименты	28	42
Искупить вину	23	1
Получить специальность, необходимую на свободе	18	11
Иное (условно-досрочное освобождение, «быстрее идет время» и др.)	12	28

Видно, что и у осужденных, и у сотрудников, которые оценивают осужденных, на первом месте среди мотивов стоит «желание отвлечься», на втором – заработная плата, на третьем – необходимость погасить иски, алименты, что говорит о схожести мнения обоих, едином видении мотивации к труду. Но далее это видение расходится. Четверть осужденных указали в качестве мотива желание искупить вину, на что указывает только 1% сотрудников. Это свидетельствует о том, что сотрудники не видят в качестве мотивов добровольного труда мотивы, не являющиеся корыстными и не связанные с личной заинтересованностью самих осужденных. Служащие уголовно-исполнительной системы значительно чаще, чем осужденные, указывали условно-досрочное освобождение как мотив труда.

Таким образом, восприятие сотрудников, считающих, что большинство осужденных трудятся добровольно, в целом совпадает с мнением самих осужденных. Однако более высокий процент сотрудников, по сравнению с осужденными, считают, что последние трудятся по принуждению. Поскольку два из трех осужденных и сотрудников сходятся на мнении, что осужденные трудятся добровольно, это отражается на их взаимоотношениях внутри системы, когда сотрудники всё чаще прибегают к методам убеждения, поскольку осужденные в целом готовы работать. Это смягчает рабочий микроклимат и отношение к труду, что еще больше сближает труд в колониях с трудом свободных граждан.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ФИКСАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ-СРОКОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Теория юридических фактов не принадлежит к новым разделам юридической науки, тем не менее юридические факты, оказывающие влияние на отношения в сфере реализации уголовных наказаний, остались «за бортом» научного внимания ученых-пенитенциаристов. Не исключением являются и факты-сроки, анализ которых выявил ряд проблем.

Во-первых, в ряде случаев в законе *отсутствует временной промежуток* (срок, временной ориентир), в течение которого правоприменитель должен обеспечить возникновение уголовно-исполнительных правоотношений. Например, в ч. 2 ст. 75 УИК РФ не определены сроки, когда администрация СИЗО обязана поставить в известность одного из родственников по выбору осужденного о том, куда он направляется для отбывания наказания. Это, как показывает опрос сотрудников ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН по Кемеровской области, дает возможность направлять соответствующее извещение «по мере возможности». Следует обратить внимание на опыт законодателя Республики Казахстан, который в ч. 2 ст. 90 УИК РК установил двухдневный срок направления письменного уведомления родственнику осужденного.

Аналогичные проблемы отсутствия сроков, необходимых для возникновения уголовно-исполнительных правоотношений, можно выделить, например, в ч. 1 ст. 43 УИК РФ (не определены сроки уведомления администрацией организации, где работают осужденные к исправительным работам, УИИ об уклонении лица от отбывания наказания); ч. 1 ст. 91 УИК РФ (отсутствуют сроки уведомления осужденных о передаче операторам связи писем, почтовых карточек и телеграмм для их доставки по принадлежности); ч. 2 ст. 145 (не зафиксировано, в течение какого срока необходимо известить суд о перемещении осужденного военнослужащего к ограничению по воинской службе на другую должность или местность) и т.д.

Во-вторых, анализ уголовно-исполнительного законодательства показал, что при конструировании рассматриваемых юридических

фактов недостаточно определить временной промежуток, в течение которого должны возникнуть уголовно-исполнительные правоотношения. При определении сроков законодателем *должен быть зафиксирован момент начала их исчисления или окончания*. Так, например, в ч. 5 ст. 40 УИК РФ указывается, что осужденный обязан сообщать УИИ об изменении места работы и места жительства в течение десяти дней. Инспектора ряда УИИ г. Новокузнецка отмечают, что в законе не определен момент, когда указанные в норме десять дней начнут истекать: с момента регистрации по месту жительства? Фактического изменения места жительства? С момента приобретения жилого помещения? Указанные вопросы, несомненно, значимы при признании осужденного скрывшимся с места жительства.

Кроме того, в ч. 1 ст. 26 и ст. 37 УИК РФ у осужденных к наказаниям в виде обязательных работ и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не определен как момент исчисления срока уведомления об изменении места работы / жительства, так и период, в течение которого они обязаны это сделать, в ч. 2 ст. 91 УИК РФ (не определено, с какого момента исчисляется срок цензуры писем). Эти примеры можно продолжить.

Подводя итог, отметим, что перед наукой и законодателем стоит задача по выявлению и устранению проблем, связанных с отсутствием временных промежутков, в течение которых должны возникнуть уголовно-исполнительные правоотношения, и точек их отчета. В противном случае вопрос о своевременности возникновения уголовно-исполнительных правоотношений, эффективности механизма уголовно-исполнительного регулирования можно считать не вполне решенным.

И.С. Онищенко

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Уголовно-исполнительное законодательство практически всех стран СНГ достаточно подробно регулирует вопрос отсрочки испол-

нения наказания в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей; их нормативно-правовое регулирование очень сходно, но есть и различия.

В Белоруссии, Украине и Армении отсрочка исполнения наказания предоставляется осужденной женщине до достижения ее ребенком 3 лет, в Молдавии, Таджикистане, Туркменистане и Азербайджане – 8 лет, в Кыргызстане и Казахстане – 14 лет. Можно сделать вывод, что законодательство Кыргызстана и Казахстана в данном отношении более гуманное, так как возраст ребенка осужденной женщины выше, соответственно, осужденная мать сможет больше времени посвятить воспитанию ребенка (если она, конечно, добросовестная мать, что должен выяснить суд при вынесении решения).

При этом УИК ряда стран (Белоруссия, Украина, Казахстан, Азербайджан) делает оговорку: отсрочка не применяется к женщинам, осужденным на срок свыше 5 лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (в Молдавии – еще чрезвычайно тяжких, в Молдавии, Казахстане и Азербайджане это должны быть преступления против личности, в Украине – умышленные преступления). В Таджикистане исключение делается только в отношении женщин, совершивших особо тяжкие преступления.

В отношении процедуры применения отсрочки отбывания наказания данной категорией осужденных женщин, законодательство стран СНГ содержит сходные положения. Законодательство Кыргызстана, которое также изучается исследователями, дает возможность осужденной женщине обжаловать решение суда в случае отказа ей в предоставлении отсрочки исполнения наказания.

Что касается оснований отмены отсрочки отбывания наказания, то здесь есть небольшие отличия. В целом законодатели разных стран считают возможным отменить отсрочку, если осужденная отказалась от ребенка, оставила его в родильном доме или передала в детский дом, ведёт асоциальный образ жизни и не участвует в воспитании ребёнка, оставила его родственникам или другим лицам (в Армении – на долгое время), скрылась с места жительства или продолжает уклоняться от воспитания ребенка, нарушает общественный порядок после сделанного ей предупреждения.

В Белоруссии и Кыргызстане это возможно не только в зависимости от отношения осужденной женщины к своему ребенку, но и в зависимости от ее поведения на работе (в частности, в случае нару-

шения трудовой дисциплины). В Кыргызстане и Казахстане в данном аспекте установлен дополнительный критерий: осужденная женщина продолжает не заниматься воспитанием ребенка после двукратного письменного предупреждения (в Таджикистане – более двух раз).

Таким образом, можно сделать вывод, что нормативно-правовое регулирование вопроса отсрочки исполнения наказания в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, в уголовно-исполнительном законодательстве многих стран СНГ достаточно сходно и направлено на гуманизацию исполнения наказания в отношении данной категории осужденных.

А.А. Павленко

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА К ОДИНОЧНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ

В Правилах Нельсона Манделы¹ (ПНМ) впервые в международных документах содержится дефиниция понятий «одиночное заключение», под которым подразумеваются ограничение свободы заключенных в течение 22 часов или более в день без содержательных контактов с людьми и «длительное одиночное заключение» – в течение срока, превышающего 15 дней подряд (п. 44). Кроме того, указанные дефициты в ПНМ включены в число мер, равнозначных пытке или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания (п. 43.1.a, b), значимость запрета на которые подтверждается его закреплением в первом основном принципе ПНМ.

В российском законодательстве понятию «одиночное заключение» наиболее соответствует водворение в штрафной изолятор (да-

¹ Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными («Правила Нельсона Манделы»). Приняты 22 мая 2015 г. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/SMRbrochures/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners_the_Nelson_Mandela_Rules-R.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

лее – ШИЗО). В этой связи обозначенные положения ПНМ в основном отражены в УИК РФ. Так, водворение осужденных в ШИЗО допускается на срок до 15 суток (п. «в») ч. 1 ст. 115 УИК РФ) и, соответственно, не подпадает под «длительное одиночное заключение», предусмотренное ПНМ; российский порядок применения этой меры и должностные лица ее применяющие (ст. 117 и 119 УИК РФ) соответствуют рекомендациям п. 45.1 Правил Нельсона Манделы.

Определенные вопросы применительно к условиям содержания в ШИЗО могут вызывать временные рамки, установленные п. 44 ПНМ – 22 часа, так как осужденные, водворенные в штрафной изолятор, имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью всего один час (ч. 1 ст. 118 УИК РФ). Если эта мера взыскания наложена с выводом осужденного на работу¹ или в камере ШИЗО содержатся несколько человек, то такое содержание не подпадает под признаки «одиночного заключения». Расхождения ПНМ и российского законодательства отмечаются при содержании осужденного одного в камере ШИЗО без вывода на работу. В этой связи не следует забывать о рекомендательном характере Правил Нельсона Манделы, прямо указанном в Предварительном замечании № 2.

Относительно категорий лиц, которые не могут быть водворены в ШИЗО, то, по нашему мнению, в ч. 7 ст. 117 УИК РФ их перечень более дифференцирован по сравнению с требованиями п. 45.2 ПНМ – «осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет в доме ребенка исправительного учреждения, и осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам (ПНМ – женщины с детьми), а также осужденные, являющиеся инвалидами I группы (ПНМ – страдающие психическим расстройством или имеющие физические недостатки, если принятие таких мер приведет к ухудшению их состояния)».

Вместе с тем российским законодателем в 2017 г. уже предприняты меры к инкорпорации рассматриваемых положений ПНМ в УИК РФ путем увеличения времени прогулок в виде поощрения отдельным категориям лиц, изолированным от основной массы осужденных². К таковым относятся осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях исправительных колоний и в тюрьмах.

¹ П. 161 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295.

² Федеральный закон от 20.12.2017 № 410-ФЗ.

Таким образом, представляется, что ряд элементов данного международно-правового института, особенно раскрытие понятия «одиночное заключение» и его признаков, нуждается в имплементации в национальном законодательстве.

Б.С. Пейгин

СКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА И СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Введение в УК РФ ст. 110.1, 110.2 является одной из самых обсуждаемых новелл за последнее время. Представляет интерес проведение сравнительного анализа указанных норм с аналогичными в зарубежном, в том числе постсоветском, законодательстве.

Норма об ответственности за склонение к совершению самоубийства (ст. 118) была впервые включена в Модельный Уголовный кодекс (рекомендательный законодательный акт для СНГ) в 1996 г.

Норма ст. 110.2 УК РФ является, по сути, уникальной; ответственность за склонение к совершению самоубийства знают уголовные законы Армении (ст. 111), Белоруссии (ст. 146), Кыргызстана (ст. 103), Литвы (ст. 133), Туркменистана (ст. 106). Во всех случаях (кроме Литвы) законодатель, очевидно, опирался на вышеупомянутый Модельный УК. Так, ст. 118 Модельного УК в уголовном законодательстве Армении и Кыргызстана воспроизведена дословно, а в Уголовном кодексе Туркменистана, кроме того, объединена с нормой о доведении до самоубийства в рамках одной статьи. УК Белоруссии определяет понятие «склонение» аналогичным образом, но не конкретизирует его объективную сторону. Указанная норма везде является материальным составом, в чем и состоит принципиальное отличие от российского уголовного закона. Статья 133 УК Литвы тоже закрепляет материальный состав, и, как и в законодательстве с Туркменистана, объединяется с ответственностью за доведение до самоубийства.

Другая особенность российского законодательства в том, что диспозиция ст. 110.1 УК РФ не знает понятия «решимость совершить самоубийство», известного в Модельном Уголовном кодексе, и никак не раскрывает понятие «склонение». Кроме того, налицо более широкий перечень способов совершения этого преступления (в диспозицию статьи вводятся категории «подкуп» и «обман»), хотя он во всех случаях является открытым. Понятие «содействие совершению самоубийства», вводимое ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, в рамках законодательства стран – участниц СНГ является абсолютной новеллой. Схожая по гипотезе норма встречается, правда, в УК Литвы (ст. 134, Оказание помощи при самоубийстве), но это специальная норма, описывающая скорее содействие в эвтаназии, чем в самоубийстве. В части квалифицирующих признаков российская норма сравнима только с белорусской, где ст. 146 УК РБ имеет вторую часть. При этом из квалифицирующих признаков белорусский законодатель знает только совершение деяния в отношении двух или более лиц и в отношении заведомо несовершеннолетнего. В этом смысле установление ответственности в связи с «группами смерти» является чисто российским правовым феноменом.

Стоит остановиться и на размере санкции. Во всех случаях это деяние является преступлением средней тяжести, что сопоставимо с ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, но рассматриваемые составы являются материальными. Санкции ч. 5 и 6 ст. 110.1 УК РФ (материальных составов) гораздо суровее, что указывает на большее значение, которое российский законодатель придаёт охране данных общественных отношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что УК РФ, в сравнении с аналогичным законодательством рассматриваемых стран, подробнее регламентирует ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению по всем рассматриваемым критериям, а также впервые вводит формальный простой состав. Но эта новизна конструкции в совокупности с отсутствием достаточной правоприменительной практики ещё нуждается в проверке эффективности временем.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Число несовершеннолетних лиц, к которым суд применил условно-досрочное освобождение в период с 2009 по 2016 г., снизилось с 2 210 до 295 осужденных, что составляет 86,5%. На такое обстоятельство повлиял целый ряд факторов. Полагаем необходимо обратить внимание на показатель рождаемости в стране с 1990 по 2010 г. Так, за указанный период рождаемость уменьшилась в среднем на 27%¹. То есть количество лиц, подлежащих уголовной ответственности в возрасте от 14 до 18 лет, стало на 27% меньше, чем до 2010 г. Согласно официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации, количество преступлений, совершенных лицами в несовершеннолетнем возрасте, а также с их участием, за период с 2009 по 2016 г. в стране сократилось на 35 302, в процентном выражении – на 48%². Очевидно, что снижение рождаемости должно учитываться в показателе снижения зарегистрированных преступлений и составляет не более 60%. Иначе говоря, без учета уменьшения количества лиц, подлежащих уголовной ответственности, число преступлений должно было снизиться не более чем на 21% за тот же период. В свою очередь, за период с 2009 по 2016 г. контингент несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях страны, сократился. Если на 2009 г. в воспитательных колониях отбывали наказание 5 970 осужденных, то в 2016 г. – 1 650, т.е. на 4 320 воспитанников меньше. В процентом выражение это разница составила 72,1%.

Примечательно, что, начиная с 2011 г., суды стали активно применять либо наказания для несовершеннолетних, не связанные с лишением свободы, либо условное осуждение в качестве меры уголовно-правового характера. Полагаем, что ключевое влияние на применение судами иных наказаний, не связанных с лишением свободы, а также условного осуждения в отношении несовершеннолетних, бы-

¹ URL: <https://www.rosminzdrav.ru/>

² URL: <https://мвд.пф/>

ло оказано Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». К 2017 г. в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления за период с 2009 г., наказание в виде лишения свободы назначено приблизительно на 72% меньше по сравнению с периодом до 2010 г. Наказания, связанные с отбыванием реального лишения свободы в воспитательной колонии, в настоящее время применяются судами только за совершение тяжких и особо тяжких умышленных преступлений.

Таким образом, можно полагать, что основными причинами снижения численности условно-досрочно освобожденных несовершеннолетних в период с 2009 по 2016 г. являются: уменьшение рождаемости; сокращение количества зарегистрированных преступлений, совершенных лицами в возрасте до 18 лет; увеличение числа приговоров с назначением наказаний, не связанных с лишением свободы, либо применением иных мер уголовно-правового характера. При этом последнее оказало наиболее существенное влияние на снижение численности условно-досрочно освобожденных несовершеннолетних.

М.В. Прохорова

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: КРИТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

В последнее время лишение свободы в России как вид наказания подвергается значительной критике со стороны международного и правозащитного сообщества. Опираясь на достижения пенитенциарного опыта зарубежных государств, исследователи среди негативных аспектов данного вида наказания называют его низкую эффективность и, как следствие, высокий уровень рецидива, а также значительное количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы¹.

¹ Такие разные тюрьмы. Где лучше и хуже всего живется заключенным: Социальная сеть Gulagu.net. Официальный сайт. М., 2018. URL: [www.url: http://gulagu.net/](http://gulagu.net/) (дата обращения: 01.03.2018); Гишинский Я. Наказание – кри-

Вопросам эффективности лишения свободы и его влияния на предупреждение преступности посвящено достаточное число работ, в том числе и зарубежных¹. При этом лишение свободы как вид эффективного (или неэффективного) наказания определяется зарубежными исследователями в абсолютно диаметральных противоположностях. Tullock и Leibowitz², а впоследствии Carr-Hill и Stern³, проведя исследование рецидивной преступности ранее отбывавших лишение свободы в США, Англии и Уэльсе, считают, что более длительные и усиленные режимы содержания при лишении свободы оказывают положительное влияние на снижение уровня рецидива. В свою очередь Lappi-Seppälä⁴, Jehle, Heinz, Sutterer⁵, Clear⁶, напротив, отмечают низкую эффективность данного вида наказания по сравнению с альтернативными мерами и необходимость снижения числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

минологический подход // Отечественные записки. М., 2018. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/2/nakazanie-kriminologicheskij-podhod> (дата обращения: 01.03.2018).

¹ Иншаков С.М. Эффективность уголовного наказания: методика анализа. М., 2018. URL: [www.url: https://cyberleninka.ru/article/v/effektivnost-ugolovnogonakazaniya-metodika-analiza](https://cyberleninka.ru/article/v/effektivnost-ugolovnogonakazaniya-metodika-analiza) (дата обращения: 01.03.2018); Tullock G. Does Punishment Deter Crime? National Affairs. USA, 2018. URL: <https://www.national-affairs.com/storage/app/uploads/public/58e/1a4/bb3/58e1a4bb32079696410343.pdf> (date of the application: 27.03.2018).

² Tullock G. Does Punishment Deter Crime? National Affairs. USA, 2018. URL: <https://www.nationalaffairs.com/storage/app/uploads/public/58e/1a4/bb3/58e1a4bb32079696410343.pdf> (date of the application: 27.03.2018).

³ Carr-Hill R.A., Stern N.H. An Econometric Model of the Supply and Control of Recorded Offenses in England and Wales. England : University of Sussex: School of Social Science, 1972.

⁴ Tapio Lappi-Seppälä Explaining imprisonment in Europe // European Journal of Criminology. 2018. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1477370811411459> (date of the application: 27.03.2018).

⁵ Jehle J.-M, Heinz W., Sutterer P. Legalbewährung nach strafrechtlichen Sanktionen. Eine kommentierte Rückfallstatistik. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Berlin, 2018. URL: http://www.bmjv.de/SharedDocs/Archiv/Downloads/Legalbewaehrung_strafrechtliche_Sanktionen_kommentierte_Rueckfallstatistik.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (date of the application: 27.03.2018).

⁶ Clear T.R. The Effects of High Imprisonment Rates on Communities // University of Chicago Press Journals. 2008. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/pdfplus/10.1086/522360> (date of the application: 27.03.2018).

Согласно данным World Prison Brief на начало 2018 г., Россия занимала в мире четвертое место по числу заключенных (600 262)¹. Однако сравнительный анализ статистических данных о количестве лиц, содержащихся в местах лишения свободы в различных странах за последние 18 лет, приводит к выводу о некотором расхождении пропагандируемой и реально существующей действительности в зарубежной пенитенциарной политике. Так, по данным World Prison Brief, в период с 2000 по 2018 г. практически во всех странах Европы наблюдается тенденция роста числа заключенных: Франция: 48 049 чел. в 2000 г. и 68 974 чел. на начало 2018 г., Финляндия: 2 855 чел. в 2000 г. и 3 174 чел. в 2018 г., Великобритания (Англия и Уэльс): в 2000 г. – 64 602 чел., в 2018 г. – 84 235 чел. Таким образом, несмотря на официальные признания чрезмерной негативности наказания в виде лишения свободы в отдельных странах, оно применяется все в больших объемах по сравнению с Россией², что подвергает сомнению содержательность высказываемой критики.

Е.А. Писаревская

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Для правоприменительной практики изначально были необходимы единая профилактическая терминология и регламентация основных форм профилактики. Это способствовало бы единообразию законодательной практики профилактического регулирования по отдельным направлениям профилактического воздействия. Но это было возможно достичь только при условии первоначального принятия Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и последующего принятия феде-

¹ См.: Institute for Criminal Policy: World Prison Brief. Official site. London, 2018. URL: <http://www.prisonstudies.org/> (date of the application: 27.03.2018).

² В России в 2000 г. количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы составляло 1 060 404 человека.

ральных законов по отдельным направлениям профилактической деятельности. К сожалению, практика законодательного регламентирования пошла по другому пути. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ был принят 24 июня 1999 г. И только спустя 17 лет, 23 июня 2016 г., был принят рамочный федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ. Проведенный нами анализ текстов вышеуказанных законов показал, что:

1. Сам термин «профилактика» определяется в текстах данных законов по-разному. Очевидно, что авторы данных законов разделяют точку зрения многих криминологов о том, что профилактика – это «система разноплановых мер по недопущению преступлений»¹. Можно согласиться с тем, что характер данных мер может различаться в зависимости от содержания профилируемой преступной или иной девиантной деятельности. Представляется, что текст Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ с точки зрения законодательной техники содержит более корректное определение профилактики, говоря нам о том, на что она направлена. Однако, по нашему мнению, и определение, содержащееся в тексте Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, не лишено некоторых недостатков. Так, возникает вопрос о том, что же составляет содержание воспитательного воздействия? Полагаем, что содержание воспитательного воздействия составляют формы профилактического воздействия, обозначенные в тексте ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ, хотя в тексте данной статьи говорится о «профилактическом воздействии», а не о «воспитательном воздействии», в связи с этим также возникает вопрос о соотносимости данных терминов.

2. Кроме того, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ в ст. 2 вводит термин «система профилактики», в определенной степени неизвестный федеральному закону 1999 г., так как, несмотря на свое название, в котором как раз и упоминается «система профилактики», в его тексте этот термин употребляется только вскользь. Од-

¹ Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 626.

нако, на наш взгляд, термин, содержащийся в Федеральном законе от 23 июня 2016 г., с точки зрения законодательной техники также трудно признать идеальным.

3. Между текстами анализируемых федеральных законов имеется некоторая рассогласованность в определении перечня субъектов профилактики. При этом ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ определения «субъект профилактики» не содержит. Подобное определение отсутствует и в тексте Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ. Кроме того, данный закон в ст. 2 вводит понятие «лиц, участвующих в профилактике», упоминая среди них «граждан». Закон 1999 г. в ч. 3 ст. 4 граждан не упоминает вовсе. В связи с этим во избежание разночтений представляется необходимым определение «субъекты профилактики» включить в статьи, раскрывающие основные понятия, используемые в рассматриваемых федеральных законах, обратив особое внимание на их содержание.

З.Р. Рахматулин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Средства обеспечения непенитенциарного режима ограничения свободы обладают определенными особенностями, что обуславливает необходимость их более подробного анализа. Они включают в себя меры поощрения, дисциплинарные взыскания, а также замену наказания на более строгое в порядке ч. 5 ст. 53 УК РФ. В одних случаях их реализация связана с позитивным поведением осужденного, в других – с негативным, в третьих – с наступлением определенных объективных обстоятельств. Введение последних в ст. 50 УИК РФ увеличивает гибкость непенитенциарного режима ограничения свободы, а также подтверждает ранее высказанные идеи о том, что запреты и обязанности, закрепленные в ст. 53 УК РФ, носят в большей степени предупредительный, а не карательный характер.

Основываясь на мнениях ряда ученых, необходимо определиться с тем, какие действия (бездействия) осужденных должны призна-

ваться нарушениями и влечь за собой замену наказания на более строгое. Так, В.А. Уткин указывает на тот факт, что не все мероприятия, в которых участвуют осужденные, являются их обязанностью: «Для применения мер исправительно-трудового воздействия специализированное принуждение не имеет всеобъемлющего значения. Что же касается иного принуждения, то оно допускается в той или иной мере во всяком воспитательном процессе, основываясь на принципе сочетания убеждения и принуждения»¹. Поэтому обратим внимание на наиболее часто встречаемые нарушения непенитенциарного режима ограничения свободы.

Виновные в основном нарушают обязанность по явке на регистрацию (36,2%), а также совершают административные правонарушения против общественного порядка (21,2%).

Среди осужденных, совершивших преступление в период отбывания ограничения свободы, 55,6% покинули место постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, 40% не явились на регистрацию, 33,3% не явились по вызову инспекции.

Однако следует обратить внимание на то, что среди лиц, совершивших преступление в период отбывания наказания, незначительны (не более 4%) такие нарушения, как отказ от применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ); несоблюдение уведомительного порядка об изменении места работы или учебы; нарушение запрета на посещение определенных мест, расположенных в пределах территории соответствующего муниципального образования, а также мест проведения массовых мероприятий и участие в них, несоблюдение предписания о запрете смены места работы.

Следовательно, необходимо дифференцированно подходить к ответственности за рассмотренные нарушения, не характерные для рецидивоопасных осужденных. Так, отказ от СЭМПЛ не должен признаваться злостным нарушением, поэтому п. «б» ч. 4 ст. 58 УИК РФ следует сформулировать следующим образом: «осужденный, однократно отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля, если после этого в течение года он совершил нарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 58 УИК РФ».

¹ Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. С. 48.

Предложенные новеллы позволят оптимизировать порядок применения средств обеспечения непенитенциарного режима ограничения свободы. Более того, злостно уклоняющимися от отбывания наказания будут признаваться осужденные, совершившие нарушения, свидетельствующие об их рецидивоопасности.

Л.Ю. Семенова

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОХРАНЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

Ведомственными нормативными актами охрана учреждений ФСИН России определяется как сочетание оперативно-режимных, инженерно-технических и других мероприятий, направленных на недопущение побегов и других преступлений осужденных, проникновения нарушителей и запрещенных предметов на объект (с объекта), обеспечение сохранности объекта и находящихся на нем материальных ценностей, отражение возможных нападений на объект, учреждение. Таким образом, осуществление надежной охраны возможно только во взаимодействии с другими частями и службами.

Термин «взаимодействие» в словаре Ожегова рассматривается как «взаимная поддержка»¹. Адаптируя данное понятие к деятельности подразделений охраны, можно сделать вывод, что организация взаимодействия есть ничто иное как деятельность, направленная на согласование и объединение усилий и возможностей взаимодействующих органов, исполняющих наказания, их структурных подразделений и сотрудников, на использование преимуществ совместной деятельности в целях успешного решения общих задач.

Другое немаловажное значение при организации взаимодействия имеет общность целей и задач его участников – структурных подразделений учреждения. В то же время, согласно точке зрения В.В. Бочкарева, «основной и главной целью охраны является профи-

¹ Словарь русского языка: около 5 700 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1984. С. 68.

лактика совершения осужденными новых преступлений»¹. Не в полной мере соглашаясь с автором, отметим, что профилактика совершения осужденными новых преступлений в большей мере соотносится с задачами и содержанием надзора, осуществление которого хотя и является обязанностью всех сотрудников учреждения, однако не превалирует среди других функциональных обязанностей структурных подразделений и не замещает их.

Порядок взаимодействия отдела безопасности учреждения и отдела охраны определяется локальными нормативными актами, которые направлены на обеспечение пропускного режима, осуществление контроля за обстановкой на подступах к внутренней и внешней запретным зонам, порядком погрузки (разгрузки) и сопровождения транспортных средств, их выпуском за пределы объекта. Кроме того, взаимодействие рассматриваемых подразделений также проявляется в оказании взаимной помощи между караулами и дежурными сменами учреждений при несении службы, обмене информацией с руководством службы охраны об обстановке на охраняемых объектах, в караулах и дежурных сменах учреждений, совместных с руководством службы охраны действиях, направленных на предупреждение и пресечение побегов, осмотрах территорий объектов, запретных зон и прилегающей к ним местности, предотвращении несанкционированного проникновения на объекты вещей, предметов, продуктов питания, действиях по обеспечению установленного пропускного режима на охраняемые объекты, применении специалистов-кинологов в службе надзора.

Одним из примеров эффективной организации взаимодействия между отделом охраны и другими подразделениями учреждения является создание в целях организации работы по противодействию поступлению в исправительные учреждения запрещенных предметов и веществ так называемых досмотровых групп из числа наиболее подготовленных сотрудников отделов охраны и надзора, проведение совместных инструктажей перед заступлением на службу с привлечением начальников отделов частей и служб учреждения, оборудо-

¹ Бочкарев В.В. Некоторые аспекты правового регулирования охраны в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2015. № 3 (24). С. 31.

вание городков служебной подготовки для отработки практических действий личного состава караула и дежурной смены.

Таким образом, организация взаимодействия при осуществлении надежной охраны учреждений ФСИН России связана с консолидацией задач всех структурных подразделений учреждения по направлениям их деятельности.

А.Н. Смирнов

ПРОБЛЕМЫ ЗАМЕНЫ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ

Согласно ст. 80 УК РФ, лицу, отбывающему наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд, с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания, может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания. На наш взгляд, замену наказания уместно расценивать в качестве элемента режима испытания, понимаемого в наиболее широком его значении. В этой связи, как отмечает, в частности, М.Р. Гета, «уголовно-правовые средства испытания предусматривают допустимость изменения правового статуса лица, совершившего преступление, в результате оценки динамики его поведения в период испытательного срока...»¹. По мнению К.А. Волкова, «основанием для замены неотбытой части наказания более мягким видом является существенное уменьшение общественной опасности лица, совершившего преступление, положительное поведение которого во время отбывания наказания в виде принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы свидетельствует, что цели наказания могут быть достигнуты путем замены не отбытой части наказания более мягким наказанием...»².

¹ Гета М.Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. М., 2016. С. 249.

² Волков К.А. Проблемы судебной практики при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2016. № 1. С. 15.

Замена наказания, предусмотренная ст. 80 УК РФ, так же, как и условно-досрочное освобождение, по существу означают «возвращение» осужденному личной свободы. Ведь логическое толкование нормы ст. 80 УК РФ позволяет сделать вывод, что ничем другим, кроме наказаний без изоляции от общества, такие меры, как принудительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы, заменить невозможно.

В большинстве случаев в суды поступают ходатайства осужденных о замене наказания в виде лишения свободы. Именно его замена является на сегодняшний день актуальной для правоприменительной практики. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2014 г. были рассмотрены ходатайства о замене наказания в отношении 32 111 осужденных. Суды удовлетворили ходатайства в отношении 5 529 лиц (17,7% от общего числа). В 2013 г. были удовлетворены ходатайства 21,9% осужденных. В большинстве случаев (53,8%) в 2014 г. суды по различным основаниям отказали в удовлетворении подобных ходатайств. При этом 28,4% случаев было связано с прекращением производства по ходатайству осужденного¹.

В то же время, как замечает М.А. Гончаров, «проблема заключается в том, что в ст. 80 УК РФ нет критериев замены одного вида наказания другим и «привязки» к ст. 71,72 УК РФ при исчислении срока наказания. Есть лишь расплывчатая норма, согласно которой лицу, отбывающему лишение свободы, суд, с учетом его поведения в период отбывания наказания, может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания...»². Поэтому необходимо разработать и закрепить в ст. 80 УК РФ модель соотношения между наказанием – «заменителем» и наказанием, подлежащим замене. Это, в свою очередь, требует дальнейшего совершенствования юридической природы и механизма замены наказания.

¹ Волков К.А. Проблемы судебной практики при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2016. № 1. С. 15.

² Гончаров М.А. Нарушения и недостатки применения положений ст.и 80 УК РФ // Законность. 2017. № 1. С. 57.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ «ПЬЯНОЙ» ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Проведенный нами анализ статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России о преступлениях, совершаемых в состоянии алкогольного, наркотического и иного токсического опьянения, и лицах, их совершающих (далее – «пьяной» преступности), позволил нам выделить следующие тенденции данного типа преступлений в современной России.

Во-первых, в период с 2009 по 2016 г. отмечался стабильный ежегодный рост «пьяной» преступности. Так, за данный промежуток времени их количество значительно возросло, а удельный вес в 2009 г. составил 13,9%; 2010 г. – 17,6%; 2011 г. – 21,5%; 2012 г. – 27,2%; 2013 г. – 29,8%; 2014 г. – 32,7%; 2015 г. – 34,8%; 2016 г. – 39,4%. Каждое третье преступление стало совершаться в состоянии опьянения, а в отдельных регионах – каждое второе.

Однако в 2017 г. состояние и удельный вес преступлений, совершенных в состоянии опьянения, снизились до 35,9% и составили 401 876 преступлений.

Наиболее высокий удельный вес преступлений, совершенных в состоянии опьянения (50% и более), за 2013–2017 гг. наблюдался в таких субъектах, как Чукотский АО, Кировская область, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО, Республика Тыва, Республика Башкортостан, Республика Коми, Ненецкий АО, Курганская область, Республика Хакасия.

Во-вторых, участилось совершение «пьяных» преступлений в жилом секторе, на улицах и в общественных местах. В основном это преступления против жизни и здоровья, а также различные хищения: кражи, грабежи, разбой и мошенничества.

В-третьих, в последние годы особенно заметно снижение доли тяжких и особо тяжких преступлений, в структуре «пьяной» преступности. В 2008 г. их доля составляла 30,6%, а в 2017 г. – 17,4%. Наибольшая доля тяжких и особо тяжких преступлений (по данным 2017 г.) отмечается в структуре преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения (51,7%), ниже среди преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (15,2%).

В-четвертых, при общем снижении преступности несовершеннолетних, снижается и доля «пьяных» преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В 2013 г. выявлено 323 527 лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, из них 8 892 несовершеннолетних, которые среди «пьяных преступников» составили 2,7%. В 2017 г. выявлено 373 432 лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, из них 5698 несовершеннолетних. Их удельный вес составил 1,5%.

В-пятых, в структуре преступности на транспорте доля преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, остается стабильной. В 2013 и в 2017 гг. она составила 12,1%.

Безусловно, отмеченные тенденции не являются исчерпывающими, однако они наиболее наглядно показывают актуальность преступлений, совершаемых в состоянии опьянения на территории России.

Е.М. Стоун

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАНТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСОБОЙ ТЯЖЕСТИ

Преступность Дальнего Востока имеет свою специфику. Помимо структурных особенностей преступности особой тяжести, отличающейся относительно высоким уровнем преступлений против личности и в сфере незаконного оборота наркотических средств, здесь наблюдается повышенный уровень вреда от особо тяжких преступлений.

Закономерно предположить, что и причины дальневосточной преступности особой тяжести обладают определенной спецификой. В докладе выделяются некоторые особо значимые детерминанты.

Нами проведен корреляционный анализ различных видов дальневосточной преступности особой тяжести со значимыми социально-экономическими показателями за последние 5 лет¹ и выделены показатели, для которых обнаружена значимая корреляция с уровнем лиц, совершающих рецидивные преступления особой тяжести. Это

¹ Россия в цифрах. 2010–2017 : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2010–2017. С. 40–47.

соотношение средней заработной платы 10% наиболее и 10% наименее оплачиваемых работников, добыча полезных ископаемых (млн руб.), продукция сельского хозяйства (млн руб.), сальдированный финансовый результат (прибыль – убыток) в экономике (млн руб.).

Рассмотрены и причины организационного характера, которые не в последнюю очередь влияют на уровень преступлений, совершенных лицами, ранее уже привлекавшимися к уголовной ответственности.

Следующая особенность – интенсивный отток трудоспособного населения. Среди всех федеральных округов страны демографический кризис острее всего проявился именно на Дальнем Востоке¹.

Около 70% граждан, покинувших исследуемый регион, составило трудоспособное население². Такая миграция приводит к ухудшению структуры экономически активного населения региона.

Статистические данные о преступности убедительно подтверждают, что именно из группы незанятого населения идет наиболее интенсивное пополнение криминальной среды. Удельный вес этой категории лиц неуклонно растет.

Продолжая тему миграции, отметим, что еще одной характерной для региона особенностью является совершение преступлений гражданами, приехавшими из других государств (11% среди лиц, совершивших преступления особой тяжести).

Мигранты играют немаловажную роль в криминогенной ситуации Дальнего Востока. Масштабность миграционных потоков в регион (из стран СНГ, Китая, Северной и Южной Кореи) является фактором, оказывающим непосредственное влияние на состояние общества и, соответственно, преступности.

На фоне демографической ситуации в ДФО, где плотность населения составляет 1 человек на квадратный километр, массовое и неконтролируемое переселение иностранных граждан приводит к оттоку местного населения из приграничных районов и к демпингу на рынке труда.

Существует и реальная связь алкоголизации населения Дальнего Востока с уровнем преступности особой тяжести.

¹ Симагин Ю.А. Проблемы учета динамики демографического потенциала в стратегиях экономического развития регионов России // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 4. С. 112.

² Козлова О.А., Терентьева Т.В., Макарова М.Н., Лан Д.Х. Территориальные факторы стратегического развития дальневосточных регионов // Экономика региона. 2016. № 3. С. 769.

Причины особо тяжкой преступности на Дальнем Востоке лежат в социально-экономической, политической, духовной, социально-психологической, правовой и организационных сферах. Работа, направленная на устранение этих причин, позволит решить важную криминологическую задачу снижения уровня преступности в исследуемом регионе.

М.А. Сутурин

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Несмотря на то что проблема детерминации преступности изучена достаточно хорошо и не обладает какими-либо феноменальными характеристиками, ее особенностью (как и особенностью самой преступности) является ее изменчивость. Меняются форматы общественных отношений, прогрессирует социальное развитие и, вполне закономерно, меняются некоторые детерминанты преступности (при ситуации, когда основные детерминационные составляющие преступности, как правило, остаются традиционными).

В последнее время, при учете в том числе региональных особенностей (СФО – Республика Бурятия, Забайкальский край), несколько обострилась проблема влияния криминальной субкультуры на подрастающее поколение. И это проблема связана с распространением разновидности криминальной субкультуры, получившей название «АУЕ» («арестантско-уркаганское единство», «арестантский уклад един»). Даже высказывается мнение о необходимости установления самостоятельного уголовно-правового запрета за ее культивирование и приравнивания к разновидности экстремизма. Однако подобного рода предложения как минимум должны быть научно обоснованы. Как максимум, по нашему мнению, не стоит драматизировать ситуацию.

Следует четко для себя понимать, что такое криминальная субкультура, поскольку без четкого понимания предмета воздействия изначально ставится под сомнение эффективность этого самого воздействия. Кроме того, следует иметь в виду, что сами неформальные

нормы криминальной (тюремной) субкультуры не представляют собой категорических императивов, наблюдается их повсеместное «размывание».

Результаты выборочных исследований приводят к некоторым выводам, касающимся, во-первых, того, что преобладающая часть опрошенных несовершеннолетних, сотрудников системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних знакомы с феноменом АУЕ. Во-вторых, подавляющее большинство респондентов отметили, что вовлечение несовершеннолетних происходит посредством сети Интернет, а также через близкий круг общения, СМИ, в детских домах и школах, на улице. В-третьих, до 98% опрошенных подростков понимают, что вовлеченность в АУЕ негативно сказывается на учебе, общении и качестве жизни. В-четвертых, преобладающая часть респондентов считают, что ценностям криминальной субкультуры подвержены дети из социально неблагополучных семей. Дети, у которых наблюдается оторванность от социального окружения, предоставление ребенка самому себе, невовлеченность в социально полезную деятельность, отсутствие организации досуга и т.д., что закономерно приводит к дезорганизации их поведения и ситуации, когда они являются социальными сиротами. Исходя из этого, подростки остаются без контроля и подвержены влиянию сообществ, пропагандирующих криминальную субкультуру.

Представляется, что с точки зрения классической криминологии, криминальную субкультуру следует признавать в качестве условия, способствующего криминогенному формированию личности. При этом следует иметь в виду, что субкультура в качестве детерминанты «включается» на более поздних этапах формирования личности, когда у человека сформировалась негативная система ценностных ориентаций («благодаря» именно социальным причинам) и личность уже готова принять «правила игры», предлагаемые этой самой субкультурой. Отсюда мы в очередной раз приходим к выводу о необходимости раннего предупреждения деформации личности, которое, как известно, основным объектом воздействия имеет базовые инстинкты социализации каждого человека.

ОСНОВАНИЯ, ФОРМЫ И ПРЕДЕЛЫ УЧЕТА ЗАРУБЕЖНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОПЫТА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ, ПРАКТИКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Механизм воздействия зарубежного пенитенциарного опыта на развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства включает: 1) основания учета зарубежного пенитенциарного опыта, отражающие формирование такого воздействия; 2) условия успешного использования опыта функционирования зарубежных пенитенциарных систем, что определяет такого воздействия; 3) формы и 4) пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта.

В качестве оснований учета опыта функционирования европейских пенитенциарных систем в формировании отечественной уголовно-исполнительной политики следует понимать наличие потребностей в оптимизации исполнения уголовных наказаний, которые могут иметь правовой, социальный, экономический, международный, идеологический, морально-этический и иной характер. Таким основанием выступает наличие следующих потребностей: научно обоснованные рекомендации, базирующиеся на непосредственном исследовании опыта функционирования европейских пенитенциарных систем; состояние и динамика преступности, а также особенности и степень криминальной активности лиц, отбывающих уголовные наказания, обуславливающие приемлемость реализации соответствующих пенитенциарных практик; общественное одобрение целесообразности заимствования зарубежного опыта; экономическая рентабельность внедрения; историческая апробированность соответствующей идеи; межгосударственное сотрудничество, позволяющее всесторонне изучить практическую ценность определенных моделей обращения с осужденными; конъюнктурное стремление соответствовать конкретным европейским стандартам в области обращения с осужденными. Генеральным основанием выступает общая привлекательность применения соответствующего пенитенциарного опыта в отечественной практике исполнения уголовных наказаний с позиций достижения наилучшего результата с наименьшими затратами.

Важнейшими условиями использования рассматриваемого опыта выступает должная степень его научной проработанности, создание организационно-технических возможностей для этого, должное правовое сопровождение, достаточная степень развитости демократических институтов и государственно-частного партнерства в сфере культивирования и защиты прав человека, культурно-ментальная и нравственная приемлемость, отсутствие противоречий с исторически сложившимися традициями и закономерностями развития отечественного законодательства, криминологические особенности преступности, а также надлежащее финансирование соответствующих мероприятий (достаточность экономических ресурсов).

Формами реализации европейского пенитенциарного опыта в формировании современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации являются: 1) правовой эксперимент; 2) включение в концепции развития уголовно-исполнительной системы, постановления Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ, распоряжения и поручения, принятые Президентом РФ и Правительством РФ, соответствующих положений; 3) внесение изменений и дополнений в правовые нормы; 4) изменение правоприменительной практики; 5) структурная реорганизация деятельности исправительных учреждений.

Пределы реализации зарубежного пенитенциарного опыта отражают наличие оснований и соблюдение условий его успешного использования. Обнаружение диссонанса между возможностями государства (общества) и реализацией зарубежного опыта в сфере исполнения уголовных наказаний должно служить поводом для существенного пересмотра тактических и стратегических направлений уголовно-исполнительной политики по его дальнейшему внедрению.

А.П. Титаренко

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СВЕТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОСНОВАХ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Правопослушное поведение человека – главная задача профилактической деятельности всех субъектов профилактики. Согласно Феде-

ральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», оно может достигаться путем применения ряда средств, в числе которых указаны правовое просвещение и правовое информирование (ст. 17 № 182-ФЗ). Однако законодатель в данном нормативном акте раскрыл содержание только одного из них – правового информирования, указав, что оно заключается в доведении до сведений граждан информации, направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека от противоправных посягательств (ст. 18 № 182-ФЗ). Раскрытию понятия правового просвещения в данном законе внимания не уделяется. Поэтому, на наш взгляд, для точного и единообразного понимания рассматриваемого профилактического средства необходимо в самом законе раскрыть понятие правового просвещения как меры профилактического характера.

Если исходить из общеупотребительного понимания исследуемого понятия, то согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, просветить означает сообщить кому-либо знания, распространить среди какой-либо части населения культуру. Правовые знания согласно юридическим энциклопедиям, – это отражение правовой действительности в мышлении человека. Это знание о правовой системе, принципах и задачах правового государства и т.п. Правовую культуру в юридической литературе государственно-правовой направленности часто рассматривают как объективное отношение человека к праву. Но есть и множество других определений правовым знаниям и правовой культуре. Поэтому, полагаем, по данному вопросу целесообразно использование метода анкетирования. С этой целью нами были опрошены 67 участковых уполномоченных полиции Алтайского края. В ходе опроса были высказаны следующие мнения. Так, на вопрос о том, что экспертами понимается в качестве правовых знаний, наиболее часто встречающимся ответом (35,8%) выступило знание принципов права. Третья часть участковых уполномоченных полиции, согласившихся участвовать в опросе (32,8%), выбрали ответ, включающий в себя знание норм права. Наименьшая часть опрошенных (23,9%) приоритетным в данном вопросе усматривает наличие правовых убеждений и установок. Лишь 10,4% сотрудников полиции считают необходимым вкладывать в данное понятие все три вышеперечисленные составляющие.

Среди опрошенных большинство (52,2%) отметили, что правовая культура – это внутреннее убеждение человека следовать нормам пра-

ва. Более чем наполовину меньше (20,9%) считают, что в данное понятие необходимо вкладывать общий уровень знаний человека о праве. Незначительная часть экспертов (16,4%) указала на необходимость следовать принципам правосудия в случаях фиксирования противоправного поведения окружающих. Меньше всех (10,5%) опрошенных указали на присутствие в понимании правовой культуры человека всех вышеперечисленных элементов рассматриваемого явления.

Таким образом, теоретический анализ и эмпирическое исследование позволяют сделать вывод, что правовое просвещение в рамках рассматриваемого федерального закона следует понимать как способ вербального воздействия на окружающих, позволяющий через систему культурного и правового воспитания передавать человеку знания о принципах права и формировании убеждений и установок правоуполномоченного поведения. Внесение указанного определения в ст. 18 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ позволит более правильно и точно понимать такое средство профилактики, как правовое просвещение, которое в настоящее время отсутствует в законе.

О.В. Филиппова

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В юридической литературе понятие уголовной политики определяется по-разному. В широком смысле под уголовной политикой понимается разновидность государственной политики наряду с социальной, культурной, экономической и др., как политика государства в сфере противодействия преступности.

Уголовная политика в узком смысле рассматривается как одно из направлений правовой политики государства, реализуемой в правотворчестве, правоприменении, формировании и развитии правосознания и правовой культуры населения. В данном смысле уголовная политика включает в себя уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную политику.

Наряду с уголовной политикой также выделяют криминологическую, которая хоть и является близкой к уголовной по многим мо-

ментам, вместе с тем отличается более широким кругом субъектов и объектов воздействия, самостоятельностью нормативно-правового регулирования и особенными средствами воздействия. Криминологическая политика уходит корнями в уголовную политику, однако выходит за рамки уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного отраслей права. В основе криминологической политики лежат криминологические идеи о реализации концепции криминологической безопасности.

При определении содержания политики в сфере предупреждения рецидивной преступности следует иметь в виду, что в большей степени она представлена уголовно-правовой, уголовно-исполнительной и криминологической политикой. В свою очередь, об уголовно-правовой политике, по обоснованному замечанию ученых, можно говорить, во-первых, как об определении пределов использования уголовного закона в предупреждении рецидивной преступности, во-вторых, как о выработке содержания и форм деятельности органов уголовной юстиции по применению норм уголовного права в этой сфере¹.

Уголовный закон определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершенные преступления (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Законодатель очерчивает рамки рецидива преступлений, круг деяний, составляющих рецидивную преступность; изменение уголовного закона влечет за собой изменение структуры рецидивной преступности.

Несмотря на значительное сужение понятия рецидива преступлений в 2003 г., в последние годы в числе выявленных лиц, совершивших преступления, увеличилась доля тех, кто ранее уже совершал преступления. Так, если в 2010 г. их удельный вес составлял 35,8%, то в 2016 г. – 54,0%. Также данные о судимости в России за 2016 г. показывают, что в общем количестве осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, более трети составляют лица, ранее осуждавшиеся за совершение преступления.

¹ Прокументов Л.М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних: вопросы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 184.

Отметим, что уровень рецидивной преступности в значительной степени зависит от нормального функционирования уголовно-исполнительной политики, которая охватывает область правотворчества в сфере исполнения наказания, исправления осужденных, повышения эффективности деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

Криминологическая политика в сфере предупреждения рецидивной преступности заключается в оказании предупредительного воздействия на личность преступника-рецидивиста и на причины и условия рецидивной преступности, а также создании системы действенных предупредительных мер и эффективном управлении этой системой.

О.Н. Уваров

КАРА ПРИ ОГРАНИЧЕНИИ СВОБОДЫ

Ограничение свободы¹, в соответствии с УК РФ, заключается в назначении судом осужденному определенных ограничений. При этом обязательно применяются ограничения на изменение места жительства (пребывания) без согласия уголовно-исполнительной инспекции и на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования. Также обязательно возлагается обязанность явки с определенной периодичностью в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации. Вместе с тем по усмотрению суда могут применяться ограничения, связанные с покиданием места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; посещением определенных мест, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования; мест проведения массовых и иных мероприятий с запретом на участие в указанных мероприятиях. В период отбывания ограничения свободы суд может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения. Помимо прочего, за осужденным к ограничению свободы осуществляется надзор, в рамках

¹ Здесь и далее в целях настоящей статьи ограничение свободы рассматривается в качестве основного наказания.

которого могут применяться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, суд может заменить не отбытую часть наказания более строгим наказанием.

Таким образом, к карательной составляющей ограничения свободы относятся применение определенных и обязательных ограничений передвижения осужденного, а также обязательность его регистрации в уголовно-исполнительной инспекции, которые подкрепляются угрозой применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, а также угрозой дополнения ранее установленных осужденному ограничений, и незачета времени самовольного отсутствия по месту жительства, а в случае злостного их неисполнения – замены ограничения свободы более строгим наказанием.

Исполнение наказания ограничения свободы предполагает меры, осуществляемые уголовно-исполнительной инспекцией для обеспечения исполнения наказания. К таким мерам относятся меры по обеспечению учета осужденных и контроля исполнения ими назначенных судом ограничений и обязанности. Вместе с тем при ограничении свободы фактически любое ограничение, примененное к осужденному, может быть сокращено по времени своего действия уголовно-исполнительной инспекцией без обращения в суд. Так, согласие на уход из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, на посещение определенных мест, расположенных в пределах территории соответствующего муниципального образования, либо на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования дается уголовно-исполнительной инспекцией и при осуществлении осужденным не ограниченных судом прав и обязанностей, и иных прав в соответствии с законодательством Российской Федерации. Согласие на изменение места постоянного проживания (пребывания) и на изменение места работы и (или) обучения дается уголовно-исполнительной инспекцией при наличии определенных и исчерпывающих обстоятельств. Вместе с тем обстоятельства, обуславливающие разрешение неисполнения осужденными к ограничению свободы ограничений, возложенных судом, могут быть определены как не противоречащие действующему законодательству Российской Федерации. При этом эти обстоятельства не связываются непосредственно с исполнением наказания.

Они рассматриваются без учета поведения осужденного, обстоятельств исполнения им приговора суда, наличия взысканий, степени исправления и личности осужденного.

Нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы отнесены к действиям (бездействиям), за которые осужденные подвергаются взысканию. Такие взыскания гасятся по истечении одного года со дня наложения и могут быть сняты уголовно-исполнительной инспекцией досрочно в качестве поощрения.

Таким образом, к мере при ограничении свободы могут быть отнесены контроль передвижения осужденного и обязательность его регистрации в уголовно-исполнительной инспекции.

Ф.В. Грушин

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Одним из актуальных вопросов в настоящее время, как в теории права, так и в отраслевых юридических науках, является вопрос анализа всевозможных причин и условий, определяющих развитие и функционирование системы права. Принимая во внимание современные реалии, как в правовом регулировании, так и в практической реализации исполнения уголовных наказаний, напрашивается вывод о том, что большинство изменений, предпринятых государством в рассматриваемой сфере, проводятся без надлежащего учета существующей системы факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства.

Одной из разновидностей рассматриваемых факторов являются так называемые экстремальные условия – группа факторов, которые могут проявляться в самых разнообразных формах – начиная от пожаров и наводнений и заканчивая, например, локальными войнами и конфликтами.

Данные факторы могут быть как объективными (природные пожары, наводнения), так и субъективными (поджоги, локальные вой-

ны); внутренними (групповые неповиновения осужденных) и внешними (войны).

Полагаем возможным разделить экстремальные условия на две большие группы: природные факторы и социальные факторы.

Природные факторы. Учитывая, что природно-климатические условия формируют внешнюю среду функционирования исправительных учреждений, их необходимо учитывать при реализации мер, направленных на обеспечение безопасного существования исправительных учреждений, предупреждении и ликвидации ситуаций, угрожающих жизни и здоровью сотрудников исправительных учреждений, спецконтингента, а также их имуществу.

Указанные обстоятельства, с одной стороны, требуют своевременной разработки противопаводковых, противопожарных и т.п. мероприятий, включая подготовку резервных источников электропитания, создание запасов продуктов питания, товарно-материальных ценностей, горюче-смазочных материалов, разработку планов эвакуации, с другой – учета данных факторов при планировании размещения новых объектов УИС.

Социальные факторы. Можно выделить социальные факторы, влияние которых прослеживается в зависимости от складывающихся условий в тот или иной период времени. К таким факторам, по нашему мнению, относятся: войны, локальные международные конфликты, санкции, поджоги. В целом данные факторы крайне негативно влияют практически на все сферы деятельности государства, в том числе и на уголовно-исполнительную, так как приводят к ограничениям по многим направлениям, связанным с исполнением уголовных наказаний.

Кроме того, к субъективным факторам возможно отнести случаи оказания осужденными сопротивления персоналу исправительных учреждений, злостное неповиновение законным требованиям персонала, проявление буйства, участие в массовых беспорядках, захват заложников, нападение на граждан или совершение иных общественно опасных действий, а также побег осужденных. Данные факторы привели к появлению в УИК РФ таких норм, как «режим особых условий в исправительных учреждениях» (ст. 85), «меры безопасности и основания их применения» (ст. 86).

Таким образом, экстремальные условия хоть и не являются ключевым фактором, определяющим развитие уголовно-исполнительной

политики и уголовно-исполнительного законодательства, но в то же время способны оказать существенное влияние на проводимую государством политику в сфере исполнения уголовных наказаний.

Н.В. Ольховик

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Проблемы исполнения исправительных работ в отношении иностранных граждан возникают не только на стадии их привлечения к исполнению требований приговора суда, но и в течение всего процесса исполнения этого наказания.

Во-первых, на стадии привлечения иностранных граждан к исполнению исправительных работ они выражаются:

– в необходимости проверки требований законодательства о том, что иностранный гражданин должен законно находиться на территории Российской Федерации. Законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин – лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации. Следовательно, иностранный гражданин, не имеющий указанных документов, является лицом, которое незаконно находится в Российской Федерации. Если разрешение на временное проживание или вид на жительство, выданные иностранному гражданину, аннулированы, данный иностранный гражданин обязан выехать из Российской Федерации в течение пятнадцати дней. Иностранец, не исполнивший указанные обязанности, подлежит депортации¹;

– в нереальности существующего в уголовно-исполнительном законодательстве трехдневного срока для установления места работы осужденного, не являющегося в уголовно-исполнительную инспек-

¹ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 17.04.2017) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

цию, который трудоустроился в другое место, но не занимается запрещенной деятельностью. Ибо не существует какого-либо механизма обеспечения явки осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию;

– в наличии особенностей трудоустройства иностранных граждан.

Во-вторых, предусмотренный уголовным и уголовно-исполнительным законодательством механизм обеспечения исполнения осужденными иностранцами требований порядка и условий исполнения исправительных работ становится недействующим при наличии оснований для аннулирования разрешения на временное проживание либо вида на жительство иностранному гражданину¹. Уголовно-исполнительная инспекция при выявлении обстоятельств, которые могут быть отнесены к основаниям аннулирования разрешения на временное проживание либо вида на жительство иностранному гражданину, осужденному к исправительным работам, обязана направить соответствующие сообщения в подразделение органов внутренних дел, осуществляющее функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции, и прокуратуру. При подтверждении аннулирования разрешения на временное проживание либо вида на жительство иностранному гражданину, осужденному к исправительным работам, уголовно-исполнительная инспекция направляет сообщение в суд, постановивший приговор, а также в прокуратуру и снимает осужденного с учета. Решение об организации исполнения приговора суда в отношении иностранного гражданина, осужденного к исправительным работам, которому аннулировано разрешение на временное проживание либо вид на жительство, находится в компетенции суда, а учитывая, что в данном случае речь идет об уголовном преследовании, вопрос о котором относится и к сфере деятельности прокуратуры, то в эти органы и направляются соответствующие сообщения.

Таким образом, требования законодательства о правовом положении иностранных граждан, как правило, делают невозможным исполнение исправительных работ в отношении иностранных граждан.

¹ См. ст. 7, 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 17.04.2017) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВТВОРЧЕСТВО: ОБЩАЯ СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Уголовно-исполнительное правовое регулирование может быть рассмотрено с разных сторон. Один из вариантов его детального описания – это рассмотрение в «модельном» аспекте. При таком изучении количество и структура элементов уголовно-исполнительного регулирования в промежуточных подсистемах могут быть вариативными и зависеть от поставленной исследователем задачи. На максимальном возможном уровне деления его можно представить в виде совокупности таких пересекаемых промежуточных подсистем, как уголовно-исполнительное правотворчество и реализация права.

В самом общем виде уголовно-исправительное правотворчество можно определить как часть, элемент такого множества, как правовое регулирование, и его разновидности – уголовно-исполнительного правового регулирования. В литературе оно определяется как деятельность, направленная на выработку и издание нормативных юридических актов или как организационно оформленная, установленная процедурная деятельность государственных органов по созданию правовых норм или по признанию правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения.

Цель правотворчества – создание юридической модели поведения, адекватно отражающей соответствующие потребности государства, с закреплением её определенным способом (дозволением, предписанием либо запретом) в определенной форме, т.е. создание правового предписания. К отличительным свойствам правотворчества в сфере исполнения мер уголовной ответственности можно отнести: направленность на упорядочение общественных отношений в области исполнения мер уголовной ответственности; материализация в деятельности государственных органов федерального уровня; закрепление модели поведения исключительно в форме нормативно-правового акта, закрепление модели поведения, как правило, в виде предписания; использование при закреплении моделей поведения в

первую очередь таких средств воздействия на осужденного, как карательные лишения и правоограничения, а также иные исправительные и специально-предупредительные меры.

Изучение элементов такой подсистемы, как правотворчество, с позиций так называемого «черного ящика» позволяет выделить следующие: на «входе» предполагается некое общественное отношение, которое требует регламентации, а на «выходе» – соответствующее правовое предписание, содержащееся в нормативно-правовом акте и закрепляющее «модельно» один из вариантов данного отношения в урегулированном, упорядоченном виде. Незвестная часть (сам «черный ящик») включает: волю государства; варианты основной модели поведения; варианты обеспечительных моделей поведения (при их отсутствии в уже существующих нормативно-правовых актах) либо существующих обеспечительных моделей; нормативно-правового акта соответствующего вида; государства в лице уполномоченного органа (нормо-, правотворца); процедуры придания правовой формы проекту.

Все указанные элементы состоят в общесистемных отношениях соединения. Среди их уточняющих можно выделить, в частности: отношения закрепления основной модели поведения в соответствующем акте с учетом принципа взаимообеспеченности; отношения определения социальной обусловленности основной модели поведения; отношения выявления необходимости и достаточности юридического материала; отношения направленности на добровольное исполнение основной модели поведения путем создания либо установления обеспечительных моделей; отношения адекватного отражения в основной модели поведения всех желаемых к упорядочению связей субъектов регулируемых общественных отношений; отношения закрепления моделей в соответствующей форме с подчинением установленному порядку и др. При этом полагаем, что в качестве системообразующего отношения (т.е. принципа) данной системы, в разрезе рассмотрения ее как части правового регулирования, следует выделить только первое из уточняющих отношений.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

М.Н. Абдикеев

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В Казахстане в XV–XVIII вв. социальная структура общества характеризуется крайне низким влиянием внешних экономических рычагов формирования социальных отношений¹. Это подтверждает неразвитость таможенных отношений в Казахстане в данный период. Реформирование налоговой системы, ввод новых налогов и изменения старых осуществлялись по мере укрепления власти, например в Бокеевском ханстве. Однако основным видом налога оставался налог со скота, а также натуральная повинность и разовые сборы. Началом создания современной таможенной службы и других таможенно-правовых институтов можно считать Указ Президента РК «Об образовании Комитета таможенного контроля Министерства финансов РК» от 12 декабря 1991 г.

В период внешнеэкономической реформы в РК (1991–1995 гг.) начинается новый этап развития таможенной системы, особенности которого связаны с попыткой трансформировать таможенную службу в новую управленческую структуру, ориентированную на функционирование в условиях свободного рынка и демократического режима. Логическим завершением этого стало принятие в 1993 г. Закона РК о таможенном тарифе. Несмотря на известный радикализм данного законодательного акта, создать принципиально новую таможенную систему на практике так и не удалось. Формирование национальной таможенной службы в Республике Казахстан приходится уже на новый этап (1995–2000 гг.) развития таможенной сис-

¹ Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан : учебн. Ч. 1 (С древнейших времен до 1917 года). Алматы : Данекер, 1999. С. 57.

темы. В июле 1995 г. был принят Указ президента «О таможенном деле РК», имеющий силу Конституционного закона, в дальнейшем данный Указ (с дополнениями и изменениями в июле 1999 г.) стал Законом «О таможенном деле РК». 5 апреля 2003 г. был принят «Таможенный кодекс Республики Казахстан».

Особое место в становлении и развитии таможенных органов Республики Казахстан отводится Таможенному союзу трех государств, который начал осуществлять деятельность с 1 января 2010 г., и договору, подписанному президентами трех государств «О Таможенном союзе Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации». С 16 июня 2010 г. был принят «Таможенный кодекс Республики Казахстан» и в это же время ратифицирован парламентом Республики Казахстан договор «О Таможенном союзе». Таможенному союзу сопутствовали многочисленные правовые акты, развивающие и конкретизирующие их экономические отношения, а также создание «Единого экономического союза», который начал осуществлять свою деятельность с 1 января 2015 г.

Завершающей вехой этого периода и одновременно началом качественного нового этапа развития таможенного законодательства в Казахстане явилось принятие Таможенного кодекса Республики Казахстан «О таможенном регулировании в Республики Казахстан» от 26 декабря 2017 г., где изложены основные положения о таможенном регулировании Республики Казахстан, а также положение о перемещении товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза.

Т.А. Беккер

СРЕДСТВА КОНТРОЛЬНЫХ ИНСТАНЦИЙ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ СУДЕБНЫХ ОШИБОК (КАССАЦИЯ И НАДЗОР)

Приговор суда, вынесенный по уголовному делу, должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ). Обоснованность же есть ни что иное, как истинность в материальном смысле¹.

¹ Азаров В.А., Пелих И.А. Взаимосвязь объективной истины и пределов доказывания по уголовному делу. С. 37; Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве. С. 143; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание

Однако, как показывает практика, судье, как и любому человеку, свойственно ошибаться. Именно в таком случае уголовно-процессуальный закон предусматривает конкретную схему исправления судебной ошибки, восстановления нарушенных конституционных прав человека, а также гарантии на вынесение правосудного приговора. Данная схема заключается в четко прописанной в УПК РФ системе обжалования судебных решений участниками уголовного процесса и возможности их пересмотра вышестоящими судебными инстанциями.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ, вступившие в законную силу судебные решения могут быть пересмотрены, исключительно на предмет законности, двумя инстанциями: *кассационной и надзорной*, при этом у последней из названных инстанций круг судебных решений, подлежащих обжалованию, согласно ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ, ограничен.

Суды в названных производствах не совершают исследования фактических материалов дела, а исправляют только юридические ошибки. Однако данное утверждение является достаточно дискуссионным, что нашло свое отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, который все же предусматривает право суда кассационной инстанции дать оценку фактической стороне уголовного дела, когда допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального закона были совершены им при исследовании или оценке доказательств, повлиявших на правильность установления фактических обстоятельств дела, если это привело к судебной ошибке¹. При этом, по справедливому мнению В.А. Давыдова, проверка судом кассационной инстанции обоснованности выводов судов первой инстанции о фактической стороне уголовного дела значительно затруднена отсутствием в арсенале суда кассационной инстанции надлежащего процессуального инструментария (в первую очередь – судебного следствия)².

по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009. С. 41.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в суде кассационной инстанции». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Давыдов В.А. Кассационное производство в уголовном процессе в разъяснениях Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 5. С. 12.

Однако наделение суда кассационной инстанции возможностью оценки фактических обстоятельств, исключительно в рамках разрешения вопроса правильности применения норм уголовно-процессуального закона, вполне удовлетворяет назначению как уголовного процесса, так и, что немаловажно, задачам контрольно-проверочной стадии уголовного судопроизводства, предоставляет дополнительные гарантии исправления судебной ошибки, диктуется потребностью познания объективной истины. По итогам рассмотрения уголовного дела, обе названные инстанции правомочны непосредственно исправить выявленную судебную ошибку, а также не только выявить последнюю, но и создать предпосылки для ее устранения, приняв соответствующие решения (например, об отмене приговора, определения или постановления суда и всех последующих судебных решений и передаче уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции либо возвращении дела прокурору (п. 3 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ, п. 3, 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ)).

Стоит заметить, что инструментами кассации и надзора исправляется только лишь часть судебных ошибок, точнее, устраняются только «существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела»¹, однако принятое судом вышестоящей инстанции решение, предусматривающее направление уголовного дела на новое рассмотрение или его пересмотр в первой, апелляционной, либо кассационной инстанциях, не дают исчерпывающих оснований для исправления всех судебных ошибок. Не исключена в таком случае и возможность совершения очередной судебной ошибки при новом пересмотре уголовного дела, которая также может быть констатирована в случае появления и рассмотрения очередного обоснованного акта обжалования.

¹ Идрисов О.Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 21.

Д.В. Борисов

**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД
ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
В ЧАСТНОСТИ ОРМ «ПОЛУЧЕНИЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»**

Существует множество определений «компьютерная информация» как в сети Интернет, так и в печатных периодических изданиях, монографиях, авторефератах и диссертациях, однако, по нашему мнению, наиболее полное и универсальное определение новому оперативно-розыскному мероприятию (ОРМ) дали в своей статье А.Ф. Мицкевич и А.В. Суслопаров. Под «компьютерной информацией» нужно понимать не какой-то особый вид информации, а специфическую форму ее представления, приспособленную для обработки в компьютерных устройствах, передачи по каналам связи и хранения на специализированных носителях¹. Использование технических средств придает большую объективность результатам ОРМ и, соответственно, возрастает их доказательственное значение. При проведении данного нового оперативно-розыскного мероприятия отбрасываются в сторону «человеческий фактор», а также субъективизм, на которых всегда акцентируют внимание защитники в рамках судебных прений. В сочетании с судебной санкцией, получение информации с применением технических средств в ходе оперативно-розыскной деятельности (ОРД) позволяет существенно объективизировать результаты данной категории ОРМ и менее значительно «играть» на «незаконности» проведения данного мероприятия, что означает меньше апелляций со стороны защиты по данному вопросу в ходе судебных прений. Фундамент ОРМ «получение компьютерной информации» составляют сложные в техническом аспекте и требующие профессиональной подготовки действия, направленные на получение находящихся в электронных носителях, в том числе в

¹ Мицкевич А.Ф., Суслопаров А.В. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному праву // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 206–209.

компьютерах, информации о лицах и фактах, которые вызывают оперативный интерес. Практически во всех случаях их надлежащее применение невозможно без участия обученного специалиста. Данный аспект указан в ч. 4 ст. 6 ФЗ «об ОРД» на то, что ОРМ, связанные с получением компьютерной информации, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел¹.

Однако возникает вопрос, как предоставить результаты ОРД, полученные в ходе проведения ОРМ «Получение компьютерной информации» органам предварительного следствия? Решение задач раскрытия и расследования преступлений требует применения только таких технических средств, которые обеспечивают объективное отражение следов, предметов, документов. Возрастают требования к уровню квалификации работников оперативных подразделений и их действий по получению, накоплению, обработке и передаче информации². Порядок предоставления результатов ОРД упрощается, если предметы и документы получены в ходе ОРМ, проводимых по поручению следователя, прокурора (суда). Уголовно-процессуальные права следователя на дачу поручений закреплены в п. 11 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в связи с чем целесообразно возбуждать уголовные дела при подтверждении информации о совершаемом преступлении на более ранних стадиях. Также необходимо внести изменения в инструкцию о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденную приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 27 сентября 2013 г., облегчающую процедуру взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия.

¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

² Кучерук Д.С. К вопросу об использовании в доказывании результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей : сб. науч. тр. / под ред. В.М. Баранова, М.А. Пшеничнова. Н. Новгород, 2009. Вып. 15. С. 48–51.

С.П. Брыляков

СИСТЕМА ПОВОДОВ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ТРЕБУЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Уголовно-процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела состоит в рассмотрении сообщения о преступлении, которое складывается из системы действий и решений по принятию, проверке и разрешению сообщений о любом совершенном или готовящемся преступлении. Начало такой деятельности и, как следствие, возникновение уголовно-процессуальных правоотношений¹ связаны с появлением повода к возбуждению уголовного дела. В части 1 ст. 140 УПК РФ закреплён перечень поводов для возбуждения уголовного дела, в который включены: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Указанная законодателем система поводов для возбуждения уголовного дела не идеальна. В юридической литературе существуют различные предложения, направленные на совершенствование рассматриваемой системы, что обусловлено потребностями правоприменительной практики. Анализируя непосредственное обнаружение признаков преступления прокурором, следователем, дознавателем, А.Б. Диваев приходит к выводу, что юридическим фактом, порождающим уголовно-процессуальные отношения в стадии возбуждения уголовного дела, следует рассматривать факт обнаружения признаков преступления, а не получение какого-либо сообщения, и предлагает в связи с этим предусмотреть в УПК РФ названный повод². Кроме этого, в уголовно-процессуальной литературе существу-

¹ О соотношении данных понятий подробнее см., например: Диваев А.Б. Категории «уголовно-процессуальная деятельность» и «уголовно-процессуальные отношения» в науке уголовного процесса // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1 (22). С. 134–145.

² См.: Диваев А.Б. Установление основания для возбуждения уголовного дела о хищениях : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 104–105; Шевченко И.А.

ет мнение, что «результаты оперативно-розыскной деятельности» должны быть выделены в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела на законодательном уровне¹. Также предлагается расширить систему поводов, включив в нее: запрос иностранного государства о возбуждении уголовного преследования, постановление мирового судьи о направлении заявления потерпевшего руководителю следственного органа или начальнику органа дознания². На наш взгляд, оптимизировать порядок производства в стадии возбуждения уголовного дела позволит отнесение наряду с имеющимися к числу сообщений о преступлениях:

1) сообщение суда об обнаружении признаков преступления, направляемое в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

2) запрос иностранного государства о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации;

3) уведомление, направляемое государственным или муниципальным служащим, о фактах обращения к нему в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений.

Все перечисленные сообщения о преступлениях не нуждаются в дополнительном процессуальном оформлении, поскольку представляют собой составленные компетентными субъектами (следователями, судьями, государственными служащими) документы, содержащие всю информацию, необходимую для того, чтобы служить полноценным поводом для возбуждения уголовного дела.

Процессуальные и организационные проблемы возбуждения производства по уголовному делу. Саратов, 2005. С. 61.

¹ См.: Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса / под ред. проф. В.Т. Томина. Пятигорск, 2000. С. 80–81; Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). М., 2004. С. 82–83.

² См.: Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / под ред. И.С. Дикарева. Волгоград, 2011. С. 111–112.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭКСТРАДИЦИИ

В литературе под экстрадицией понимается комплекс уголовно-процессуальных действий, направленных на розыск, задержание, заключение под стражу и передачу лица иностранному государству или в органы и учреждения международной юстиции (Международному трибуналу, Международному уголовному суду) на основании и в порядке, установленном международными договорами Российской Федерации и национальным законодательством, либо на основе принципа взаимности с целью осуществления уголовного преследования, отправления правосудия или приведения в исполнение вступившего в силу приговора суда¹.

Экстрадицию можно рассматривать как правовой институт и как разновидность правоприменительной деятельности. С точки зрения права, она представляет собой межотраслевой институт, включающий в себя нормы международного, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. При этом с учетом положений ст. 460–473 УПК РФ, нормы уголовного процесса можно считать определяющими. Кроме того, представляется правильным рассматривать экстрадицию как самостоятельный правовой институт, отдельный от правовой помощи по уголовным делам и международно-правового сотрудничества в ходе уголовного судопроизводства.

Как самостоятельный вид деятельности экстрадиция представляет собой правовой процесс, осуществляемый двумя или несколькими государствами в соответствии с международным и национальным законодательством, «с помощью которого одна страна передает в другую лицо, обвиненное (или осужденное) в совершении уголовного преступления против законов запрашивающего государства или в нарушении международного уголовного права – в целях уголовного

¹ См.: Строганова А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации. М. : Щит-М, 2005. С. 18; Бессарабов В.Г., Волобуев В.П. Процесс экстрадиции в Соединенном Королевстве и Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 5.

преследования или наказания его в запрашиваемом государстве в соответствии с преступлением, указанным в требовании»¹.

Термины «экстрадиция» (*extradition*), «выдача» (*delivery*), «передача» (*surrender*) и «доставка» часто рассматриваются как синонимичные. Между тем буквальное толкование законодательства позволяет сделать вывод об их различном содержании. Под выдачей, как правило, понимается лишь доставка одним государством находящегося на его территории лица другому государству для привлечения к уголовной ответственности или для исполнения приговора. В свою очередь, под передачей понимается доставка государством лица в международный орган или учреждение юстиции, как правило, Международный уголовный суд или Международный трибунал для уголовного преследования или осуществления правосудия. В этом случае имеет место передача национальными органами и учреждениями юстиции (судами) Международному уголовному суду или международным трибуналам права осуществить правосудие в отношении гражданина своей страны, что, по мнению некоторых ученых, вообще не может являться экстрадицией, поскольку последняя предполагает только передачу лица другому государству². Так, согласно ст. 102 Римского статута Международного уголовного суда (далее – Статут), под термином «экстрадиция» (*extradition*) понимается доставка лица одним государством другому на основании договора, конвенции или национального законодательства. Под термином «передача» (*surrender*) понимается доставка лица государством Международному уголовному суду в соответствии со Статутом. В любом случае термин «экстрадиция» значительно шире, так как помимо самой доставки и передачи, охватывает целый комплекс уголовно-процессуальных и иных мер, направленных на инициирование производства, установление местонахождения лица, проведение проверки, избрания мер процессуального принуждения и решения ряда иных процедурных вопросов, связанных с проверкой и оценкой всех обстоятельств дела.

¹ Выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение. М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 1998. С. 8.

² Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М. : Волтер-Клуверс, 2005. С. 24.

Что же касается отличия «экстрадиции» от «доставки», то, по справедливому мнению Ю.В. Минковой, последнее понятие не имеет самостоятельного юридического смысла и служит лишь термином, имеющим описательное значение для одного из вспомогательных действий, проводимых при экстрадиции лица¹.

Экстрадицию также необходимо отличать от таких мер, как депортация, высылка и выдворение. Принципиальное отличие заключается в том, что все указанные меры носят административную природу и предусматривают упрощенный порядок (процедуру) осуществления. Реализация указанных мер регулируется национальным административным законодательством (в России – в основном Кодексом об административных правонарушениях РФ и ФЗ РФ № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации») и происходит по инициативе государства пребывания лица без согласия и участия других стран, в том числе стран, гражданами которых являются выдворяемые (депортируемые или выслаемые) лица.

Этапирование как самостоятельная мера отличается от экстрадиции тем, что включает в себя только перевозку лица по территории Российской Федерации в место, установленное для передачи и осуществляется после принятия уполномоченными органами России решения о возможности осуществления передачи требуемого лица иностранному государству.

Л.Д. Ибрагимова

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ: НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ

С первых же дней применения УПК РФ выяснилось, что закрепленный в ст. 237 данного закона институт возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом включает в себе острейшую практическую проблему. Анализ юри-

¹ См.: Минкова Ю.В. Институт выдачи преступников в международном праве. М. : Изд-во РУДН, 2002. С. 12.

дической литературы, судебной и прокурорской практики показывает, что существование проблем обусловлено не только и не столько неправильным пониманием и применением прокурорами и судьями действующего уголовно-процессуального закона, а, прежде всего, недостатками нормативного регулирования: отсутствием необходимых правовых норм, неясностью и противоречивостью отдельных положений УПК РФ. Так, например, по материалам изученных нами дел, вынесенных судами Республики Бурятия, Забайкальского края, Иркутской области в период с 2012 по 2017 г., основаниями возвращения дел являлись обстоятельства, предусмотренные: п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – 97,3% от всех изученных дел, п. 2 ч.1 ст. 237 УПК РФ – 0,8%, п. 3 ч.1 ст. 237 УПК РФ – 1,2% от всех изученных дел, п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – 0,7% от всех изученных дел. Анализ судебной практики позволяет сделать заключение, что в основном прокурору возвращается наибольшее количество дел по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что в правоприменительной деятельности могут иметь место три ситуации, которые в дальнейшем создадут для суда необходимость возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, т.е. для устранения допущенных ошибок и имевших место недостатков. Первая ситуация может заключаться в наличии технической ошибки в описании обстоятельств совершения преступления (формулы обвинения) либо квалификации совершенного преступления.

Вторая ситуация обусловлена появлением в суде доказательств, которые ставят под сомнение правильность квалификации действий обвиняемого и одновременно создают необходимость его привлечения к уголовной ответственности за совершение более тяжкого преступления.

Наконец, третьей является ситуация, когда в период судебного разбирательства более тяжкие последствия наступили по причине, не зависящей от деятельности органов предварительного расследования или суда (не появляются новые доказательства, свидетели не меняют показания, органами предварительного расследования ошибок не допущено и т.д.).

Нами также было проведено анкетирования судей Республики Бурятия, Забайкальского края, Иркутской области. При анализе ответов на вопросы, связанные с применением положений ст. 237 УПК РФ, выяснилось, что подавляющее большинство судей высказало

мнение о том, что предусмотренный действующим УПК РФ институт возвращения уголовного дела прокурору не является достаточно эффективным процессуальным средством устранения недостатков предварительного расследования, поскольку по своей сути предоставляет возможность исправления лишь формальных нарушений, связанных с составлением обвинительного заключения (акта). С учетом крайне невысокого качества предварительного расследования выяснение всех обстоятельств деяния, сбор и предоставление суду доказательств виновности или невиновности подсудимого фактически переносится на стадию судебного разбирательства, что не способствует соблюдению судом разумных сроков рассмотрения уголовных дел. В этой связи действительно является целесообразным признание основанием возвращения уголовного дела прокурору любого существенного нарушения уголовно-процессуального закона, допущенного в досудебном производстве, если оно не может и не должно устраняться судом самостоятельно. При этом необходимо четкое разъяснение понятия существенности допущенного в досудебном производстве нарушения уголовно-процессуального закона.

Т.В. Исакова

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ (КОМПРОМИССНЫЕ) ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ КАК СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Многовековой опыт правосудия свидетельствует – судебное разрешение уголовно-правовых конфликтов не способно конструктивно разрешить конфликт и не всегда приносит удовлетворение всем его участникам. Во-первых, оно очень дорогое. Во-вторых, долговременное. В-третьих, оно официально-публичное. В-четвёртых, в судопроизводстве разрешить конфликт «по справедливости» практически невозможно, так как в суде всегда есть выигравшие и проигравшие. Последнее обстоятельство заставляет конфликтующих искать альтернативные способы разрешения конфликтов, которые позволяют по-новому взглянуть на устоявшиеся методы борьбы с пре-

ступностью. Можно проследить общемировую тенденцию: все больше государств создают законодательную базу для альтернативных способов разрешения правовых конфликтов.

С конца прошлого столетия процедуры APC начали активно распространяться во всем мире. Страны прецедентного права, такие как Канада, Великобритания, Австралия и Новая Зеландия, быстро подхватили движение APC и создали у себя институты APC, подобные существующим в США. Наиболее востребованными альтернативами уголовному преследованию в законодательстве некоторых стран Западной Европы и США являются медиация, уплата штрафа, транзакция, предупреждение и отказ от уголовного преследования ввиду его нецелесообразности.

Целый ряд программ по развитию APC был внедрен и в странах СНГ, при этом большинство из них было основано на судебных моделях, а закон о медиации рассматривался как первый и самый важный шаг в развитии APC.

Пример Казахстана оказался одним из наиболее успешных. Действующий в Казахстане закон «О медиации» сферой ее применения в уголовном судопроизводстве определил дела о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Что касается транзакции, то она является достаточно распространенным альтернативным способом разрешения уголовно-правовых конфликтов в зарубежных странах (Бельгия, Германия, Франция, Нидерланды, Республика Сан-Марино и др.). Её суть заключается в том, что государственные органы отказываются от уголовного преследования виновного, если последний согласится уплатить в казну определенную денежную сумму.

Специалисты определяют транзакцию как некое добровольное соглашение или публичный договор, сторонами которого являются государство в виде уполномоченного органа и лицо, подлежащее уголовной ответственности. Предметом такого «соглашения» является выполнение обязанности по перечислению определенной денежной суммы в государственную казну как основание для отказа от уголовного преследования. Размер денежного возмещения ограничен либо максимальным размером штрафа, назначаемого за совершенное преступление, либо размером, определенным в законе.

В российском уголовном законе схожий способ урегулирования уголовно-правового конфликта получил закрепление в ст. 76.1 УК

РФ в виде основания освобождения от уголовной ответственности по некоторым преступлениям в сфере экономической деятельности.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что идеи альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта, зародившиеся и получившие развитие в западной науке, в достаточной степени реализованы в зарубежном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Многолетний положительный зарубежный опыт использования этих способов альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов может быть успешно использован для дальнейшей оптимизации данного правового института в современных российских условиях.

А.Л. Карлов

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СТОРОН ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ

Большинство авторов, рассматривающих институт досудебного соглашения о сотрудничестве, анализируют порядок его заключения или полномочия отдельных участников, при этом, по нашему мнению, незаслуженно мало внимания уделяется вопросу содержания такого соглашения. Именно обязательства сторон, на наш взгляд, составляют ключевое содержание досудебного соглашения, раскрывают его сущность и имеют огромное значение для реализации рассматриваемого института.

В первую очередь стоит отметить, что досудебное соглашение выключает в себя два вида обязательств – стороны обвинения и стороны защиты, при этом их правовое значение и последствия неисполнения, на наш взгляд, существенно отличаются. Основное значение обязательств стороны обвинения сводится к применению специальных правил назначения наказания, прямо предусмотренных законом¹, а их неисполнение фактически приравнивается к нарушению закона со всеми вытекающими последствиями.

¹ Крайне редко встречаются случаи, когда сторона обвинения берет на себя другие обязательства, например, что государственный обвинитель в ходе судебного разбирательства будет ориентировать суд на назначение наказания с учетом требований

Обязательства стороны защиты определяют ход дальнейшего расследования и нижнюю границу достаточности содействия для последующего снижения наказания. Последствием их неисполнения выступают расторжение досудебного соглашения (п. 5.2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), пересмотр вынесенного приговора (п. 6 ст. 289.15, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) либо назначение судом наказания в общем порядке (63.1 УК РФ). Однако стоит обратить внимание на одну существенную деталь.

Встречаются ситуации, когда следователю становятся известными новые эпизоды преступной деятельности группы, один из членов которой, несмотря на досудебное соглашение, скрыл их и осужден без учета этих сведений. На первый взгляд, в данном случае необходимо применить ст. 317.8 УПК РФ, которая допускает пересмотр приговора, в случае обнаружения, что подсудимый умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения. Однако более пристальное рассмотрение показывает, что эта норма отсылает к разделу XV УПК РФ (пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда), что ставит вопрос об основаниях для пересмотра приговора.

До июля 2016 г. ответов на поставленный вопрос законодатель не давал, однако внесенными изменениями закон был дополнен новыми основаниями для пересмотра или изменения судебных решений в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях: «...выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве». Нетрудно заметить, что приведенная формулировка, в отличие от ст. 317.8 УПК РФ, не включает указание на умышленное сокрытие от следствия каких-либо существенных сведений. Представляется, что для обеспечения применения указанных оснований пересмотра приговора, необходимо включить в текст досудебного соглашения следующее обязательство: «...сообщить полные и достоверные сведения обо всех совершенных им преступлениях, а также о всех известных ему преступлениях, совершенных соучастниками (иными лицами, о которых он

ч. 2 ст. 62, ст. 64, ст. 73 УК РФ (уголовное дело № 11601450603000001, архив ГУ МВД России по г. Москве (УВД по Юго-Западному административному округу).

дает показания)». Установление новых преступлений с участием осужденного будет прямо указывать на нарушение им обязательств досудебного соглашения и позволит инициировать вопрос об отмене вынесенного в отношении него приговора.

Схожая логика рассуждений делает целесообразным включение в текст досудебного соглашения обязательства, предусматривающего подтверждение показаний, данных на предварительном следствии, в суде, причем как при рассмотрении дела в отношении лица, заключившего соглашение, так и уголовного дела в отношении его соучастников, где он будет допрашиваться в качестве свидетеля.

Таким образом, умелое использование обязательств досудебного соглашения позволяет компенсировать выявленные недостатки законодательного регулирования, а также обеспечить эффективную реализацию досудебных соглашений по уголовным делам.

А.А. Климов

ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ АНАЛОГИИ ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

По нашему мнению, применение такого способа преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве, как аналогия права, может быть использовано исключительно судом общей юрисдикции. Обусловлен данный факт, во-первых, тем, что для использования аналогии права необходима высокая юридическая квалификация. Это не говорит о том, что другие правоприменители юридически менее грамотны, однако такие критерии для назначения на должность судьи, как минимальный возрастной ценз в 25 лет, наличие стажа работы по юридической специальности не менее 5 лет, высокая конкурентность, а также то обстоятельство, что судей федеральных судов назначает Президент РФ, позволяют естественным образом повысить уровень квалификации у судей.

Во-вторых, крайне высока вероятность злоупотребления со стороны обвинения, применяя аналогию права. И хотя законодателем предусмотрены процессуальные гарантии в виде ст. 124, 125 и 125.1 УПК РФ, которые предоставляют правоприменители, однако, считаем, что если и легализовать аналогию, то делать это порционно, ог-

раничивая органы предварительного расследования возможностью применения лишь аналогии закона, а судьям дополнительно предоставить возможность использования аналогии права. Затем, проанализировав эффективность применения этих способов преодоления пробелов на предмет частоты их применения и обжалования, представляется возможным подойти к вопросу о расширении субъектного состава аналогии права, предоставив органам предварительного расследования возможность ее использования.

И, в-третьих, конструкция аналогии права, в отличие от аналогии закона, весьма пространна, что естественно обуславливает, как раз таки, первые два довода. В этой связи В.В. Тихомирова говорит, что «условия применения аналогии закона и условия применения аналогии права совпадают не в полной мере, поскольку аналогия закона и аналогия права – это два специфических правовых явления. В то же время значительная часть условий применения аналогии закона и аналогии права являются общими. Это объясняется общими причинами применения аналогии как юридического инструмента, его единой правовой природой»¹.

Это действительно так. Именно первую ступень мы выделяем как общую для обоих способов преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве:

1) это то, что при обнаружении пробела необходимо проанализировать обстоятельства дела, исключить вариант субъективного заблуждения;

2) уже следующим шагом судье, не обнаружив схожую норму (и осознав, что аналогию закона применить не удастся), нужно обратиться к общим условиям и принципам уголовно-процессуального законодательства;

3) на их основе сформулировать позицию, которая, в конечном итоге, послужит опорой для совершения действия или принятия решения.

¹ Тихомирова В.В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 178.

ВОЕННАЯ ПОЛИЦИЯ КАК ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН

В соответствии со ст. 25.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» в Вооруженных Силах Российской Федерации созданы органы и подразделения военной полиции. Указом Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 утвержден Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации. Его текст выявил многие недостатки в правовом регулировании организации военной полиции.

В статье 1 Устава предусмотрены права и обязанности должностных лиц военной полиции, порядок применения ею мер государственного принуждения. Однако применение мер принуждения неизбежно связано с ограничением прав и свобод граждан, что допускается только федеральным законом и лишь «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Поэтому полномочия военной полиции должны быть регламентированы федеральным законом по аналогии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Задолго до издания Указа № 161 8 апреля 2013 г. на сайте Министерства обороны РФ был опубликован проект Федерального закона «О военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, однако закон так и не был принят, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Указ во многих нормах противоречит УПК РФ. Так, в соответствии с п. 2, 4 ст. 21, п. 3 ст. 25, п. 2, 3 ст. 27 органы военной полиции имеют право задерживать лиц, совершивших преступление, или незаконно проникших или пытавшихся проникнуть на территории воинских частей, охраняемых военной полицией объектов, хотя задержание является следственным действием, производимым только после возбуждения уголовного дела (гл. 12 УПК РФ).

¹ URL: doc/mil.ru (дата обращения: 29.12.2017).

Федеральный закон от 3 февраля 2013 г. № 7-ФЗ обоснованно наделил начальников органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации правом на производство дознания, однако вопрос о наделении правом на производство оперативно-розыскной деятельности по прежнему остался незакрытым. При этом возможна конкуренция с органами военной контрразведки, на которые возложена обязанность осуществлять во взаимодействии с другими государственными органами оперативно-розыскные мероприятия по борьбе с ядерным терроризмом и иными видами терроризма, организованной преступностью, коррупцией, контрабандой, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, наркотических средств и психотропных веществ, специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, с вовлечением военнослужащих в деятельность, целью которой являются вооруженный мятеж, насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, насильственный захват или насильственное удержание власти, а также по борьбе с иными преступлениями, отнесенными федеральным законодательством к подсудности органов федеральной службы безопасности (п. 4. и 5 Положения об управлениях (отделах) Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах (органах безопасности в войсках)) от 7 февраля 2000 г. № 318.

Н.А. Куликова

НУЖЕН ЛИ В РОССИИ СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Ошибка, совершенная присяжными заседателями, каждый раз остро оживляет наболевший вопрос: «Нужен ли суд с участием присяжных заседателей?».

Данный вопрос можно отнести к числу спорных, поскольку одни считают, что люди, принимающие решение, руководствуются, прежде всего, своими эмоциями и субъективным восприятием справед-

ливости. Другие же считают, что суд присяжных можно назвать объективным и независимым, так как присяжные воспринимают именно то, что видят и слышат в процессе¹.

В настоящее время суд с участием присяжных заседателей не является новым видом практики, но к такому виду практики, в каком виде он сейчас находится, имеются весьма глубокие вопросы.

Обычно в приговоре судья обоснованно, закономерно и подробно мотивирует свое решение, которое стоит заметить подкреплено уже имеющейся практикой, и именно судья несет ответственность за принятое решение.

Присяжные же не обосновывают, чем приходилось руководствоваться, и почему именно такое решение было принято². Нужно понимать, что присяжные определяют виновность иначе, чем судья-профессионал. Доказано – не доказано! Виновен – не виновен! И все. Что именно послужило причиной такого решения, приходится только предполагать, такой подход напоминает игру «русская рулетка»³.

Любая система, где есть человеческий фактор, так или иначе обречена на какой-либо процент ошибок, но главное, чтобы данные ошибки можно было в дальнейшем исправить⁴. Еще к одной «мозоли» данного обсуждения можно отнести немалые затраты и долгое разбирательство. Тем не менее суд с участием присяжных заседателей не может быть носителем только отрицательных сторон.

Во-первых, присутствует принцип состязательности, присяжные заседатели высказывают свои доводы и соображения. Во-вторых, примерив на себя роль председательствующего, у присяжных заседателей есть реальная возможность прочувствовать систему, а значит, есть возможность воспитать в себе положительные правовые качества. В-третьих, очень важно, что это не один человек, а небольшое звено общества, и у каждого звена есть свое независимое мнение. В-четвертых, решение присяжных – это, прежде всего, мнение общества, и если мнение общества не совпадает с тем, что про-

¹ Быков В.М., Мигрофанова Е.Н. Причины вынесения присяжными заседателями необоснованных оправдательных вердиктов // Российская юстиция. 2010. № 2.

² Сплавская Н.В. Факторы качества образования юристов // Гуманизация образования. 2016. № 4. С. 100–105.

³ Рябцева Е.В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. 2012. С. 59.

⁴ Немыгина М.В. Российский суд присяжных. М., 1995. С. 48.

писано в законодательстве, то возможно необходимо скорректировать именно закон, поскольку законы пишутся как раз для всего общества¹.

Суд с участием присяжных заседателей возможно и нужен нашему государству и обществу, но вот сформировалось ли для него наше общество?

Полагаем, что ответ на этот вопрос получим с течением времени, на протяжении которого придется «сильно переболеть», а в настоящее время именно грамотный и опытный судья вынесет справедливый приговор.

Л.А. Пупышева

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, лишено законодателем внутрисистемной дифференциации, что вряд ли можно назвать адекватным проводимой в стране судебно-правовой реформе. Считаем, что оно нуждается в дифференциации, одним из критериев которой должен быть возраст лица, в отношении которого оно осуществляется.

Действующее законодательство не содержит каких-либо установлений относительно особенностей данного производства в отношении несовершеннолетних осужденных. Думается, что позиция законодателя в вопросе обеспечения прав несовершеннолетних, вовлеченных в уголовное судопроизводство, выглядела бы последовательной, если бы дополнительные гарантии прав данной категории лиц имели нормативное закрепление на всех стадиях уголовного про-

¹ Рябцева Е.В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 58.

цесса, включая исполнение приговора. Полагать, что в производстве, установленном гл. 47 УПК РФ, несовершеннолетний в меньшей степени нуждается в правовой защите, на наш взгляд, ошибочно¹.

Одной из проблем, требующих законодательного разрешения, является отсутствие особенностей правового положения несовершеннолетнего осужденного. В частности, в УПК РФ должны найти отражение нормы, закрепляющие дополнительные процессуальные гарантии данной категории участников процесса, прежде всего участие законного представителя.

Выражая свою правовую позицию по данному поводу в определении от 06.07.2010 г. № 936-О-О, Конституционный Суд РФ отметил, что законный представитель является полноправным и самостоятельным участником уголовного судопроизводства и призван обеспечить дополнительные гарантии права на защиту несовершеннолетнего. Несовершеннолетний осужденный, в отношении которого рассматривается и решается любой из вопросов, связанных с исполнением приговора, такой важнейшей правовой гарантии лишен.

Для эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетнего осужденного его законный представитель должен быть полноправным участником процесса. Его процессуальный статус должен быть четко определен в УПК РФ и снабжен необходимым объемом процессуальных прав и обязанностей. Процессуальный статус таких лиц (родителей, опекунов, попечителей несовершеннолетнего) может быть различным: они могут выступать как в качестве законного представителя, так и в качестве свидетеля. УПК РФ должно быть установлено, что если интересы родителей (опекунов, попечителей) противоположны интересам лица, в отношении которого судом рас-

¹ Следует отметить, что в юридической литературе уделяется достаточно внимания вопросу обеспечения прав несовершеннолетних осужденных в уголовно-правовом и уголовно-исполнительном аспекте: см., например, Алексеев В.В. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3 (28). С. 9–11; Алфимова О.А. К вопросу об эффективности применения законодательного института изменения условий отбывания наказания (на примере воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных) // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 10–14; Александров А.С. Развитие общественного контроля за соблюдением прав несовершеннолетних осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2 (23). С. 87–91.

смачивается соответствующее ходатайство (представление), то их участие в качестве законных представителей исключено. Полагаем, в данном случае он может быть допущен к участию в процессе в качестве свидетеля.

Для обеспечения прав несовершеннолетних осужденных, считаем, что участие прокурора и адвоката в судебном заседании, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, должно быть обязательным.

Таким образом, констатируем необходимость законодательного закрепления особенностей правового положения несовершеннолетнего осужденного в производстве по делам об исполнении приговора.

А.Б. Судницын

ДОСТАТОЧНОСТЬ ДАННЫХ О ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОСНОВАНИЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

В системе правовых предпосылок решения вопроса об избрании мер пресечения (условия и основания избрания мер пресечения; обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения; условия избрания конкретной меры пресечения), тяжесть преступления относится к обстоятельствам, учитываемым при ее избрании (ст. 99 УПК РФ).

Отсутствие в законе перечня конкретных данных, подтверждающих основания для избрания мер пресечения (ст. 97 УПК РФ), и их потенциальное многообразие допускают использование в качестве таковых множество разнообразных фактических данных. Типичными из них, применяемыми для подтверждения намерений обвиняемого (подозреваемого) скрыться от расследования и суда, являются: высказывания о желании скрыться, внезапное приобретение билетов для отъезда, ликвидация социально-экономической и территориальной привязанности, совершение иных действий, явно указывающих на намерения обвиняемого. Однако в отдельных ситуациях указанные и подобные им типичные факты, позволяющие сделать вывод о вероятности обвиняемого (подозреваемого) скрыться, отсутствуют. В таких исключительных случаях тяжесть совершенного преступле-

ния следует использовать не только как обстоятельство, учитываемое при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Осознание предстоящего наказания в виде лишения свободы на длительный срок лицом, совершившим тяжкое и (или) особо тяжкое преступное деяние, и его желание избежать ответственности путем ненадлежащего поведения предопределяют высокую вероятность уклонения от расследования. При этом решение вопроса об избрании меры пресечения традиционно усугубляется общим дефицитом информации, ограниченными временными рамками принятия решения, обеспечивающего надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого), характерными для начального этапа производства по делу.

Представляется целесообразным использование данных о тяжести совершенного преступления на начальном этапе производства по делу при оценке вероятности наступления негативных последствий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. А именно данные о тяжести преступления, вменяемого в вину лицу, и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут выступать в качестве единственных и достаточных фактических данных, подтверждающих наличие основания (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК) для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования. Приведенное предложение подтверждается отечественной судебно-следственной практикой¹, а также практикой Европейского суда по правам человека².

Безусловно, использование данных о тяжести преступления, выступающих в качестве достаточного подтверждения наличия основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на начальном этапе производства по делу, не значит, что только одними этими данными (из системы правовых предпосылок для избрания мер пресечения) может ограничиться следователь, инициируя избрание меры пресечения. Необходимо убедиться с наличием общих условий избрания мер пресечения, после вывода о наличии ос-

¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «КонсультантПлюс» и др.

² См., например: Постановление Европейского суда по правам человека от 07 апреля 2005 года «Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» и др.

нования для избрания меры пресечения – с условиями избрания конкретной меры пресечения, а также учесть обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ.

Л.Г. Суханова

ПРЕДЕЛЫ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Защитительная деятельность адвоката-защитника на стадии исполнения приговора имеет свою специфичность. Специфичность присуща как таковой и самой стадии исполнения приговора¹.

Специфичность защитительной деятельности адвоката-защитника на стадии исполнения приговора обусловливается специфичностью процессуальных отношений на анализируемом этапе уголовного судопроизводства². При этом защитительная деятельность адвоката-защитника на стадии исполнения приговора не безгранична и определяется через цели, задачи, а также субъектный состав участников указанной стадии.

Можно обозначить следующие пределы, которыми ограничивается защитительная деятельность адвоката-защитника на стадии исполнения приговора:

1. Права и законные интересы осужденного. Стадия исполнения приговора направлена на реализацию приговора в отношении осужденного, который является главным и единственным субъектом, которому необходима защита его прав и законных интересов. В других стадиях уголовного судопроизводства защита прав и законных интересов может быть необходима потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому и другим участникам.

Как верно отмечает И.Ф. Юсупова, оказывать юридическую помощь осужденному на стадии исполнения приговора вправе и может

¹ Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 67.

² Камардина А.А. Участие адвоката на стадии исполнения приговора // Правовые науки. 2011. № 3. С. 385–388.

только защитник, который является советником по правовым вопросам и квалифицированным помощником правовой направленности¹.

2. Вопросы, которые подлежат решению при исполнении приговора (ст. 397 УПК РФ). Вся защитительная деятельность адвоката-защитника на стадии исполнения приговора направлена на разрешение этих вопросов, а в частности защитительная деятельность концентрируется на решении какого-либо конкретного вопроса (об условном досрочном освобождении, о замене неотбытого наказания более мягким и т.д.).

3. Юридическое основание осуществления защитительной деятельности адвокатом-защитником. Таким основанием может выступать либо назначение адвоката судом по просьбе осужденного, либо соглашение. Также содержанием просьбы, выраженной суду для назначения адвоката и соглашения, заключенного между адвокатом и доверителем, выступает юридическая помощь в решении какого-либо вопроса, предусмотренного в ст. 397 УПК РФ. За пределы просьбы и соглашения адвокат при осуществлении своей деятельности, как правило, выйти не может.

При этом 52 опрошенных адвоката Адвокатской палаты Алтайского края, действующих на территории г. Барнаула, указывают, что такое соглашение имеет «разовый» характер, т.е. содержанием такого соглашения могут выступать, например, подготовка, подача и поддержание ходатайства об условно-досрочном освобождении.

Таким образом, защитительная деятельность адвоката-защитника на стадии исполнения приговора ограничивается вышеуказанными пределами, которые определяют предмет и специфику его процессуальных действий. При этом адвокат-защитник на стадии исполнения приговора обладает собственным процессуальным положением и процессуальными полномочиями. Защитительная деятельность на стадии исполнения приговора, в целом, обеспечивает возможности и условия для реализации субъективных прав осужденного, при этом включая отстаивание и защиту его прав и законных интересов.

¹ Юсупова И.Ф. Защитник как участник стадии исполнения приговора // Бизнес в законе. 2010. № 5. С. 86–88.

И.А. Абрамов

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Этимология определения термина «характеристика» восходит к др.-греч. *χαρακτηριστικός* «отличительный» и в современном понимании представляет собой совокупность отличительных свойств кого-либо или чего-либо. «Содействие» рассматривается как помощь, поддержка в каком-нибудь деле, в какой-нибудь деятельности, деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь.

Основные отличительные черты базируются на Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД). В их число входят:

1. Место осуществления содействия граждан оперативным подразделениям учреждений и органов УИС.

Огромное значение для ФСИН России было признание ее оперативных подразделений, в том числе оперативных подразделений учреждений и органов УИС, субъектами ОРД¹. Они самостоятельно осуществляют ОРД в исправительных учреждениях. Вне учреждений и органов УИС оперативные подразделения УИС осуществляют ОРД во взаимодействии с оперативными службами иных субъектов ОРД. Таким основным способом является обмен оперативно-значимой информацией.

Из указанной парадигмы следует, что содействие граждан оперативным подразделениям учреждений и органов УИС в основном на-

¹ Федеральный закон от 29.06.2004 № 58-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).

целено на работу внутри УИС и для обеспечения ее функционирования.

2. Задачи, которые ставятся перед гражданами, оказывающими содействие оперативным подразделениям учреждений и органов УИС.

В каждом исправительном учреждении осуществляется оперативная деятельность, задачами которой являются: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение¹.

Данные задачи имеют частные решения для УИС и существенно отличаются от общих задач, установленных законодателем в ст. 2 ФЗ об ОРД.

Из этого следует, что оперативные подразделения учреждений и органов УИС перед гражданами, оказывающими им содействие, ставят задачи, связанные с обеспечением правильной и безопасной жизнедеятельности учреждений и органов УИС.

3. Состав граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям учреждений и органов УИС.

В своей профессиональной работе сотрудники оперативных подразделений учреждений и органов УИС контактируют с различными категориями граждан. Учитывая, что учреждения и органы УИС являются территориями с особым режимом пребывания², наиболее значимое содействие оперативным подразделениям УИС могут оказывать граждане, которые непосредственно связаны с данной территорией. В их число входят граждане: отбывающие наказание в местах лишения свободы; работающие в УИС на аттестованных и гражданских должностях; сотрудничающие с УИС по социально-бытовым, производственным и иным вопросам.

¹ Статья 84 УИК РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 20.12.2017).

² Приказ Минюста РФ от 03.09.2007 № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы».

Содействие граждан оперативным подразделениям является непременным условием осуществления ОРД вообще и необходимым условием решения стоящих перед оперативными подразделениями учреждений и органов УИС задач.

Т.А. Алексеева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧИ ДОПРАШИВАЕМОГО ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА

При производстве коммуникативных следственных действий¹ получение необходимой информации часто зависит от расположения следователя к себе, того или иного лица установления психологического контакта с ним. Наибольшие возможности изучить личность представляется в рамках такого следственного действия, как допрос. Важно отметить, что при допросе следователь получает информацию о личности допрашиваемого сразу через несколько каналов, оценивая его поведение, манеру говорить и жестикуляцию.

Речь можно условно разделить на следующие три блока: 1) внешняя и внутренняя; 2) устная и письменная; 3) кинетическая или жестовая². Для следователя при производстве допроса наибольшее значение имеет внешняя речь, которая выражается в устных показаниях и жестах допрашиваемого. Автор статьи акцентирует внимание именно на анализе жестовой речи и её криминалистическом значении. Классической типологией жестов является классификация П. Экмана и У. Фризена, которые выделили следующие виды жестов:

1) иллюстраторы – жесты, подкрепляющие сообщения (указываем рукой или пальцем, изображаем руками предмет или его размеры, движения всем телом, жесты, которые объединяют отдельные воображаемые предметы);

2) регуляторы – жесты, демонстрирующие отношение к аудитории (улыбка, кивок головы);

¹ Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск, 2014. 294 с.

² Маклаков А.Г. Общая психология. СПб. : Питер, 2008. С. 345.

3) адаптеры – объединяют три группы специфических движений руками: а) почесывание, подергивание отдельных частей тела б) прикосновения, похлопывания слушателей; в) поглаживание, перебирание, переворачивание отдельных предметов – в основном это нежелательные движения, являются скорее вредными привычками;

4) эмблемы – представляют собой жесты-заменители слов или целых фраз (рука, сжатая в кулак, два пальца, разведенные в форме латинской буквы «V»);

5) аффекторы – выражают эмоции (движение различных частей тела, в первую очередь мышц лица – мимика)¹.

Из перечисленных видов жестов криминалистическое значение могут иметь жесты-регуляторы, отображающие отношение допрашиваемого к ситуации и следователю, и жесты-адаптеры, как правило, отображающие состояние волнения допрашиваемого и желание успокоиться.

Автор предлагает следующую классификацию жестов:

1. Закрытые жесты – указывают на нежелание допрашиваемого идти на контакт со следователем, негативное отношение к ситуации и неготовность давать показания. К таким жестам относятся скрещивания рук на груди, замок пальцев рук, скрещивание ног, всевозможные манипуляции около головы и лица (дотрагивание до носа, ладонь, плотно прикрывающая рот или уши).

2. Переходные жесты – свидетельствуют о колебании допрашиваемого, сомнениях или готовности слушать (вытянуты вперед ладони, почесывание подбородка, лба или височной области). Важно отметить, что эта группа жестов может появиться как в случае, если следователю удастся постепенно расположить к себе допрашиваемого, так и наоборот.

3. Открытые жесты – указывают на готовность допрашиваемого к активному взаимодействию и диалогу (открытые ладони, ладони, сложенные горизонтально под подбородком).

Распознавание жестов может помочь следователю определить, готов ли допрашиваемый идти на контакт или нет.

¹ Экман П., Фризен У. Узнай лжеца по выражению лица / пер. с англ. В. Кузина. СПб. : Питер, 2010. С. 32–35.

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ

В настоящее время в следственной практике достаточно актуальным является вопрос, посвященный применению технических средств в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В соответствии со ст. 191 УПК, в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля обязательно применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, если сам несовершеннолетний или его законный представитель против этого возражают.

Анализ следственной практики указывает на то, что технические средства видеофиксации применяются редко. Это обусловлено не только отказом соответствующих участников уголовного судопроизводства от применения технических средств, но и более существенными причинами, из которых можно назвать: низкий уровень знаний, умений и навыков у следователей (дознателей) о применении технических средств видеофиксации при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних, недостаточное оснащение подразделений, производящих предварительное расследование по уголовным делам.

Допрос – это следственное действие, которое является самым распространенным процессуальным действием, направленным на получение показаний у допрашиваемых лиц. При этом допрос – это одно из самых сложных следственных действий. На результативность допроса влияет, насколько полно будут учтены и использованы особенности личности допрашиваемого, в частности, несовершеннолетний возраст, особенности психики, образовательный уровень и т.д.

В связи с этим на тактику проведения допроса несовершеннолетнего может повлиять и выбор технического средства видеозаписи. В настоящее время существует большое разнообразие технических средств, с помощью которых можно производить видеофиксацию результатов допроса (стационарная и переносная видеокмеры, мо-

бильный телефон, планшетный компьютер, встроенная Web-камера в ноутбуке, универсальные Web-камеры, размещаемые на стационарном персональном компьютере или ноутбуке).

Перед началом допроса несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) следователь в протокол вносит сведения об отсутствии возражений относительно применения видеозаписи или киносъемки, основные характеристики технических средств, а также порядок и условия их применения. Применение видеозаписи при допросе может привести к стеснительности, замкнутости, несобранности, к постоянному отвлечению внимания и психологической возбудимости несовершеннолетнего.

По нашему мнению, универсальная Web-камера позволит более результативно провести фиксацию допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Данное техническое устройство легко расположить на стационарном компьютере или ноутбуке следователя (дознателя), настроить угол обзора в нужном направлении, малые габариты не будут отвлекать несовершеннолетнего от ответов на задаваемые вопросы. Получившуюся видеозапись допроса по окончании следственного действия следует просмотреть участвующим лицам и произвести ее копирование на оптический диск однократной записи. Оптический диск упаковывается в конверт, печатывается и хранится при уголовном деле.

Р.Л. Ахмедшин

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Типирование личности является одним из этапов использования тактического приема, определяющего в значительной степени его эффективность. «Голая» тактическая рекомендация, не адаптированная под психологический тип лица, к которому её следует использовать, и лица, использующего её, фактически не имеет прикладной ценности и выступает, как правило, благим пожеланием, в котором теоретики-криминалисты решение проблемы адаптации

тактического приема под конкретную ситуацию переключают на следователя. Нужны ли следователю общие советы, маскируемые под тактические рекомендации? Нет. Таким образом, типологические тактико-криминалистические разработки позволяют вывести проблему адаптации тактического приема под конкретную ситуацию: с уровня художественного творчества на уровень научный.

Использование типологических приемов при решении тактико-криминалистических задач имеет определенное количество противников, руководствующихся, как правило, комплексом субъективных причин, о которых нами ранее уже говорилось неоднократно. Однако у криминалистического типирования имеются и объективные проблемы, не связанные с переживанием личных комплексов исследователей-криминалистов.

Первая проблема – это крайне ограниченное количество типологий, которые на данный момент разработаны в современной науке о человеке.

Вторая проблема в том, что психодиагностический инструментарий, направленный на определение психологического типа, преимущественно разрабатывался в середине XX в. и надежным для современной аудитории может быть признан весьма условно.

Третья проблема – излишне общие, напрямую не связанные с поведенческими маркерами основания для типологии, используемые современными исследователями. А ведь именно поведенческая составляющая наиболее значима для решения криминалистических задач как для тактико-, так и методико-криминалистического аспекта. Примерами неповеденческих оснований могут выступать типологии, начиная от типологии Платона (нормальный, тимократический, олигархический, демократический) и Голланда (реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциональный, предприимчивый, артистический) до типологии И.П. Павлова (мыслительный, художественный, средний) и К.Г. Юнга (экстравертный, интровертный).

Четвертая проблема – крайне небольшое количество исследований, коррелирующие результаты различных психодиагностических исследований, направленных на определение психологического типа в рамках разных типологических систем.

Последняя проблема имеет наименьшую степень исследуемости, она наиболее актуальна для современного этапа развития научного знания о человеке, в том числе криминалистического.

Пилотные исследования, проведенные нами, показали, что наиболее коррелирующими типологиями, имеющими криминалистическую ценность, являются типология Г. Айзенка и типология акцентуированных типов, модифицированная под решение криминалистических задач, базирующаяся на исследованиях К. Леонгарда, П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко (ТомТОЛ – Томский типологический опросник личности).

Пилотные результаты с 83% надежностью показали корреляцию типов, базирующихся на параметрах стабильности / активности с акцентуированными типами «гипертим», «циклоид», «эпилептоид», «застревающий», «параноид», «конформный», «гипотим»; с 62% надежностью с типом «шизоид». Не установлены стабильные корреляции первой типологии с типами «сензитив» и «истероид».

А.В. Батраков

ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ИСКЛЮЧЕНИЮ ПОДМЕНЫ ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Целью предварительного расследования является получение доказательств, на основании которых можно сделать вывод о виновности или невиновности лица, что позволяет принять соответствующее процессуальное решение. Законодатель, определяя понятие доказательства, не случайно употребляет словосочетание «любые сведения», подчеркивая информационную составляющую, особо не ограничивая эти сведения по форме или содержанию. Доказательствами могут быть как сами фактические данные, так и сведения о них.

Природа доказательств может быть познана через представление о фактах как составных частях окружающей нас реальности. Факт – реально существующее событие, явление, действие, состояние. Наша действительность представляет собой совокупность фактов, связанных между собой цепочками взаимоотношений. Основное свойство окружающего нас материального мира – в его детерминизме, когда одно явление или событие с необходимостью порождает другое, на основе чего строится взаимосвязь всех событий прошлого и настоящего.

Причинность представляется как взаимная связь явлений, в возникновении и развитии которых одно служит причиной, а другое –

следствием. Причинность – генетическая связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития, т.е. между фактами. Генетическая связь – это разновидность отношения, при котором причина с необходимостью порождает следствие. Существует многообразие других видов отношений, не являющихся генетической связью, не обладающих свойствами причинной зависимости (функциональная связь, связь сосуществования). В генетической связи причина не просто предшествует следствию во времени, а порождает, обуславливает его возникновение. Причинные отношения обладают пространственной и временной непрерывностью. Если причина и следствие разделены в пространстве, то между ними разворачивается непрерывная причинная цепь связанных событий. На генетической связи основываются более сложные виды отношений, образующие причинные комплексы.

Следователь выявляет цепочки причинных зависимостей. В ходе расследования ему приходится иметь дело с событиями прошлого, так как преступление обычно уже совершено. Следы преступления уже отобразились в окружающей реальности, установление фактов этих отображений и есть задача следователя, кроме того, он должен их интерпретировать, т.е. воспринять и объяснить. Причинная связь между фактами материальна, уже «сработавшие» в прошлом цепочки причинных связей не изменить, но элемент субъективности в процесс исследования причинных зависимостей вносят восприятие и оценка их следователем.

Причинную связь нельзя уничтожить, но сведения о ней доходят до нас в обрывочном состоянии, именно потому, что окружающая нас материя имеет основным свойством постоянно меняться. Имея дело с фрагментарным материалом, следователь восстанавливает полную цепочку причинения, дополняя ее вероятностными элементами: в этом и есть процесс построения версий и их проверка. Цепочки восстанавливаются на основе аналогии, что может привести к ошибкам. Часто факты, не связанные причинной зависимостью, могут восприниматься как звенья одной генетической связи. Происходит подмена генетической связи на связь сосуществования. Задача следователя – не допустить подобных ошибок. Каждый факт необходимо тщательно изучить, исследовать совокупность связанных с ним отношений других зависимостей, которые могут не относиться к предмету доказывания.

СИТУАЦИЯ ДОПРОСА – ДИНАМИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ФАКТОЛОГИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

В криминалистике существует точка зрения, согласно которой понятие следственной ситуации должно рассматриваться в рамках процесса принятия криминалистического решения. Реализация данного, вполне обоснованного, подхода вызывает ряд вопросов. Во-первых, какое место отводится следственной ситуации в структуре процесса принятия решения; во-вторых, какие факторы (компоненты) должны включаться в элементную структуру следственной ситуации; в-третьих, какие особенности при оценке отдельных компонентов следственной ситуации необходимо учитывать в процессе принятия криминалистического решения.

Ответы на поставленные вопросы попытаемся сформулировать на примере ситуации допроса, которая с полным основанием может рассматриваться в качестве частной следственной ситуации.

1. Обоснованность и оптимальность решений, принимаемых в процессе допроса, обеспечивается в значительной мере полнотой и достоверностью информационного основания, которое, с учетом характера и природы информации, может быть разделено на отдельные составляющие (блоки): а) нормативный; б) теоретический; в) фактологический.

Отдельным элементом фактологического основания следует рассматривать ситуацию допроса. Ситуация допроса не заполняет весь объем фактологического основания. К его структуре относятся и другие факторы, среди которых следует выделить: правовой статус допрашиваемого лица (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля); личностные характеристики допрашиваемого лица; коммуникативные и статусные характеристики допрашивающего лица; промежуток времени между окончанием восприятия допрашиваемым лицом расследуемого события и началом допроса и т.п. Указанные факторы, наряду с ситуацией допроса, влияют на принятие решения. Без их учета трудно принять обоснованное и тем более – оптимальное решение.

2. Ситуация допроса отличается от иных факторов, входящих в состав фактологического основания принятия решения тем, что составляющие ее элементную структуру обстоятельства носят изменяемый, непостоянный характер. Подверженность изменению в процессе допроса придает ситуации динамический характер. На динамический характер ситуации обращали внимание основоположники становления ситуационного подхода в теории криминалистики (Р.С. Белкин, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин и др.).

В структуру ситуации допроса, таким образом, следует включать следующие элементы (обстоятельства): установка допрашиваемого лица, его отношение к предмету допроса; уровень межличностных отношений между допрашиваемым и допрашивающим лицами; уровень информационной осведомленности допрашивающего лица об обстоятельствах расследуемого события; уровень информационной осведомленности допрашивающего лица относительно особенностей личности допрашиваемого. Приведенные компоненты в ходе подготовки к процессу допроса могут меняться. Криминалистические решения часто направлены на изменение их характеристик.

3. Процесс принятия решения предполагает оценку отдельных факторов основания. Оценка ситуации допроса предполагает учет не только текущего состояния входящих в ее элементную структуру обстоятельств, но и необходимость оценки возможных вариантов их изменений в процессе допроса.

Таким образом, оценка ситуации допроса носит текуще-перспективный (прогностический) характер. Иные факторы основания оцениваются в их текущем состоянии, поскольку в процессе допроса они не меняются.

В.Ю. Белицкий

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА

Количество мошенничеств ежегодно возрастает. Так, по официальным статистическим данным, если в 2010 г. было зарегистриро-

вано 160 081 мошенничество, то в 2017 г. уже – 222 772. Следует учитывать и тот факт, что для мошенничества характерна естественная латентность, при которой значительная часть (по отдельным оценкам – до 60%¹) потерпевших не обращается за помощью к сотрудникам правоохранительных органов.

Способом совершения мошенничества является обман или злоупотребление доверием. При реализации названных способов нередко применяются психическое воздействие ненасильственного характера на потерпевшего, манипулирование его сознанием.

Для достижения преступного результата при совершении мошенничеств используются следующие приемы, методы и способы психологического воздействия:

1) нейтральные приемы, направленные на установление психологического контакта, межличностной аттракции; использование силы авторитета и пр.²;

2) манипулирование содержанием и формой подачи предоставляемой информации;

3) изменение психического состояния потерпевшего путем применения техник, направленных на достижение изменённого состояния сознания, позволяющего воспринимать получаемые команды и инструкции в обход сознательного контроля;

4) специальные средства и методы негативного информационно-психологического воздействия на граждан, включающие приемы прямого и косвенного внушения, групповую индукцию, технику рассеянного гипноза (а равно так называемого уличного гипноза³), поведенческой психотерапии⁴; манипулятивные приёмы, направленные на побуждение к осуществлению желаемых действий: «Нога в двери», «Техника четырёх “Да”», «Пресубпозиция», «Работа с возражениями» и некоторые другие;

К этой же группе средств следует отнести:

¹ Лимонов В.Н. Мошенничество: уголовно-правовая и криминологическая характеристики. М., 2000. С. 27.

² Более подробно см.: Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. М. : Юрлитинформ, 2008. 200 с.

³ Христенко В.Е. Психология поведения жертвы : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2004. С. 360–361.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2002 № 46-002-73 // СПС КонсультантПлюс. URL: [http //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

– использование психофизиологических факторов, способствующих снижению сознательного контроля и повышению подверженности внешнему воздействию (состояние усталости, утомления; необходимость принятия ответственного решения в ситуации цейтнота, изоляция от внешних контактов);

– использование методов нейролингвистического программирования, в результате чего у потерпевших возникает состояние субъективного комфорта, даже в случаях объективного неблагополучия¹.

При совершении рейдерских захватов нередко используются психические атаки («гринмейл»)².

Знание приведенных приемов, методов и способов психологического воздействия и доказывание фактов их использования, полагаем, будут способствовать полному и всестороннему установлению способа рассматриваемого преступления, а также виновности лица в его совершении.

М.А. Бойко

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ЖУРНАЛИСТОВ В СВЯЗИ С ИХ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Всестороннее и объективное расследование дел о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, наряду с другими категориями дел, невозможно без использования специальных знаний.

Учитывая, что тактика использования определенных форм специальных знаний достаточно подробно рассмотрена в криминалистической литературе, мы обратим свое внимание на вопросы, связан-

¹ Полянская В.А. Анализ личности потерпевшего как объекта скрытого психологического воздействия по делам о мошенничестве // Вопросы уголовного права. 2011. № 4 (55). С. 96.

² Федоров А.Ю. Методика противодействия рейдерству: практические рекомендации. М. : Библиотечка «Российской газеты», 2013. Вып. 20. 176 с.

ные с назначением и производством отдельных видов судебных экспертиз, которые позволяют более полно установить фактические обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью.

Изучение уголовных дел свидетельствует о том, что судебные экспертизы проводились по 63,9% из них. При этом в подавляющем большинстве судебные экспертизы проводились с целью установления характера и степени вреда, причиненного здоровью и физического состояния лица (55,3%), его психического состояния (17%). Помимо этого, назначались: трасологические экспертизы по изъятым в ходе осмотра места происшествия следам обуви, пальцам рук, протекторам шин (14,9%); пожарно-технические (13,9%); баллистические; исследования холодного оружия; взрывчатых веществ и взрывных устройств, биологические, химические, судебно-технические экспертизы (19,1% уголовных дел).

Мы остановимся лишь на тех видах экспертиз, назначение и производство которых, по нашему мнению, отражают специфику расследования преступлений, совершенных в отношении журналистов.

По делам об угрозах, совершенных путем направления потерпевшему рукописных и иных документов, как правило, необходимо назначение почерковедческих экспертиз. Кроме того, по текстам угроз, пересылаемых посредством сообщений через социальную сеть и электронную почту, целесообразным является проведение лингвистической экспертизы, способной дать точное заключение о содержании в тексте угрозы. Будет уместным назначение автороведческой экспертизы по данным текстам, поскольку в результате таких исследований эксперт может получить ценную информацию об авторе: о чертах его социально-биографического и психологического портрета и факторах, действовавших на него в период написания текста.

По видеозаписям, представленным потерпевшими, фиксирующим сам факт совершенного преступления при непосредственном исполнении профессиональных обязанностей журналистом, может быть назначена видеотехническая экспертиза, позволяющая установить содержание видеозаписи, определить оригинальность исследуемой видеозаписи и факт видеомонтажа либо иных способов изменения записей.

Наиболее дискуссионным и нерешенным вопросом являются назначение и производство психофизиологической экспертизы, суть которой состоит в выявлении особенностей информированности подэкспертного о расследуемом событии. По нашему мнению, производство психофизиологической экспертизы допустимо при соблюдении определенных условий.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что назначение и производство экспертиз являются неотъемлемым условием успешного расследования преступлений, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, установления вины лица, мотива и отдельных обстоятельств преступления, а также нейтрализации противодействия расследованию.

Ю.Л. Бойко

ВНОВЬ К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Главной и основной задачей предварительного расследования является установление сути и обстоятельств происшедшего преступного события. Говоря иначе, само преступление – это объект познания практической деятельности, связанной с совершением преступного события и его расследованием, а значит, она является и объектом научных криминалистических исследований. В этой связи почти полвека назад научным обществом криминалистов стала использоваться такая категория, как «криминалистическая характеристика преступлений», предназначенная для обобщения криминалистически значимых специфических черт преступлений определенного вида, группы. По мнению ведущих ученых-криминалистов, термин «криминалистическая характеристика преступлений» обоснованно получил всеобщее признание, прочно вошел в арсенал научного аппарата криминалистики, является вполне научной самостоятельной понятийной категорией и имеет большое значение для общетеоретических положений науки и практической деятельности следователя.

Наиболее проблемные вопросы, связанные с содержанием понятия «криминалистическая характеристика преступления», нашли отражение во многих трудах ученых-криминалистов. Нам представляется верным то направление, по которому они шли при определении данного понятия, поскольку оно не упирается в простое перечисление тех или иных криминалистически значимых признаков, свойственных определенной группе, виду преступлений, а отражает не только наиболее существенные их черты, позволяющие отличить от иных близких и смежных понятий, а типовой набор элементов поставлен ими в криминалистическую зависимость от значимых признаков этой категории (вида, группы) преступлений.

Именно в этой связи криминалистическую характеристику преступлений чаще всего определяют как совокупность присущих тому или иному виду преступлений особенностей, имеющих наибольшее значение для расследования и обуславливающих применение наиболее целесообразных и эффективных криминалистических методов, приемов, средств на предварительном следствии. В свою очередь, указанные положения служат необходимой базой для выдвижения следственных версий о различных обстоятельствах, подлежащих установлению в ходе расследования: о круге лиц, о важнейших обстоятельствах расследуемого преступного события (цели, мотиве, способе, месте, времени и др.); об источниках доказательств и местах их нахождения.

Вместе с тем необходимо, однако, сделать одно существенное уточнение. Используемый перечень типовых элементов криминалистической характеристики применим не ко всем без исключения видам преступлений. В криминалистических характеристиках некоторых видов (групп) преступлений отдельные элементы могут отсутствовать в силу самой конструкции состава преступления. Для преступлений других видов или групп могут быть характерны некоторые дополнительные элементы; чаще, однако, криминалистические характеристики бывают усеченными, т.е. в них отсутствует тот или иной элемент. Например, по делам о незаконной охоте, контрабанде и других отсутствует такой элемент, как личность потерпевшего¹, по делам о преступлениях против жизни и здоровья – предмет преступного посягательства.

¹ Егoшин В.В. Методика расследования незаконной охоты. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 9.

С учетом названных обстоятельств элементы «криминалистической характеристики» должны рассматриваться в определенной последовательности, поскольку логично отражают принцип системно-деятельностного подхода к ее изучению, т.е. поступательного движения от личности преступника (субъекта преступления) к объекту (имуществу и потерпевшему) с учетом реальной или прогнозируемой обстановки путем соответствующего выбора механизма реализации поставленной цели расследования.

Г.Е. Брызгалов

О ПРОБЛЕМАХ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ПРОГРАММНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ

Развитие информационно-телекоммуникационных сетей, а также программного обеспечения и технических средств, позволяющих данные сети использовать, расширяет возможности не только законопослушных граждан, но и преступников в различных видах преступной деятельности.

С 2015 г. существенно осложнилась обстановка на территории Алтайского края, связанная с хищением денежных средств граждан с банковских карт (расчётных счетов) путём несанкционированного воздействия на подключенную к мобильному устройству услугу «Мобильный банк», предоставляемую клиентам ПАО «Сбербанк России».

В ходе сбора материалов предварительных проверок по указанным преступлениям выносились отношения для производства компьютерного исследования в Экспертно-криминалистический центр Главного управления МВД России по Алтайскому краю (далее – ЭКЦ ГУ), в ходе которого экспертами с представленных мобильных устройств изъяты и записаны на оптические диски вредоносные компьютерные программы, находившиеся в их памяти¹.

¹ Уголовное дело № 1-18/2017 // Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула.

В связи с отсутствием необходимого оборудования, программного обеспечения, а также допусков у экспертов ЭКЦ ГУ для проведения по данной категории уголовных дел судебных экспертиз, осложнилось производство предварительного следствия, так как по каждому факту хищения денежных средств имелось мобильное устройство, которое дистанционно использовалось преступниками в своих противоправных целях и было носителем вредоносной компьютерной программы.

Сотрудниками Главного следственного управления Главного управления МВД России по Алтайскому краю для решения указанной проблемы были привлечены сотрудники кафедры прикладной математики факультета информационных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, где проводились программно-технические судебные экспертизы на договорной основе.

При производстве программно-технических судебных экспертиз основной задачей являлось установить принцип действия вредоносной компьютерной программы, с какого сайта и когда оно попало в мобильное устройство и какая из вредоносных компьютерных программ являлась инструментом для хищения денежных средств, так как чаще всего в памяти мобильного устройства потерпевшего находилось несколько вредоносных компьютерных программ¹.

При назначении указанных экспертиз необходимо было предоставить не только мобильное устройство, но и обязательно оптический диск, на который были записаны вредоносные компьютерные программы при производстве первоначального исследования экспертами ЭКЦ ГУ. Это обусловлено тем, что в ряде случаев после производства исследования мобильные устройства возвращались собственникам, и при дальнейшем их использовании вредоносные компьютерные программы либо удалялись установленной антивирусной программой, либо вновь подвергались установке из сети Интернет.

Таким образом, первоначально изъятая и записанная на оптический диск вредоносная компьютерная программа имеет доказательственное значение для уголовного дела.

¹ Гусев Д.В. Информационное письмо ЭКЦ МВД России «Особенности исследования информации в мобильных устройствах (ОС Android) по преступлениям в сфере дистанционного банковского обслуживания» // Архив контрольно-методического отдела ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю. 2016. 11 с.

ПЛЮРАЛИЗМ – ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Цель тезисов – расширить исследовательский и междисциплинарный горизонт криминалиста, предложить в порядке обсуждения (а может быть и экстраполяции в собственную практику криминалистов) ключевые наработки методологов о познавательной процедуре «плюрализм».

1. Статус гносеологической процедуры плюрализма.

Современная методологическая культура исходит из следующего: среди различных возможностей прочтений реальностей (в частности, данного конкретного изучаемого) имеются как истинные, так и ложные. Они неравноценны и неравноправны. В силу сложности познавательного процесса не всегда известно наверняка, какая из имеющихся точек зрения является истиной. Истина является истинной «в себе», тем идеалом, к которому стремится исследователь. Для него (в том числе и криминалиста) в реальной практике истина предстает в статусе плюрализма, множества гипотез возможных решений. Познавательный цикл в этом случае конкретизируется схемой

$$P1 - H2, H3 - E1, E2 - E(p-1) - Hn - P2,$$

где: P1 – исходная проблема цикла; H1...H3 – множество гипотез как возможных решений P1; E1...E(p-1) – элиминация ошибочных гипотез; Hn – оставшаяся гипотеза (гипотезы), выдержавшая испытания, наиболее информативная из оставшихся; P2 – новая проблема, к которой ведет Hn.

2. Необходимость гносеологической процедуры плюрализма.

Спросим: что наработано о процедуре плюрализма в современной методологии (научной и социально-гуманитарной)?

Обобщая конкретику исследований, констатируем: признается сам факт возможности и необходимости познавательной процедуры плюрализма. Такая необходимость диктуется (по меньшей мере) следующими гносеологическими факторами:

- конструктивным характером спекулятивного мышления;
- неустранимостью в принципе из познания неявного и личностного знания;

– отсутствием абсолютно надежного, окончательно эмпирического и теоретического базиса любой гипотезы.

3. Плюрализм – диалектический скачок в познании.

Построение плюрализма в объяснении по конкретному делу представляет собой определенный диалектический скачок в познавательном процессе, самостоятельно и отчетливо выделяемый этап в мыслительной работе исследователя. Плюрализм в познании как процедура – не единовременный акт. Он может уточняться, конкретизироваться, оцениваться по мере накопления новых эмпирических данных. В качестве самостоятельного этапа плюрализм выполняет гносеологические функции безотносительно к тому, на каком этапе познания он формируется.

4. Дискуссионное пространство плюрализма.

Плюрализм в пространстве дискуссии. Ее ключевой фрагмент – выбор из множества гипотез наиболее вероятной.

Было осознано, что отсутствует принципиальная возможность окончательного эмпирического и теоретического обоснования любой гипотезы. При всех этих попытках всегда гарантированы «регресс в бесконечность» и неопределенность. В силу этого выбор из альтернативных гипотез и предпочтение одной из них, как наиболее вероятной, не могут быть решены исключительно когнитивными обстоятельствами. В итоге такое предпочтение – результат непростых коммуникаций между членами научного сообщества, научных дискуссий и переговоров. Эти переговоры имеют социальный характер и нередко заканчиваются выработкой и принятием определенного консенсуса.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что предложенные ключевые наработки о познавательной процедуре плюрализма – исходная площадка для междисциплинарных практик методологов естествознания, социально-гуманитарных дисциплин и общей теории криминалистики.

Н.С. Дергач, Е.Н. Симакина

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ, ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день ольфакторный метод исследования следов запаха человека получает все более широкое распространение. Подчеркнём, что криминалистическая одорология, существовавшая в нашей стране в 60-е гг. XX в., и современная экспертиза запаховых следов, возникшая на основе развития этого направления в течение последних 20–25 лет, – не одно и то же. Уникальные отечественные и зарубежные разработки в области запаховых экспертиз в совокупности с редкими обонятельными способностями биологических детекторов и новейших разработок в области зоологии и зоопсихологии обеспечивают надежность, эффективность и объективность данного вида исследований.

В первую очередь нужно отметить, что научно разработанная и подтвержденная практикой система особых проверок и тестов почти безупречна. Она позволяет оценить поведение собак-детекторов во время проведения экспертизы и исключить любые сбои в их обонятельной и рефлекторной деятельности. В результате проводимая экспертиза запаховых следов обладает высочайшим уровнем надежности и точности, а вероятность допущения ошибки ничтожно мала.

Проведение запаховой экспертизы не требует много времени. Идентификационная ольфакторная (запаховая) экспертиза в среднем занимает от 4 до 7 рабочих дней. Если исследуемые объекты сложны для проведения экспертизы или объектов несколько – от недели до двух недель. Важно и то, что само взятие пробы запаха займет 1,5–3 часа. После этого объекты вернутся в распоряжение следователя в первоначальном виде, что позволит исследовать их другими способами.

Экспертиза запаховых следов человека чрезвычайно востребована в практике предварительного расследования, что обусловлено ее эффективностью. В Российской Федерации, в среднем, за последние 6–7 лет каждое четвертое, а в 2017 г. – каждое третье исследование,

проведенное лабораторией запаховых следов при ЭКЦ МВД, способствовало идентификации лиц, виновных в совершении тяжких, особо тяжких, в том числе носящих характер серийных, преступлений.

Таким образом, установление лиц, причастных к совершению преступления, путем сравнения запаховых проб – абсолютно ни с чем не сравнимое уникальное явление, приносящее поразительные результаты. И, разумеется, органам следствия и дознания не стоит недооценивать возможности ольфакторного метода, который уже не один десяток раз доказал свою практическую полезность и значимость.

Говоря о перспективах развития этого метода, нельзя не упомянуть о технических анализаторах пахнущих веществ. Разработанные приборы типа «Шельф-ДС», позволяющие обнаружить в воздухе пары взрывчатых веществ, или первый российский хромато-масс-спектрометр «Навал», предназначенный для анализа газообразных и жидких проб, несомненно, олицетворяют прорыв в области приборных методов изучения запахов.

Однако приборы, позволяющие идентифицировать человека по индивидуальному запаху, хоть и находятся в поле пристального внимания криминалистов, все-таки практически не применяются. Главным образом, это связано с тем, что анализ пахучих веществ прибором и обонятельной системой животных существенно различается. Поэтому создание приборов типа «Электронный нос» в настоящее время – одно из перспективнейших инновационных направлений исследований.

Р.Г. Дранезо

РИСКИ В ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Основной принцип оперативной работы – принцип конспирации. Конспирация должна соблюдаться на всем протяжении оперативной работы: при выборе средств, методов и приемов оперативной рабо-

ты, планировании тактики их проведения, привлечении конфидентов, получении оперативной информации с последующим ее введением в уголовный процесс, при выборе тактики оперативного сопровождения следствия и т.п. Важно, чтобы не произошла утечка информации, расконспирация оперативного замысла. Не допустить утечки информации, расконспирации призваны оперативные риски.

В связи с вышеизложенным оперативные подразделения должны: 1) распознавать риски и знать о возможностях их наступления (диагностика рисков); 2) прогнозировать поведение рисков, а также возможные риски в ситуации: «произойдет ли утечка информации, если ничего не предпринимать»; 3) обозначать вектор оптимального поведения для выхода из опасной (рискованной) ситуации.

Другими словами, мы предлагаем рассматривать оперативный риск как процесс¹ через призму трех этапов, описанных выше, а именно через диагноз рискованной ситуации, ее прогноз и рекомендации по минимизации риска.

Первый этап, диагностика рисков, должен начинаться с классификации оперативных рисков. Считаем, что в зависимости от категории преступления, классификация рисков должна, кроме универсальных оснований, подробно рассмотренных в диссертации И.Н. Озерова², иметь свои уникальные основания. Предложенная нами классификация рисков учитывает комплекс особенностей убийства, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления³: 1) их длительность во времени; 2) многоэпизодность; 3) многообразие типов используемых убийцей горючих веществ и материалов; 4) особенности психики лиц, причастных к убийству (имеют те или иные отклонения в психике, употребляют алкоголь, наркотики); 5) неочевидность.

Итак, исходя из описанной выше специфики, наша классификация включает в себя минимум четыре группы оснований: 1) риски, возникающие на начальном этапе оперативной работы; 2) риски,

¹ Зикин В.К. Разрешение проблем корпоративной безопасности силами и средствами конкурентной разведки // Конкурентное право. 2011. № 2. С. 41–47.

² Озеров И.Н. Категория риска в оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 202 с.

³ Драпезо Р.Г., Юркевич Н.А. Проблемы проведения досудебной проверки по делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления // Российский следователь. 2017. № 20. С. 11–16.

возникающие на последующих этапах оперативной работы; 3) риски, возникающие при различных оперативно-разыскных ситуациях и 4) риски, связанные с нарушением процедуры легализации оперативной информации в уголовно-процессуальные доказательства.

Второй этап – прогноз риска – к примеру, может быть связан с содействием граждан в проведении оперативной работы. В качестве прогнозов могут выступать: вероятность отказа граждан в содействии; получение ложной информации и дезинформации; риск расконспирации оперативной комбинации и т.п. Пример третьего этапа – выбор оптимального вектора поведения оперативного работника – может заключаться в учете, а затем в последующем составлении профиля конфиденнта (профайлинг¹). Неучет этой рекомендации может затруднить пребывание конфиденнта в криминальной среде.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы: 1) оперативный риск по изучаемой категории убийств оперативными подразделениями должен учитываться на протяжении всей оперативной работы; 2) специфика убийств изучаемой категории дает нам возможность рассматривать оперативный риск как процесс, имеющая свои цели, этапы, субъекты, методы; 3) классификация оперативных рисков, кроме универсальных, должна учитывать уникальные основания, определяемые категорией преступления; 4) классификация рисков по убийствам изучаемой категории включает в себя четыре группы оснований.

В.В. Егошин

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

В раздел криминалистических вопросов организации раскрытия и расследования преступлений, помимо некоторых общих вопросов, включены следующие темы: криминалистические версии и планирование расследования; взаимодействие следователя с работниками

¹ Ахмедшин Р.Л. О доказательственном статусе заключения о психологическом профиле неизвестного преступника // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 104–105.

уголовного розыска, специалистами-криминалистами и сотрудниками других служб органов внутренних дел; розыскная работа следователя; организация взаимодействия с общественностью и населением; основы применения ЭВМ в раскрытии и расследовании преступлений; криминалистическая регистрация; профилактическая работа следователя¹. Именно профилактической работе следователя в рамках организации расследования незаконной охоты, главным образом, будет посвящена данная статья.

Прежде всего, хочется сказать об использовании обзорных и узловых фотоснимков с мест происшествий по делам данной категории. На наш взгляд, указанные фотоснимки должны быть размещены в служебных кабинетах следователя или дознавателя, специализирующихся на расследовании экологических преступлений, а также участкового уполномоченного полиции в сельской местности. Это поможет лицам, производящим расследование, в выдвижении криминалистических версий. Кроме того, данные фотоснимки будут способствовать установлению психологического контакта лица, производящего расследование, с членами охотничье-рыболовных обществ, приглашенных по иным уголовным делам, а также развитию у них негативного отношения к фактам браконьерства.

Неплохие результаты в профилактической деятельности следователя может принести и традиционное внесение представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления по делам данной категории. Такие представления могут быть внесены в органы госохотнадзора, в общества охотников и рыболовов, в охотничьи коллективы организаций и т.д. Такая работа не должна вестись следователем формально. Данные обстоятельства должны быть установлены на первоначальном этапе расследования и носить конкретный характер, чтобы на последующем этапе расследования уже имелась возможность оценить меры, принятые по их устранению.

Действенной, на наш взгляд, мерой профилактики браконьерства является доклад материалов расследованного уголовного дела в коллективе органа внутренних дел, следственного подразделения. Это способствует не только передаче передового опыта по предотвраще-

¹ Филиппов А.Г. О системе отечественной криминалистики // Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М. : Юрлитформ, 2007. С. 186–187.

нию, раскрытию и расследованию данных преступлений, укреплению взаимодействия между службами и подразделениями, но и упрочнению негативного отношения к подобным правонарушениям среди сотрудников. С этой же целью результаты расследования могут быть доведены до должностных лиц органов госохотнадзора, членов обществ охотников и рыболовов и охотничьих коллективов.

Наконец, еще одной из мер профилактики является изложение результатов расследования в средствах массовой информации. При этом можно использовать ресурсы сети Интернет, периодические издания, в том числе касающиеся вопросов охоты и рыболовства. Заниматься подобными мерами должны не только работники госохотнадзора, но и лица, осуществляющие расследование. В данных публикациях может сообщаться не только о назначенных уголовных наказаниях браконьерам, но и технических возможностях по борьбе с браконьерством, об организационном взаимодействии, мерах экспертной профилактики и других обстоятельствах.

В.В. Ерахмилевич

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫПЛАТ ПО ПРОГРАММАМ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В условиях, когда ряд стран, практически объявив России экономическую войну, ввели санкции, коснувшиеся вопросов снабжения населения продуктами питания, проблема развития отечественного агропромышленного комплекса встала наиболее остро.

В этой связи решается вопрос совершенствования федерального и регионального уровней системы различных государственных программ, предусматривающих выделение выплат, субсидий в поддержку сельского хозяйства.

Анализ следственной и судебной практики показал, что существует ряд проблем в расследовании преступлений, связанных с получением данных денежных средств. Согласно статистических данных ГИАЦ МВД России, в суд направляется лишь каждое шестое из чис-

ла выявленных преступлений, которые квалифицируются как хищение бюджетных денежных средств путем мошенничества.

На наш взгляд, проблемы, связанные с расследованием данной категории дел, обусловлены, прежде всего, сложностью доказывания мошенничества в целом. Лица, совершающие эти преступления, нередко осведомлены о порядке получения выплат и хорошо знают законодательную базу, регулирующую порядок получения этих выплат, которая, нужно признать, несовершенна. Используя пробелы в законодательстве, виновные разрабатывают преступные схемы, зачастую с участием должностных лиц, ответственных за принятие решения о предоставлении выплаты, придавая вид правомерности своим действиям. Кроме того, субъекты данных преступлений оказывают активное противодействие органам следствия, в том числе используя свои связи, авторитет, нередко склоняя свидетелей к даче ложных показаний.

Следует также отметить, что лица, которые связаны с принятием решений о предоставлении выплат (иногда даже и не осведомленные о преступных намерениях получателей этих выплат), по невнимательности или умышленно не осуществляют надлежащую проверку предоставленных документов, сами сообщают затем недостоверные сведения правоохранительным органам, боясь понести наказание за проявленную халатность или соучастие в мошенничестве.

Еще одной проблемой является несовершенство законодательно-го урегулирования порядка проверки сведений, предоставляемых лицами для получения выплат. В нормативно-правовых актах, как правило, указаны органы, которым предоставляются определенные сведения, однако каким образом эти органы обязаны проверять данные сведения, не урегулировано.

При этом проблемой расследования всех видов мошенничества является установление в действиях виновного лица прямого умысла. По делам о получении незаконных выплат нередки случаи, когда лицо, предоставившее ложные сведения, объясняет эти действия своей некомпетентностью и ссылается на обязанность проверки данных сведений органами, осуществляющими контроль за предоставлением выплаты. Сложность заключается в том, что не всегда удастся данные доводы проверить.

Отдельного внимания заслуживает вопрос изъятия документов, подтверждающих процедуру получения бюджетных денежных средств через казначейство и банки. С этим связана проблема уста-

новления места, времени и момента окончания преступления. На практике единой позиции о том, с какого момента считать преступление данного вида оконченным, нет.

Существует проблема определения потерпевшего, поскольку зачастую денежные средства незаконно получают одновременно из федеральных и региональных бюджетов.

И.А. Журавлева

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Распознавание в судебной экспертизе – это процесс, в ходе которого эксперт, используя специальные знания, определяет состояние исследуемого объекта, устанавливает его принадлежность к классу или звену классификационной системы. Судебно-экспертное распознавание необходимо отличать от идентификации. Если в идентификационном исследовании участвуют два объекта (след и сравнительный образец), то исследованию при распознавании подвергается один объект – распознаваемый. Идентификационное исследование направлено в сторону сужения объема группы объектов и сведения к одному объекту, и в ходе его могут сравниваться признаки, имеющие одинаковую физическую природу. В процессе распознавания одновременно используется целый комплекс признаков, имеющих разную физическую природу, что достигается за счет геометрических методов векторного и многомерного сканирования. Цель идентификации – установление единичного материального объекта, цель распознавания – отнесение объекта к определенному классу. В процессе идентификации выделяются стадии предварительного, отдельного и сравнительного исследования. В процессе распознавания выделяется аналитическая стадия, в ходе которой, с учетом задачи исследования, определяются признаки распознаваемого объекта. На следующей стадии (сравнительной) они сопоставляются с признаками, в которых описан класс распознающих объектов. Кроме того, эти процессы имеют различную логическую основу. Таким образом, идентификация и распознавание – два особых вида познавательной деятельности, относящихся к эмпирико-теоретическому уровню познания. Различая эти процессы, нельзя в то же время не замечать их взаи-

мосвязи. Не только результаты распознавания имеют важное значение для идентификации, поскольку позволяют ограничить круг объектов при производстве идентификационно-поисковой деятельности, в идентификационном процессе, но и результаты идентификации могут способствовать решению задачи распознавания. Так, если исследованию подвергается многосоставный объект (например, документ), то идентификация составляющих его компонентов позволит установить факт внесения изменений в первоначальное содержание документа, если оно имело место, т.е. решить вопрос о его состоянии (подлинности).

Распознавание нужно отграничивать и от установления группового тождества, которое является этапом идентификационного исследования и согласуется с его общей схемой и конечными целями. В.Я. Колдин подчеркивает, что «групповая и индивидуальная идентификация – это не различные процессы, а различные уровни одного и того же процесса индивидуализации, имеющие различное значение в процессе доказывания»¹. В связи с этим данный процесс отличается от распознавания по всем указанным признакам. Кроме того, при установлении как индивидуального, так и группового тождества при анализе исследуемых объектов для выделения признаков используется процедура узнавания, связанная не с процессом установления (распознавания), а с процессом обозначения. Установив групповое тождество, мы констатируем однородность конкретных, связанных с событием преступления, объектов, т.е. приходим к выводу, что два объекта входят в один класс. Решив задачу распознавания, устанавливаем, что исследуемый объект относится к определенному классу. В первом случае объекты находятся в отношении соответствия друг с другом, во втором – между ними возникает отношение общности.

Н.И. Зейле

ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ В ПРОСТРАНСТВЕ МОРАЛЬНО-ПРАВОВОГО ДУАЛИЗМА

Сразу же оговоримся, что объять необъятное в области отношения морали и права в принципе невозможно, а поэтому зададим методологическую композиционность заявленной темы сообщения.

¹ Колдин В.Я. Судебная идентификация. М. : ЛексЭст, 2002. С. 84.

Во-первых, будем считать, что человек как существо историческое и биосоциальное живёт в двух мирах: естественном и искусственном. Его активность представляет сложную интеграцию поведенческой и деятельностной форм. В процессе социализации складывается мир культуры, задающий адаптивно-адаптирующие механизмы взаимоотношения искусственного и естественного. Они определяют самосохраняемость рода *Homo sapiens*, природу морали и права, их утилитарную, а также нравственную составляющую в историческом взаимоотношении. Понимание базового противоречия между искусственным и естественным задаёт различные векторы исследований правоведов и философов права.

Во-вторых, анализ пространства морально-правового дуализма предполагает поиск ответа на вопрос о предназначении человека. Методология вопроса была разработана в немецкой классической философии. Её родоначальник И. Кант, исследуя человеческую природу, выделил следующие её задатки: «1. Задатки животности человека как живого существа. 2. Задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного. 3. Задатки его личности как существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки»¹.

Аналогичные три стадии в развитии человеческого индивида и рода «животное→человек→личность» выделял и анализировал Гегель. Духовность стала связываться с личностной стадией развития человека, наличием в его сознании философско-религиозных и нравственно-эстетических составляющих, задающих экзистенциально-трансцендентальный вектор жизнедеятельности человека.

В-третьих, далеко не всякие формы поведения и деятельности формируют духовный мир личности. Рационально-правовая составляющая идеальных конструкций сознания человека, пребывающего в мире вещей, постоянно сопряжена с анархичностью «коллективно-бессознательного»². Символичность человеческих поступков усложняет диалог моральных и правовых норм, привнося в орбиту человеческой жизни всевозможные смыслы, значения, сущности. В этой связи коммуникативные практики выживания человечества с железной необходимостью порождают нормативные механизмы, регламентирующие поступки индивидов. Такая необходимость актуа-

¹ Кант И. Религия в пределах разума // И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980. С. 96.

² Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 95–129.

лизируется при встрече культур, содержащих в себе разные потенциалы традиционных и инновационных ценностей. Морально-правовые механизмы регламентации должны сохранять и воспроизводить созидательно-духовные, а не деструктивные элементы человеческого бытия. Под созидательно-духовной составляющей человека понимаем, прежде всего, его способность и возможность сублимировать всевозможные компоненты культуры, выводящие его из мира эгоцентризма и вседозволенности в мир Свободы, Истины, Добра и Красоты. Думается, что названные модусы человеческого существования теряют своё значение в сфере Любви, задающей целостность человеческому миру, функционирующему на границах взаимодействия субъектов и символов. Необъяснимое словами умение «читать между строк», понимать взгляд «глаза в глаза» рождает жизненные смыслы, которые отличаются от норм тем, что задают скорее направления, а не твёрдые однозначные установки. Овладение юридическими понятиями означает способность определять смысл имён.

И.В. Иванов

О ВОЗМОЖНОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С ЕГО УЧАСТИЕМ

Теоретический анализ тактико-криминалистической задачи изучения личности подозреваемого (обвиняемого), определение ее структуры и содержания, а также следственная практика показывают, что получаемые в ходе следственного действия сведения могут быть использованы при дальнейшем расследовании по ряду направлений:

– для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, включая мотивационно-смысловую сторону личности подозреваемого (обвиняемого) в контексте механизма преступления¹;

¹ Тазин И.И. Мотивационно-смысловая сфера личности преступника и ее значение в судебно-следственной практике / под ред. Н.Т. Ведерникова. М. : РАП, 2008. С. 130.

– для обеспечения готовности подозреваемого (обвиняемого) к участию в дальнейшем расследовании и прогнозирования его поведения;

– для обеспечения готовности следователя к взаимодействию с данным лицом при производстве последующих действий, включая выбор наиболее эффективных тактико-криминалистических средств воздействия на дальнейшее поведение подозреваемого (обвиняемого).

Названные направления, в которых могут быть использованы сведения, полученные следователем при изучении личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием, обозначены лишь в общем виде и не могут быть представлены в виде исчерпывающего перечня. Данное положение, с одной стороны, обусловлено не столько принципиальной невозможностью полной формализации личностных сведений, сколько самим характером изучения личности подозреваемого (обвиняемого) как тактико-криминалистической задачи. При производстве следственного действия следователь решает задачи, содержание которых обусловлено спецификой конкретного следственного действия, и отражает его внешнее, фактическое содержание (например, при проверке показаний на месте – обнаружение следов преступления, не найденных ранее при осмотре места происшествия)¹. С другой стороны, задачи следственного действия, такие как изучение личности подозреваемого (обвиняемого), установление новых источников доказательств, установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, имеют качественно однородное содержание, и, следовательно, было бы некорректным отдавать приоритет какой-либо одной из них. В условиях производства следственного действия следователь применяет тактико-криминалистические средства, решая актуальные задачи расследования параллельно и учитывая при этом условия, образующие конкретную следственную ситуацию. В случае участия в ходе следственного действия подозреваемого (обвиняемого) следователь обладает возможностью наблюдения за проявлением свойств личности данного субъекта с учетом возможных реакций последнего на фактические раздражители – тактические приемы, актуализированные в контексте следственной ситуации. Таким обра-

¹ Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. С. 696.

зом, изучение личности подозреваемого (обвиняемого) наиболее эффективно в тех случаях, когда решается ряд тактико-криминалистических задач в комплексе. И наоборот, оценка следственной ситуации для поиска адекватных тактико-криминалистических средств ее оптимизации оказывается наиболее эффективной, когда во внимание следователем приняты сразу несколько ситуационных компонентов, имеющих различное содержание (процессуальный, психологический, организационно-технический и др.). Это позволяет следователю выбрать наиболее эффективный тактический прием при производстве следственного действия, спланировать проведение тактической операции или тактической комбинации, поскольку значимые для такого выбора и планирования сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) получены непосредственно следователем и заданы определенными параметрами актуализированных тактико-криминалистических задач.

Ж.Ю. Кабанова

О ПОНЯТИИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

На протяжении развития криминалистики как науки у большинства ученых сформировалось устоявшаяся на настоящее время позиция, что криминалистика – это «наука, способствовавшая своими положениями деятельности правоохранительных органов по установлению истины в судопроизводстве, отправлению правосудия и предупреждению преступлений»¹. Исходя из представленного понятия, можно предположить, что криминалистика является обеспечительной для правоохранительной деятельности. Последняя выражается в различных формах: уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, административной, уголовно-исполнительной и иной. В каждой форме отражается определенный вид правоохранительной деятельности, которая касается непосредственно или опосредованно борьбы с преступностью в целом и каждым преступлением в отдель-

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 32.

ности. Таким образом, при осуществлении правоохранительной деятельности, направленной на борьбу с преступностью в различных ее формах, используется криминалистическая деятельность. В настоящее время среди ученых криминалистов редко употребляется термин «криминалистическая деятельность». В большинстве случаев он критикуется. Считается, что на самом деле такого вида деятельности нет.

Одним из первых о криминалистической деятельности высказал свою позицию в посвященном предмету криминалистики диссертационном исследовании Р.Г. Домбровский. Автор обосновывал, что криминалистика является формой практической деятельности, поэтому следует выделять криминалистическую деятельность как совокупность приемов и методов практического действия (практическое познание) и научную криминалистическую деятельность как совокупность методов научного познания¹. Рассуждая над данным положением, следует отметить, что форма является одним из структурных элементов деятельности. Однако не любая деятельность может иметь форму, отражаться в нормативных правовых актах, документах, в отличие, например, от деятельности по расследованию преступлений, рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде, имеющей уголовно-процессуальную форму, закрепленную в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Кроме этого, не вся деятельность отражается в материальной форме, к примеру мыслительная деятельность. Следовательно, любая деятельность имеет форму, которая не всегда является материальной и отраженной в натуре, документах, нормативных правовых актах. Думается, что и криминалистика имеет собственную форму, которая может носить материальный и нематериальный характер. Нематериальная форма отображается через поисково-мыслительную деятельность, возникающую, например, при оценке следственной (доследственной и иной ситуации), выдвижении криминалистических версий, планировании производства отдельных уголовно-процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, раскрытия, расследования преступления в целом. Материальную собственную форму криминалистика как вид практической правоохранительной деятельности приобретает при осуществлении процесса,

¹ Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1974. С. 2–4.

связанного с выявлением, обнаружением, изъятием и фиксацией следов преступлений; дактилоскопированием живых лиц и трупов; составлением словесных портретов и т.д. Результатами таких процессов являются слепки следов. Таким образом, криминалистическая деятельность – это вид практической деятельности, имеющей собственную форму, которая может носить материальный и нематериальный характер.

А.В. Климачков

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАСКРЫТИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В настоящее время одним из наиболее важных и актуальных направлений деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств является борьба с незаконным сбытом наркотических средств, совершаемым бесконтактным способом, посредством использования сети Интернет.

Не вызывает сомнения тот факт, что с развитием информационно-телекоммуникационных сетей происходят поиск и применение новых методов преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков. Использование преступниками ресурсов сети Интернет, электронных платежных систем, средств мобильной связи значительно снижает для них риск быть задержанными в момент сбыта, в связи с чем наиболее организованные и предприимчивые группы наркодилеров в основном переходят на так называемые бесконтактные способы сбыта наркотиков¹.

Кроме того, повсеместное распространение именно этого способа сбыта наркотиков определено отсутствием прямого физического

¹ Осипенко А.Л., Миненко П.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотических средств, совершаемому с использованием телекоммуникационных устройств // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 151.

контакта между участниками сбыта, общедоступностью, удобством и простотой предлагаемого «сервиса», а также относительной обезличенностью действующих лиц.

Высокий уровень латентности, обусловленный обоюдной заинтересованностью покупателей и сбытчиков в сокрытии своей преступной деятельности, значительно увеличивает роль оперативно-розыскной работы в деле выявления и раскрытия подобных преступлений. Именно посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществляются успешное выявление и документирование фактов незаконного сбыта наркотических средств, совершаемых с использованием сети Интернет.

Между тем анализ оперативно-розыскной практики показывает, что раскрытие преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков указанным способом, сопряжено со значительными трудностями, которые, в первую очередь, обусловлены спецификой борьбы с данными преступными проявлениями, а также изощренностью способов их подготовки, совершения и сокрытия.

По нашему мнению, к числу наиболее значимых обстоятельств, негативно влияющих на эффективность раскрытия таких преступлений, относятся:

- межрегиональный и транснациональный характер деятельности преступных групп, занимающихся незаконным сбытом наркотиков посредством сети Интернет;

- анонимизация данных в сети Интернет путем использования прокси-серверов, VPN-сетей, TOR, Dedicated-серверов, SSH-туннелей и т.п.;

- дефицит организационного и тактического опыта по своевременному выявлению и качественному документированию фактов незаконного сбыта наркотиков, совершаемых с использованием сети Интернет;

- отсутствие надлежащего планирования со следователем оперативно-розыскных мероприятий, проводимых как на стадии предварительной проверки, так и в рамках оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел данной категории.

Данные обстоятельства определяют необходимость дальнейшей разработки рекомендаций по противодействию незаконному сбыту наркотиков указанным способом.

ПРИЧИННОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Развитие любой науки, в том числе криминалистики, предполагает постоянное совершенствование её методологических основ, выступающих показателем теоретической зрелости данной науки. Одними из таких положений выступают положения, нередко рассматриваемые как частное криминалистическое учение о причинности.

Учитывая особое место частных криминалистических теорий в системе криминалистики в общем и в её Общей теории в частности, необходимо взвешенно подойти к выводу о сформированности названного учения. Представляется, что в настоящее время можно говорить лишь о существовании определенных начал данной концепции. В основе нашего мнения лежит устоявшийся взгляд на системный характер любого частного криминалистического учения, присущих ему элементах, таких как объект, предмет, метод, его принципы, функции, место в криминалистической науке и практике и др. Существующая литература свидетельствует о том, что каждый из названных элементов получил лишь свое исходное развитие, прежде всего в работах классиков российской криминалистической науки. Отметим несомненную заслугу Р.С. Белкина, который одним из первых показал необходимость задействования криминалистической рефлексии к философским положениям причинности. «Криминалистика, отмечал он, ставит своей целью исследование ситуационных признаков явлений, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии причинной связи, раскрыть процесс отражения, позволяющего проследить причинную обусловленность и зависимость результата отражения – “отпечатка” исследуемого явления от отображаемого объекта – преступления, со всеми его внутренними и внешними связями, имеющими значение для процесса доказывания»¹.

Учитывая несомненную взаимосвязь частных криминалистических учений (теорий), их взаимовлияние друг на друга, заметим, что выстраиваемая, как никакая другая криминалистическая концепция

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 232.

частного порядка, непосредственно на философских положениях концепция криминалистической причинности приобретает, на наш взгляд, своеобразный характер феномена «встроенности» во многие другие частные криминалистические теории. В числе последних можно назвать криминалистические учения о следах, механизме преступления, криминалистической ситуалогии, криминалистическом моделировании, о временных связях и отношениях, криминалистической алгоритмизации, учения о криминалистической регистрации, теории тактико-криминалистических средств, иные частые теории (учения).

В контексте задействия положений частной криминалистической теории причинности, распространяющей в силу своего «методологического веса» влияние на все разделы криминалистики, еще раз подчеркнем необходимость рассмотрения следственного действия в качестве основы реализации тактико-криминалистических средств. Соответственно, криминалистическими целями следственного действия выступает необходимость установления совокупности причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики расследуемого преступления¹. Такой подход целиком строится на понимании значения механизма преступления в установлении причинно-следственной связи и одновременно проявляющейся с ней других связей детерминации².

Положения рассматриваемой теории с общеметодологической позиции позволяют представить весь процесс досудебного производства как поиск и анализ прежде всего причинных связей, а также непричинных отношений.

¹ Князьков А.С. Об уголовно-процессуальном и криминалистическом понимании целей и задач следственного действия // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 347. С. 100–105.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 233; Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления : дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 10.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, на наш взгляд, в дисциплинах уголовно-правового цикла выступает устоявшейся научной категорией и несет в себе явно выраженный междисциплинарный характер, что позволяет исследователю объединять в логически последовательные, взаимозависимые звенья криминалистическую, оперативно-розыскную, процессуальную и иные виды деятельности.

Совокупность проблем, связанных с концептуализацией информационного обеспечения криминалистической деятельности, по мнению автора, можно представить в виде трехуровневой системы. На первом, теоретическом, уровне отсутствует единообразие в понимании сути информационного обеспечения раскрытия, расследования преступлений, как в общем, так и применительно к пенитенциарным условиям. Следовательно, точная его дефиниция может выступать для криминалистической науки актуальным запросом.

На втором, методологическом, уровне для исследователей, осуществляющих процесс обоснования или разработки типовых алгоритмов и программ проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, а также методик расследования отдельных видов преступлений, требуется установление критериев значимости информации на разных этапах раскрытия и расследования преступлений. Решение подобных вопросов поспособствует: 1) в оперативно-розыском аспекте – быстроте и непрерывности ОРД, активности ее участников, согласованности и массированности привлекаемых сил и средств; 2) в криминалистическом аспекте – качественному принятию тактических решений (правильный выбор цели действия и способов ее достижения); 3) в административно-надзорном аспекте – установлению критериев обоснованности принятых оперативно-розыскных и процессуальных решений.

Следует сказать, что системный анализ источников информации, значимой для раскрытия и расследования пенитенциарных преступ-

лений, не осуществлялся. Затрагивающие тематику уголовного судопроизводства по указанной противоправной категории авторы идут по традиционному пути, отталкиваясь от оперативно-розыскных и следственных ситуаций. Последние есть динамические совокупности значимой для расследования информации. Однако, как отмечают сами исследователи, порой не представляется возможным обобщить и сгруппировать все вероятные ситуации применительно к конкретным условиям.

В свою очередь, отталкиваясь от системы источников информации, следовательно, во взаимодействии с иными сотрудниками правоохранительных органов, сможет самостоятельно и компетентно реагировать на противоправные вызовы, как типичные, так и эксклюзивные.

На третьем, прикладном, уровне недостаточно освещены вопросы использования в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, специфической информации пенитенциарного характера, формируемой в процессе исполнения и отбывания наказания. В частности, отсутствует инструментарий использования внутриведомственных учетов УИС: профилактического учета осужденных лиц и автоматизированного карточного учета спецконтингента (ПТК АКУС). Кроме того, психологические портреты осужденных, составленные сотрудниками психологических лабораторий исправительных учреждений, остаются вне сферы информационных запросов.

Решение указанных проблем видится в комплексном исследовательском подходе как на теоретико-методическом, так и на нормативном уровнях.

Н.Ю. Лебедев

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «РАССЛЕДОВАНИЕ» И «РАСКРЫТИЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вопрос о соотношении понятий «расследование» и «раскрытие» преступления и о том, кто осуществляет данные виды деятельности, имеет глубокие корни.

Почву для всплеска дискуссий по поводу понятия «раскрытие преступлений» дало его упоминание в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г., например, в ч. 1 ст. 2 «Задачи уголовного судопроизводства» говорилось: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных...», а ст. 3 в своём названии прямо содержала термин «раскрытие» – «Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления». Естественно, взгляд законодателя тех лет не мог не отразиться на формировании научных позиций, и раскрытие преступления в научной и учебной литературе рассматривалось как одно из направлений деятельности, осуществляемой следственными органами.

Несмотря на длительность дискуссии, до сих пор нет единого мнения по данному вопросу в научных источниках¹.

Например, В.Ю. Низамов раскрытие преступления определяет как установление прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем события преступления и изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления². А по поводу соотношения понятий «расследование» и «раскрытие» преступления он соглашается с позицией, разграничивающей их как деятельность и цель³.

А.Н. Васильев, раскрывая соотношение категорий «расследование» и «раскрытие» преступлений, утверждал: «Расследование преступления – общее понятие, охватывающее установление всех существенных обстоятельств расследуемого события, в том числе установление виновных лиц и состава преступления в их деянии или отсутствие состава преступления, влекущего за собой прекращение

¹ Чеснокова Е.В. Проблемы использования инновационных технологий в экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 130; Степанов С.А., Хомяков И.Д. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании насильственных преступлений, совершенных военнослужащими в отношении начальников и других лиц, исполняющих обязанности военной службы // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул : БЮИ МВД России, 2014. С. 54–56; Кругликова О.В., Шебалин А.В. К вопросу о дефиниции «Этап расследования» // Закон и право. 2017. № 6. С. 92–94.

² Низамов В.Ю. К вопросу о понятии «раскрытие преступления» в криминалистике и уголовном процессе. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/20848>

³ Николайчик Н.И. Доказывание как процессуальная форма раскрытия преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1983. С. 5.

дела. Под раскрытием преступления принято понимать лишь обнаружение преступления и установление виновных, что является главным в расследовании преступлений»¹.

В настоящее время законодатель «развёл» данные категории и прямо закрепил в УПК РФ, что расследование преступления является деятельностью, которая осуществляется лицом, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. следователем или дознавателем, и наоборот – в ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» одной из задач, разрешаемых сотрудниками оперативных подразделений, является «раскрытие преступлений...». Соответственно, и данный вид деятельности является прерогативой субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Авторское отношение к указанным понятиям опирается на позиции, закреплённые законодательно.

Однако думается, что проблематика соотношения категорий «раскрытие» и «расследование» преступления все же остается дискуссионной и требует дальнейшего научного обсуждения.

Ю.В. Лебедева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ

На современном этапе внедрения новейших разработок психологической науки в профессиональную деятельность юристов и представителей правоохранительных органов существует необходимость более детального рассмотрения и применения психологических знаний, умений, навыков при проведении следственных действий, что, безусловно, повышает эффективность правоохранительной деятельности в целом².

Для проведения следственных действий значимым является психологический анализ, основанный на изучении основных психиче-

¹ Васильев А.Н. Введение в курс советской криминалистики. М. : Изд-во МГУ, 1962. С. 4.

² Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В. Психология формирования будущего юриста (Юридическая психология) : учеб. пособие. Новосибирск : Из-во НГТУ, 2016. С. 5.

ских явлений, психических состояний, психических процессов, происходящих в личности.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в ст. 192 определяет основания производства очной ставки, а именно: если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку¹.

По мнению М.И. Еникеева, при проведении очной ставки необходимо постоянно и неотрывно наблюдать за допрашиваемыми, поскольку есть вероятность бесконтрольного контакта между ними с целью обмена информацией².

Целью очной ставки являются устранение противоречий в показаниях лиц, ранее допрошенных, и избличение лица, дающего ложные показания.

Использование достоверной информация является одним из основных инструментов психического воздействия на допрашиваемых³.

В процессе проведения очной ставки, при детальном воспроизведении событий, противодействие допрашиваемого значительно ослабевает. Спротивляемость снижается под воздействием речи одного участника следственного действия на сознание другого, поскольку формирует впечатление, целостный образ, создаваемый показаниями непосредственного участника событий.

Очная ставка является самостоятельным следственным действием и имеет определенную психологическую специфику, к ней применимы следующие рекомендации.

1. На очной ставке допрашивается не один, а два человека. Сложная психологическая обстановка (напряжение) при участии двух допрашиваемых одновременно, безусловно, имеет существенное воздействие и, вероятнее всего, приведет к осознанию необходимости сотрудничества с правоохранительными органами.

2. Между позициями участников очной ставки существуют противоречия, которые зачастую имеют весьма острый характер.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. М. : КОДЕКС, 2014. 178 с.

² Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. М. : Норма, 2005. С. 511.

³ Лебедев Н.Ю. К вопросу о показаниях обвиняемого (подозреваемого) как источнике доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С.А. Елисеева, М.К. Свиридова, Р.Л. Ахмедшина. Томск, 2009. С. 131–132.

Данная конфликтная ситуация нередко провоцируется самим следователем.

3. Очная ставка – очень сильное средство психологического воздействия на допрашиваемого. При умелом проведении очной ставки возможно установление истины.

Современные исследования в области юридической психологии позволяют качественно осуществить не только очную ставку, но и все следственные действия. Особое значение психологические знания приобретают в проведении допроса.

Е.В. Литвиненко

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ НАВЫКОВ

Раскрытие и расследование преступлений связаны с установлением личностных особенностей преступника и потерпевшего, влияние которых на развитие противоправного события неоднозначно. Один из них, вступая во взаимодействие с окружающей средой, образует источники доказательственной информации в виде различных следов, другой предопределяет вид, способ и мотив совершаемого преступления. В криминалистической практике чаще других для установления личности преступника и потерпевшего используются физические и анатомические особенности человеческого тела (морфологическое строение рельефа кожного покрова, черты внешности и др.), обладающие выраженной индивидуальностью и неизменяемостью. Но наряду с указанными свойствами каждая личность отличается суммой и направленностью полученных знаний, навыков и умений, приобретенных жизненным, в том числе профессиональным, опытом.

В связи с особенностями условий жизнедеятельности у человека вырабатываются специфические навыки и привычки. Навыковые особенности проявляются при ходьбе, беге, изготовлении каких-либо объектов, в поведении, манере речи и т.д. Ряд тяжких преступлений (фальшивомонетничество, незаконное изготовление оружия,

кража чужого имущества и др.) совершаются преступниками, обладающими определенными профессиональными или преступными навыками, позволяющими им с помощью различных инструментов и приспособлений изготавливать поддельные государственные казначейские билеты, ценные бумаги, другие документы и предметы, взламывать запирающие устройства или хранилища и др.

Психофизиологические свойства личности преступника издавна привлекали внимание криминалистов. Уже в первых отечественных работах по криминалистике можно встретить данные о навыках и привычках человека и возможностях их использования в процессе розыска и следствия. Так, в качестве вспомогательных способов уголовной регистрации предлагалось использовать учеты по преступным профессиям и характеру преступной работы, а также преступному почерку (вымогателей, поддельвателей, шантажистов). Затем положения, касающиеся навыков и привычек личности, нашли отражение в ряде других отраслей криминалистической техники и стали учитываться при разработке тактики отдельных следственных действий (осмотр места происшествия, следственный эксперимент, предъявление для опознания). В дальнейшем разработка этой проблемы велась по отдельным направлениям общей теории криминалистики и криминалистической методики. Вместе с тем сама сложность проблемы объективизации навыков и привычек создает значительные трудности в исследовании проблемы их установления и использования в процессе расследования преступлений. В ходе концептуализации этих вопросов необходимо использовать положения многих дисциплин, прежде всего таких, как физиология движения, биомеханика, учение о высшей нервной деятельности.

В соответствии с изложенным можно сделать вывод, что в качестве одного из возможных направлений совершенствования криминалистических основ учения о навыках и привычках может быть названа проблема деавтоматизации навыка, в частности, вопроса о том, возрастает либо, наоборот, уменьшается степень сознательного контроля за угасающим навыком при его воспроизводстве.

Е. С. Мазур

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ СВОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время, имеющие особую общественную опасность преступления, совершаемые медицинскими работниками в процессе своей профессиональной деятельности, как вид ятрогенных преступлений, все чаще стали встречаться в следственной практике.

Об этом свидетельствуют следующие цифры: за 6 месяцев 2016 года число сообщений о совершении ятрогенных преступлений по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возросло на 21% и составило 2 516. В 2015 г. потерпевшими от ятрогенных преступлений признаны 888 человек. Из них вследствие врачебных ошибок и ненадлежащего оказания медицинской помощи погибло 712 человек, в том числе 317 детей¹.

При расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе своей профессиональной деятельности, используются специальные медицинские знания, их применение позволяет решить следующие задачи:

– установить признаки причинения ятрогенного повреждения, которое было допущено медицинским работником и повлекло за собой неблагоприятные последствия;

– определить, возникло ли это повреждение вследствие несоблюдения медицинским работником требований документов, устанавливающих порядок и содержание профилактических, диагностических и лечебных мероприятий, либо если предпринятые медицинским работником действия не разрешены в практике здравоохранения российским законодательством;

¹ Следственный комитет Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1069831> (дата обращения: 22.12.2016).

– для выявления прямых причинно-следственных связей между неправомерными действиями медицинского работника и возникшими неблагоприятными последствиями¹.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда во время оперативного вмешательства в организме человека оставлен инородный предмет, который привел к сепсису. При таком весьма характерном ятрогенном повреждении четко прослеживается причинно-следственная связь между деянием и последствиями. Однако в следственной практике подобные типичные ситуации осложняются прочими факторами, которые могут выступить в качестве не причин, а условий.

Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе своей профессиональной деятельности, сопряжено с множеством проблем, а именно:

– практические сложности в организации и проведении комиссионной судебно-медицинской экспертизы дефектов оказания медицинской помощи, которая является неотъемлемой частью расследования вышеназванной группы преступлений;

– отсутствие у лиц, назначающих судебно-медицинскую экспертизу, базовых знаний в области судебной медицины, позволяющих оценить клиническую специфику по конкретной ситуации;

– предоставление на судебно-медицинскую экспертизу недостаточного объема и / или некачественного материала для исследования.

Перечисленные проблемы использования специальных медицинских знаний при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе своей профессиональной деятельности, носят системный характер и требуют комплексного подхода для поиска вариантов их решения.

¹ Клевно В.А., Симонова И.С. Экспертная и правоприменительная практика медицинских критериев вреда здоровью в Российской Федерации // Судебная медицина. Наука. Практика. Образование. 2015. Т. 1, № 1. С. 5–15.

В.С. Марченко

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА В ОТНОШЕНИИ ЛИДЕРОВ И АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ ГРУПП ОСУЖДЕННЫХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ ФСИН РОССИИ

Оперативно-розыскная профилактика в местах лишения свободы представляет собой систему мероприятий, направленных на поддержание и укрепление установленного порядка отбывания наказания, нормализацию оперативной обстановки, проверку первичной информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, недопущение совершения преступлений посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, обнаружению признаков замышляемых и подготавливаемых противоправных деяний, направленных на дестабилизацию деятельности ИК, установление лиц, целенаправленно допускающих отклонения от правопослушного поведения и не желающих встать на путь исправления.

Исходя из собственного практического опыта, изучения специальной литературы и документов, нормативно-правовых актов, обзоров ФСИН России, считаю необходимым систематически проводить всесторонний сбор информации в отношении лидеров и активных участников групп осужденных отрицательной направленности и анализировать их криминальную активность по ряду показателей, включающих: уровень организованности группы, основную идеологию, специфику социально-психологических установок, которая обуславливается сущностью криминальных идей и взглядов осужденных, положения в местах лишения свободы, отрицанием норм и правил, установленных администрацией, наличием авторитетных криминальных покровителей за пределами исправительной колонии, финансирование; готовностью группы совершать различные провокации, акции группового неповиновения законным требованиям администрации ИУ с целью добиться незаконных для себя льгот и послабления установленного порядка отбывания наказания; организа-

ция доставки в ИК запрещенных предметов, наркотических средств, спиртных напитков, избиение, нанесение увечий, акты мужеложства в отношении осужденных, не поддерживающих «воровские традиции», вставших на путь исправления, тем самым стремясь устранить администрацию от фактического управления коллективом осужденных, формирование убежденности у членов группы в собственном могуществе и безнаказанности.

Таким образом, оперативно-розыскная профилактика в местах лишения свободы должна быть направлена на получение оперативно-значимой информации о криминально активных осужденных, наделенных лидерскими и организаторскими качествами, занимающих лидирующее положение или стремящихся поднять свой авторитет среди осужденных, а также их ближайшее окружение в исправительном учреждении, криминальных связях за пределами колонии, намерениях в период отбывания уголовного наказания, особенностях их личности и системы отношений между осужденными и администрацией ИК.

Можно сказать, что в большей степени оперативно-розыскная профилактика представляет собой основополагающий комплекс мероприятий, необходимый для решения оперативно-розыскных задач, так как результаты изучения интересующей категории лиц реализуются либо в выборе методов общей и индивидуальной профилактики, либо в принятии мер к изобличению преступников посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, в условиях складывающейся оперативной обстановки в ИК.

В заключение следует сказать, что комплексное использование оперативно-розыскной профилактики в отношении лидеров и активных участников групп осужденных отрицательной направленности позволит в полном объеме владеть оперативной обстановкой в ИК и создаст благоприятные условия для проведения эффективных мер по недопущению противоправных деяний и укреплению законности в учреждениях ФСИН России.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ
В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО ФАКТАМ СБЫТА
ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ КУПЮР**

Фальшивомонетничество – один из видов преступной деятельности, направленной на подрыв государственной экономики, и до настоящего времени является распространенным явлением, характерным практически для каждого современного государства.

При задержании лица за совершение сбыта поддельной денежной купюры возбуждается уголовное дело по ст. 186 УК РФ, а именно: по факту изготовления с целью сбыта и сбыта поддельной денежной купюры.

В ходе расследования указанного уголовного дела, с целью установления дополнительных эпизодов преступной деятельности привлекаемого к уголовной ответственности лица, проводится анализ других уголовных дел, возбужденных по аналогичной статье в данном регионе. При этом обращается внимание на выявление совпадающих способов сбыта денег, на наличие небольшого промежутка времени между совершенными преступлениями, на малую удаленности между местами совершения сбыта, а также на способы непосредственно изготовления поддельной денежной купюры. Выявленные уголовные дела соединяются в соответствии с ч. 2 ст. 153 УПК РФ.

Затем по соединенным уголовным делам проводится комплекс действий, направленных на установление причастности лица к совершению всех преступлений. Нередко судебная экспертиза устанавливает, что представленные поддельные денежные купюры выполнены на одном и том же устройстве.

В ходе производства по соединенному уголовному делу возникает следующая проблема: не по каждому преступному эпизоду соединенных уголовных дел имеется достаточно доказательств причастности установленного лица к сбыту поддельной денежной купюры. Кроме того, как правило, даже в случае доказанности сбыта купюры по отдельному эпизоду отсутствуют доказательства ее изготовления задержанным лицом. Таким образом, возникает вопрос,

что делать с недоказанными эпизодами незаконного сбыта и всеми имеющимися эпизодами незаконного изготовления поддельных денежных купюр?

Органы предварительного следствия решают данную ситуацию тремя способами. В первом случае из объединенного уголовного дела выделяется одно уголовное дело по всем выявленным фактам изготовления поддельных купюр, которые, как правило, согласно заключению эксперта, изготовлены на одном и том же устройстве и одним способом. Во втором случае по каждому преступному эпизоду, по которому изъята поддельная купюра, выделяется отдельное уголовное дело по факту ее изготовления. В третьем случае выделяется одно уголовное дело по факту изготовления поддельных денежных купюр по тем эпизодам преступной деятельности, где вина установленного лица доказана, а по каждому эпизоду, где его причастность не установлена, выделяется отдельное уголовное дело.

По нашему мнению, наиболее правильным является первый способ выхода из обозначенной ситуации, а именно: выделение одного уголовного дела по всем имеющимся эпизодам изготовления поддельных купюр. Данное решение является оправданным в случае, если в ходе предварительного следствия установлено, что поддельные денежные купюры выполнены на одном и том же устройстве, имеют одинаковую имитацию элементов защиты, одинаковые реквизиты, что свидетельствует о едином преступном умысле неустановленного лица на изготовление поддельных денежных купюр.

Д.А. Михалева

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТАМ ХУЛИГАНСТВА

Борьба с хулиганством составляет одно из важнейших условий укрепления правопорядка в стране. На почве хулиганства правонарушители совершают другие, более тяжкие преступления, довольно часто причиняя материальный ущерб отдельным гражданам, предприятиям, организациям и, что не менее важно, моральный урон обществу в целом.

Одним из наиболее информативных следственных действий по преступлениям рассматриваемой категории является осмотр места происшествия.

Основное внимание при производстве осмотра места происшествия по факту хулиганства должно быть обращено на выяснение обстоятельств происшедшего, установление месторасположения хулигана, а также на обнаружение и изъятие следов преступления (следов обуви, орудий преступления, объектов биологического происхождения, предметов и личных вещей, оставленных на месте происшествия).

В ходе осмотра места происшествия изучаются и фиксируются:

- состояние обстановки на месте совершения хулиганства (его положение в населенном пункте или на местности, характер повреждений или иных изменений, внесенных в обстановку в результате хулиганских действий);

- брошенные орудия хулиганства или иные предметы, принесенные хулиганом (орудия и предметы, специально приспособленные для нанесения телесных повреждений; в первую очередь свойственно использование ножей (предметов, их заменяющих), велосипедных цепей, цепей с гириями, кастетов, различных кустарных поделок в виде перчаток, перстней, телескопических дубинок и др.; из «случайных» предметов наиболее часто встречаются пустые или заполненные чем-либо бутылки, их осколки, палки, ремни с пряжками, камни и др.);

- следы пребывания определенных лиц и признаки, указывающие на их конкретные действия, направление движения к месту происшествия и от него (наиболее типичными из них являются: следы ног, вмятины, пробоины от действия холодного или иного оружия, поврежденное или уничтоженное имущество, пятна крови, а также выделения человеческого организма и др.).

Изъятые на месте происшествия следы и орудия преступления несут большую доказательственную информацию, позволяющую изобличить виновного (виновных), поэтому к изъятию данных объектов необходимо привлекать специалистов, экспертов-криминалистов. С целью скорейшего получения заключения специалиста направлять на исследование изъятые объекты необходимо в кратчайший срок, по возможности – в течение дежурных суток.

Также при осмотре необходимо принимать меры для выявления возможных свидетелей из числа лиц, которые находились в непо-

средственной близости от места происшествия и могли наблюдать визуально либо слышать происходившее.

При осмотре места происшествия в дополнение к протоколу необходимо составить детальный масштабный план места происшествия и прилегающей территории, в котором отразить все обстоятельства, установленные в ходе производства следственного действия.

Таким образом, в ходе осмотра места происшествия по фактам хулиганства возможно выяснить следующие вопросы: что именно произошло (хулиганство или другое преступление); кто является потерпевшим; что является орудием преступления; каким способом совершено преступление; кто находился в месте совершения преступления; кто совершил преступление; каким образом преступники покинули место происшествия. Ответы на одни вопросы могут быть вероятными, на другие – более точными, например об орудиях хулиганства. Полагаем, все они способствуют сужению круга лиц, подлежащих усановлению.

О.А. Негодина

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПИСЬМА»

Преподавание криминалистики направлено на формирование профессиональных компетенций выпускников юридических вузов. Особенно сложным для студентов-юристов предстаёт такой раздел, как криминалистическая техника, при изучении которого требуется выработать навыки работы со следами. В статье рассматривается специфика преподавания такой темы указанного раздела, как «криминалистическое исследование письма».

Основные теоретические положения письма следует изучать через призму работы следователя с документами (в широком смысле). Для этого студенту необходимо, в качестве базы, знать задачи автографоведения и почерковедения, идентификационные признаки письменной речи и почерка, механизм формирования письменного

двигательного функционально-динамического комплекса, а также свойства почерка. Только после усвоения этой информации можно перейти к вопросам тактики назначения и методике проведения автороведческой и почерковедческой экспертиз. Здесь следует изучить предмет указанных экспертиз, их разновидности, формулировки вопросов перед экспертом, особенности получения образцов для сравнительного исследования, общие положения методики проведения идентификационной и диагностической экспертиз. Данная последовательность рассмотрения вопросов темы видится логически обоснованной, так как соответствует этапам действий следователя по сбору доказательств. В целях закрепления пройденного материала преподаватель может рассмотреть вместе со студентами «зашифрованные» копии постановлений о назначении представленных экспертиз, а также экспертных заключений. Особое внимание при этом следует уделять экспертным ошибкам и способам их обнаружения.

Закрепить полученные знания необходимо комплексом упражнений. Рекомендуем в рамках рассматриваемой темы выполнить ряд следующих практических заданий.

Во-первых, студентам предлагается изучить представленный преподавателем текст и составить таблицу-разработку общих и частных признаков письменной речи.

Во-вторых, обучающиеся пишут определенный текст в привычных для них условиях. В дальнейшем рукопись одного студента передается другому, задача которого заключается в выполнении представленного ему текста максимально приближенно по признакам почерка к первоначальной рукописи. В итоге получают два одинаковых образца, исполненных разными лицами. Затем необходимо произвести их сравнительное исследование по признакам почерка с составлением таблицы-разработки общих и частных признаков почерка. В отношении частных признаков почерка следует в качестве примера привести минимум по одному (из восьми) признаку, который удалось и не удалось повторить при таком копировании.

В-третьих, студентам требуется составить постановление о назначении автороведческой или почерковедческой экспертизы по вымышленному уголовному делу. Указанные практические задания целесообразно задавать в качестве домашнего задания, так как их выполнение требует достаточного количества времени, выходящего за рамки отведенного на семинарские занятия. К тому же предлага-

ется каждое из этих заданий выполнять не в группе, а индивидуально. Только в этом случае достигается необходимая глубина изучения темы.

Помимо рассмотрения теоретических вопросов и выполнения практических заданий, в конце каждого занятия предлагается проводить небольшое тестирование по тематике. Оно может быть устным или письменным, индивидуальным или групповым. Сами тестовые задания при этом следует составлять таким образом, чтобы вопрос был коротким, предполагал однозначный ответ, а не являлся дискуссионным.

Таким образом, считаем, что проведение занятий по теме «Криминалистическое исследование письма» по представленной системе способствует лучшему её усвоению.

А.Н. Недобор

ТАКТИКА ЗАМЕНЫ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Процессуальная деятельность на стадии предварительного расследования представляет собой исключительную сложность¹. В связи с тем, что на сегодняшний день нет конкретных оснований для замены защитника, возникают трудности в удовлетворении заявленного ходатайства о замене защитника.

Исходя из прямого толкования соответствующей нормы, правовым основанием замены является неявка защитника в течение 5 суток с момента заявления ходатайства о приглашении защитника для участия в уголовном деле, а также для участия в производстве конкретного процессуального действия. Однако неявка не является обязательным основанием замены защитника. Срок важен, потому что, согласно указанной норме, подозреваемый, обвиняемый не вправе произвести замену до истечения 5 суток со дня заявленного ходатайства о приглашении (ст. 50 УПК РФ).

¹ Лебедев Н.Ю. Тактика поведения адвоката-представителя потерпевшего в ходе предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14-1. С. 94–95.

Также правовым основанием для замены защитника, на наш взгляд, являются обстоятельства, указанные в ст. 72 УПК РФ, в связи с тем, что они могут быть неизвестны на момент вступления защитника в уголовное дело, а обнаружат себя уже в процессе.

Исходя из анализа научной литературы и действующего уголовного-процессуального законодательства, мы сделали вывод, что оснований для замены защитника может быть множество в связи с тем, что нет ограничителя, что может повлечь необоснованное затягивание процесса. Например, причиной возникновения желания поменять защитника может служить психологическая несовместимость, разные взгляды на развитие того или иного процесса, отличие позиции защитника по делу от позиции его подзащитного¹, ненадлежащее исполнение защитником своих обязанностей, которые он должен исполнять на основании УПК РФ, ФЗ «Об адвокатуре», «Кодекса профессиональной этики адвокатов», если один защитник осуществляет защиту двух подсудимых, когда интересы одного из них противоречат интересам другого (ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвокатов² и др.). Все эти основания, безусловно, влияют не только на обеспечение защиты, но и на доверие между защитником и доверителем.

В связи с тем, что причин замены защитника может быть большое количество, возникают ситуации, при которых подозреваемый или обвиняемый, желая затянуть предварительное или судебное следствие, постоянно заявляет ходатайства о замене защитника. В научной литературе данный приём выделяется как одна из форм противодействия производству по уголовному делу.

В связи с вышеизложенным считаем, что основными общими основаниями для замены защитника являются: неявка защитника, наличие обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, и утрата доверия между защитником и доверителем.

Обращаемся к разъяснению Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-

¹ Путихина Н.В. Сущность и содержание понятия «позиция адвоката-защитника» по уголовному делу // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 8. С. 120.

² Кодекс профессиональной этики адвоката от 31.01.2003 (ред. от 22.04.2015) // Вестник Федеральной палаты адвокатов. URL: http://fparf.ru/documents/normative_acts/.

процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому суд должен выяснить причину отказа от защитника, а при принятии отказа – мотивировать свое решение. Принятые постановления (определения) должны быть разъяснены заинтересованным участникам уголовного процесса¹.

На основании вышеизложенного считаем, что при принятии ходатайства о замене защитника суд должен выяснить, действительно ли у лица, заявляющего ходатайства, есть обоснованные причины заменить «своего» защитника, а значит, при заявлении ходатайства о замене защитника подозреваемый или обвиняемый должны обосновать, по какой причине они ходатайствуют о его замене.

И.А. Обухов

ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Успешное расследование преступлений террористического характера на всех его этапах зачастую обусловлено условиями, в которых оно производится. Существенное влияние на создание таких условий оказывает введение правового режим контртеррористической операции (КТО), применение которого регламентировано Федеральным законом Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон «О противодействии терроризму»).

В отличие от первоначального этапа расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима КТО, последующий этап характеризуется не только наличием большого объема уже произведенных следственных действий и установленных обстоятельств, а прежде всего тем, что в период дей-

¹ Уголовный процесс : учеб. для вузов / Б.Б. Булатов [и др.] ; под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 72.

ствия КТО продолжает существовать угроза совершения террористического акта или преступлений террористического характера. При этом такие угрозы могут исходить как от подозреваемых (обвиняемых), вина которых доказывается результатами предварительного следствия, но они по каким-либо причинам не задержаны, так и от других лиц (соисполнителей, пособников и др.). Кроме того, на последующем этапе расследования следователю могут поступать новые данные о лицах, подготавливающих или совершивших преступления террористического характера. В этом случае подготовка к проведению следственных и иных процессуальных действий, а также их проведение будут зависеть от конкретной сложившейся следственной ситуации.

В этой связи, основными задачами последующего этапа расследования преступлений террористического характера в условиях правового режима КТО являются: установление мест нахождения подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, их задержание; установление соисполнителей преступления, а также лиц, занимающихся террористической деятельностью из числа пособников (осуществляющих финансирование террористического акта, вербовку новых членов незаконных вооруженных формирований (НВФ), и т.д.), и другие задачи, направленные на окончание расследования.

В свою очередь, на последующем этапе расследования данной категории уголовных дел могут складываться следующие типичные следственные ситуации: 1) имеются доказательства вины лица, причастного к совершению преступления террористического характера, но оно по каким-либо причинам не задержано (например, продолжает совершать преступления террористического характера в составе НВФ, находится за границей и т.д.); 2) обвиняемый задержан и ему предъявлено обвинение в совершении преступления. В данной ситуации могут складываться следующие ее виды: 2.1) по уголовному делу имеются доказательства совершения преступления обвиняемым единолично; 2.2) в ходе расследования установлено, что у обвиняемого есть сообщники, которые остаются на свободе; 2.3) в ходе расследования получены доказательства причастности обвиняемого (и его сообщников) к аналогичным преступлениям; 2.4) в ходе расследования установлены все участники преступной группы (НВФ), из которых все лица, являющиеся живыми, задержаны.

Таким образом, выбирая алгоритм действий на последующем этапе расследования, следователю необходимо использовать ситуационный подход при решении криминалистических задач, с учетом обстоятельств события преступления. В случае получения новых данных по уголовному делу они подлежат тщательному анализу и проверки, которые будут осуществляться в условиях правового режима КТО, когда возможность совершения новых преступлений террористического характера сохраняется.

В.В. Овсянников

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ САМОДЕЛЬНЫХ ЗАЖИГАТЕЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ

Согласно официальным статистическим данным, в 2012–2017 гг. в России ежегодно происходит около 140 тыс. пожаров, более 12% из которых составляют поджоги¹. Анализ судебно-следственной практики за указанный выше период времени свидетельствует о росте специально организованных поджогов, подготовленных с использованием самодельных зажигательных устройств (СЗУ). Одной из причин, на наш взгляд, являются вооруженные конфликты за пределами территории России, контртеррористические операции на Кавказе и связанные с ними миграционные процессы, доступность справочной литературы по изготовлению СЗУ в сети Интернет. При этом отмечается устойчивая тенденция к использованию конструктивно сложных СЗУ (снабженных электронным исполнительным механизмом).

Исследование фрагментов сработавших конструктивно сложных СЗУ, а также обнаруженных объектов (СЗУ в несработавшем виде) на данный момент осуществляется, как правило, в рамках проведения пожарно-технической экспертизы, хотя при производстве данной экспертизы невозможно решение вопроса об идентификации лица, изготовившего устройство, так как целью исследования является признание совокупности представленных объектов самодельным зажигательным устройством.

¹ Статистика пожаров в Российской Федерации за 2017 г. МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/activities/stats> (дата обращения: 20.01.2018).

Следует отметить, что поиск следов пальцев рук в ходе осмотра места происшествия, сопряженного с пожаром, непосредственно в зоне оцепления, возможен, а их обнаружение и изъятие с целью установления лиц, причастных к возникновению пожара, значительно способствуют повышению эффективности расследования данной категории дел¹.

Исследования биологических следов человека на осколках после горения зажигательной смеси показали, что наиболее пригодными для исследования ДНК оказались следы крови и слюны. Потожировые следы, оставленные «хорошим» выделителем, возможно обнаружить в смывах с поверхностей даже после воздействия на них зажигательной смеси (обработка бензином)².

Введение радиотехнической экспертизы³ в перечень родов (видов) судебной экспертизы, производимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ, должно способствовать эффективности исследования электронных исполнительных механизмов конструктивно сложных СЗУ, ввиду необходимости их детального изучения, с целью восстановления принципиальной схемы исполнительного механизма, выявления конструктивных особенностей и навыков лица, их изготовившего.

Таким образом, на наш взгляд, существенное повышение эффективности расследования преступлений, сопряженных с пожаром, при обнаружении сработавших и несработавших СЗУ возможно только при назначении комплексных судебных экспертиз: с привлечением специалистов в области исследования ДНК, дактилоскопической экспертизы, экспертизы материалов, веществ и изделий, пожарно-технической и радиотехнической экспертиз.

¹ Овсянников В.В. О возможности обнаружения следов рук человека на объектах вещной обстановки в ходе осмотров мест происшествий, сопряженных с пожаром : материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2017. С. 67.

² Каторов Д.В., Дашко Л.В. Криминалистическое исследование бутылок с зажигательной смесью // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. Вып. 2 (5). Минск, 2017. С. 62.

³ О внесении изменений в Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»: приказ от 27 октября 2015 г. № 1012.

Д.С. Ондар

**ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
КРАЖ ИЗ ЖИЛИЩА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
В СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП**

Допрос является наиболее распространенным в практике следственным действием, и вместе с тем – одним из наиболее сложных по тактике его подготовки и проведения. Одним из факторов криминалистической сложности допроса следует считать существование специфических свойств допрашиваемых лиц, обусловленных их этническими особенностями, которые в наибольшей мере проявляются у жителей сельской местности. Сельская местность всегда выступала и выступает как территория, благоприятствующая сохранению традиций, общекультурных проявлений жизненного уклада, причем в наибольшей мере это происходит в местах компактного проживания лиц одной национальности¹. Другой особенностью сельских жителей является то, что они знакомы друг с другом, часто состоят в различных отношениях родства.. Как правило, это мешает ходу допроса: свидетели могут скрыть свою осведомленность о совершенном преступлении от следователя по указанным выше причинам. В сельской местности моральные оценки и суждения окружающих небезразличны для потерпевших и свидетелей, поэтому допрашиваемые могут опасаться, что знакомые и соседи узнают о даче показаний следователю. Важно понимать сложность сохранения при этом в тайне показаний, полученных в ходе допроса.

На первоначальном этапе расследования взаимодействие следователя и подозреваемого в совершении кражи из жилища сопряжено с наличием скрытого конфликта (74,4% опрошенных следователей отметили данный факт). Для устранения конфликта следователь

¹ Князьков А.С., Ондар Д.С. Факторы, обуславливающие совершение и расследование краж из жилища в сельской местности в специфических условиях жизне-существования населения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4 (22). С. 46.

должен применить ряд комбинаций тактических приемов, направленных на снятие напряженности в ходе беседы перед допросом, использование положительных черт в личности допрашиваемого, оказание помощи в припоминании забытого и т.д. Предотвратить самооговор можно в первую очередь путем исключения передачи допрашиваемому информации о нераскрытой краже. Выявить самооговор позволяют установление алиби подозреваемого, а также использование приема детализации показаний в процессе допроса. В том случае, если лицо продолжает давать ложные показания, эффективными тактическими приемами, как считают практические работники, являются: 1) повторный допрос в иной логической последовательности задавания вопросов (29,7% следователей СУ СК РФ по Сибирскому федеральному округу (СФО) и 33,4% следователей СУ СК РФ по Республике Тыва (РТ)); 2) предоставление допрашиваемому лицу возможности закончить показания, в которых очевидно присутствует ложь, с целью создания ситуации «доведение изложения до абсурда» (25,7% следователей СФО и 20,8% следователей РТ); 3) использование результатов допроса других лиц (16,2% следователей СФО и 20,8% следователей РТ). Использование тактического приема следователем при допросе подозреваемого можно проиллюстрировать следующим примером из судебной практики Республики Тыва. Гражданин С. обвинялся в совершении кражи ноутбука из жилища своего соседа. Он не признавал своей вины. Во время допроса в кабинет следователя вошел один из сотрудников, молча положил на стол следователя ноутбук аналогичной марки, после чего сразу же вышел. Обвиняемый, решив, что это украденный им ноутбук, сознался в содеянном. Применяя такого рода приемы, нужно учитывать, что они могут вызвать самооговор.

Таким образом, учет местных обычаев, нравов и традиций, неформальных названий отдельных участков местности, прозвищ сельских жителей являются предпосылкой продуктивной организации допроса по указанной категории уголовных дел.

ОСОБЕННОСТИ ПОВРЕЖДЕНИЙ ГОЛОВЫ, ФОРМИРУЮЩИХСЯ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ТРАВМЫ (ПАДЕНИЕ НА ПЛОСКОСТИ, УДАР ТВЕРДЫМ ТУПЫМ ОБЪЕКТОМ)

При проведении судебно-медицинской экспертизы одним из вопросов, который решает эксперт, является определение условий формирования повреждений. По результатам интервьюирования (обучающиеся БЮИ МВД России факультета заочного обучения – 50 человек и факультета переподготовки и повышения квалификации – 20 человек) 100% респондентов отметили необходимость решения этого вопроса, 73% обратили внимание на то, что нередко возникают затруднения при определении условий образования повреждений, особенно в случаях черепно-мозговой травмы.

Черепно-мозговая травма с повреждениями кожного покрова, костей свода и основания черепа, головного мозга формируется в условиях падения на плоскости и ударах твердыми тупыми предметами. При изучении материалов судебно-экспертной практики (судебно-медицинские экспертизы: 54 случая падения на плоскости и 132 – удары твердыми тупыми предметами) нами установлено, что наиболее часто при падении на плоскости происходит соударение теменно-височной областью (28 наблюдений), второе место – затылочная область (20 наблюдений) и 6 случаев – соударение затылочной областью.

При падении на плоскости на кожном покрове головы чаще формируются ушибленные раны и кровоизлияния в месте соударения с твердой поверхностью. Переломы костей выявлены в 18 случаях с формированием изолированных трещин на костях основания черепа¹. При падении навзничь переломы затылочной кости зафиксиро-

¹ Янковский В.Э., Шадымов А.Б., Остробородов В.В. Судебно-медицинская диагностика переломов костей мозгового черепа при падениях и при ударах затылочной и теменно-височной областями о твердую широкую поверхность и при ударах твердыми тупыми предметами в эти области // Проблемы экспертизы в медицине. 2006. Т. 6, № 3. С. 23–27; Янковский В.Э., Остробородов В.В. Судебно-медицинская диагностика переломов костей мозгового черепа при

ваны в 12 экспертизах. На костях основания черепа также во всех наблюдениях выявлены изолированные (конструкционные) трещины¹. Формирование черепно-мозговой травмы при падении вперед встретилось в 6 наблюдениях. Повреждения кожного покрова отмечаются в лобной области и в области носа в виде ссадин. Переломов костей черепа не зафиксировано. Повреждения головного мозга в условиях падения представлены кровоизлияниями под оболочки и ушибами его вещества. Наибольшая выраженность кровоизлияний и очагов ушибов головного мозга зафиксирована на противоположной стороне от области соударения.

При ударах твердыми тупыми предметами наиболее часто страдает лицо – 72 наблюдения, на втором месте – теменно-височная области (32 случая), третье место – лобно-теменная область (22 экспертизы), повреждения в затылочной области зафиксированы в 6 случаях. Наиболее часто на кожном покрове головы при ударе твердыми объектами встречаются кровоподтеки, реже – ссадины, последнее место занимают ушибленные раны. Переломы костей носа встретились в 34 наблюдениях. В 42 экспертизах нами выявлены переломы костей свода и основания черепа. Однако в этих случаях изолированные трещины на костях основания черепа не формировались.

Повреждения головного мозга также представлены кровоизлияниями под оболочки и ушибами его вещества, которые располагались на стороне соударения.

Таким образом, комплексная оценка повреждений головы, а именно их расположение на кожном покрове, свойства переломов костей черепа, особенности повреждений вещества головного мозга позволяют эксперту высказаться о характере внешнего воздействия, а следовательно реконструировать условия формирования повреждений.

самопроизвольном не координированном падении на плоскости и ударе твердым тупым предметом с широкой травмирующей поверхностью. Новосибирск : Наука, 2009. 120 с.

¹ Там же.

О.А. Островский

**ИНТРОСПЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧЕТОМ
СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ**

В современном мире положения дактилоскопии используются не только для поиска преступников, но и для аутентификации личности при доступе к смартфону, ноутбуку, защищенному помещению. Это позволяет защитить информацию, хранящуюся в памяти персональных устройств, от неправомерного доступа¹. Исследования, которые проводятся в экспертно-криминалистических подразделениях на основе дактилоскопической экспертизы, почти превысили показатели в 45–50%. Данная технология уже существует давно, но до сих пор не потеряла свою актуальность при расследовании и раскрытии преступлений.

Крупнейшими разработчиками автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС) в мире являются фирмы Cogent INC (США), NEC Technologies (Япония), Sagem Morpho (Франция), Dermolog, Siemens Nixdorf (Германия)². Примерами в РФ могут служить системы «След», «Точка», «Мекар». Однако из-за низкого быстродействия эти системы широкого распространения в отечественных органах внутренних дел не получили.

С бурным развитием технологии дактилоскопии появились новые требования к АДИС, которые обусловлены не только усложнением существующей технической составляющей вопроса³ (в том числе правовой кибернетики), но также и вопросов, связанных с биологи-

¹ Астапкин Д.И., Астапкина С.М. Криминалистика : учеб. пособие. М. : ИНФРА, 2002.

² Bagutdinov R.A., Zaharova A.A. The task adaptation method for determining the optical flow problem of interactive objects recognition in real time // Journal of Physics: Conference Series. 2017. Vol. 803, № 1. P. 12–14.

³ Белкин Р.С. Криминалистика : учеб. для вузов. М. : Норма, 2004.

ческой особенностью и психологическим восприятием человека¹. Например, если раньше проводили технический анализ и сравнение признаков, то в настоящее время используются результаты с учетом аспектов анализа психологии человека². С учетом новых требований к существующим АДИС, автор рекомендует внести некоторые решения, которые отражены на рис. 1.

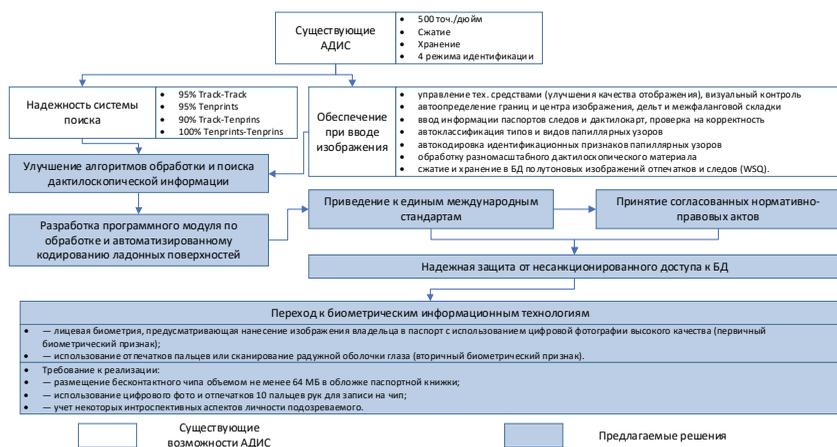

Рис. 1. Предлагаемые решения к улучшению существующих АДИС

Стремительно идет переход на использование в проездных документах и паспортах биометрических технологий. Интерес к данной области тесно взаимосвязан с возрастающей угрозой международного терроризма. Дактилоскопия выходит на принципиально новый уровень своего развития. Создаются единые БД установления личности любого человека в любой момент времени и в любой социальной значимой ситуации. В связи с чем автором предлагаются решения

¹ Островский О.А. Графологический метод гносеологической направленности на стыке между философией, психологией и криминалистики // Молодая наука. 2017. С. 11–16.

² Островский О.А. Дефиниционный анализ корреляционной зависимости информационной модели и криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7 (110). С. 221–225.

существующих проблем, которые будут полезны при усовершенствовании АГИС.

Н.Ю. Русанов

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ О НАЗНАЧЕНИИ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Следователями и /или дознавателями в ходе предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ на основании постановления пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15.06.2006 г.¹, в обязательном порядке назначают химические судебные экспертизы по изъятым веществам и предметам. Обязательность назначения химической судебной экспертизы приводит к поспешности в ее назначении и влечет последующую утрату доказательств. Более продуктивным, по мнению автора, будет назначение комплексной судебной экспертизы, результаты которой могут выявить новые объекты идентификации. Так, при постановке более широкого круга вопросов, экспертом могут быть выявлены следы пальцев рук, биологические и запаховые следы, микроволокна одежды, а также волосы человека и другие объекты идентификации лица. При проведении химической судебной экспертизы вещества и упаковки возможность приобретения новых доказательств существенно уменьшается. Выявление данных объектов при повторном исследовании вещества и упаковки в некоторых случаях невозможно, так как при первоначальном исследовании после физического и химического воздействия объекты идентификации личности могут быть утрачены. Указанные объекты могут быть обнаружены при повторном исследовании, но в случае несогласия с указанным заключением сто-

¹ Постановления пленума Верховного суда РФ № 14 от 15.06.2006 года «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

роны защиты, указанная повторность исследования существенно увеличивает постановку под сомнение данного обнаружения и последующую утрату полученных доказательств в суде. При назначении комплексной экспертизы необходимо не загромождать постановление всем комплексом возможных вопросов, а рационально поставить вопросы, которые могут выявить новые доказательства с учетом допустимого количества доказательств виновности лица, а также с оглядкой на существенное увеличение сроков предварительного следствия.

В момент изъятия веществ и предметов, необходимо обеспечить сохранность следов или объектов. Изъятие и упаковка должны осуществляться способом, позволяющим исключить возможность фальсификации и / или опротестования заключения. Стоит принять к сведению, что некоторые вещества теряют свойства при комнатной температуре, в связи с чем должностное лицо, назначающее соответствующую экспертизу, должно учитывать особенности вещества.

Не стоит шаблонно относиться к такому следственному действию, как назначение судебной экспертизы по изъятым веществам. Заключение эксперта является прямым доказательством, которое сложно опровергнуть в суде и на предварительном следствии. Впоследствии выводы эксперта могут служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, выявлению дополнительных фигурантов преступной деятельности или, наоборот, установить непричастность лица.

Лица, осуществляющие преступную деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, используют достижения научного прогресса и прибегают к новым методам конспирации преступной деятельности, соответственно, каждое дополнительно выявленное доказательство приобретает особую ценность.

Д.В. Сергеева

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОТ

Обстановка совершения преступления входит в состав элементов криминалистической характеристики преступлений. При этом в

криминалистической науке принято выделять обстановку в широком и узком смыслах. В широком смысле под обстановкой понимается политическая, экономическая обстановка, которая влияет на развитие уровня преступности в целом. В узком же смысле нам близко понятие обстановки, данное А.А. Бессоновым: «...обстановка совершения преступления – это система элементов окружающей его объективной реальности (место, время, различные объекты и др.), связь которых с преступным деянием детерминирована объектом (предметом) посягательства и (или) личностью преступника, оказавшая влияние на формирование механизма преступления и его отображения в виде следов, обуславливающая методику его расследования и установление ретроспективной модели совершенного преступления»¹.

По нашему мнению, обстановка совершения преступления имеет особо важное значение при расследовании преступлений, связанных с преступным нарушением правил безопасности при проведении промышленных работ.

Следует отметить, что к указанному виду преступлений нами отнесены:

- ст. 215 УК РФ «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики»;
- ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ»;
- ст. 217 УК РФ «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах».

Соответственно, элементами обстановки при нарушении правил безопасности при проведении промышленных работ являются: время, место, особенности поведения участвующих лиц, а также иные обстоятельства.

Общей особенностью обстановки при совершении указанных нами преступлений является то, что все они совершаются на объектах, обладающих повышенной опасностью и, соответственно, требующих неукоснительного соблюдения правил безопасности.

Таким образом, преступник, как правило, является работником на данном объекте и в момент совершения преступления исполняет свои трудовые обязанности, но с нарушением техники безопасности.

¹ Бессонов А.А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестник СГЮА. 2014. № 6 (101). С. 161.

При расследовании данного вида преступлений необходимо выяснить, по какой причине работником не соблюдались правила безопасности, ведь зачастую подобного рода преступления совершаются по вине работодателя, который не обеспечил своего работника необходимыми техническими средствами и т.д.

При исследовании места совершения преступления следует обратить внимание на возможность проведения работ на данной территории человеком, так как некоторые виды работ должны производиться исключительно с помощью технических средств, т.е. без непосредственного присутствия человека в месте проведения работ.

Особую роль в обстановке совершения преступления имеет время его совершения. Часто на рассматриваемых нами объектах работы ведутся и в ночное время. В случае, если временем совершения преступления является темное время суток, необходимо учитывать освещенность места совершения преступления.

Роль обстановки состоит в том, что она составляет совокупность конкретных условий, при которых может быть совершено преступление. Поэтому особенности обстановки индивидуальны для каждого конкретного вида рассматриваемых нами преступлений.

В.Б. Стукалин

ОБ УЧАСТНИКАХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ МАТЕРИАЛОВ

Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые законодатель предусмотрел как допустимые при осуществлении проверки сообщения о преступлении, предусматривают как возможность применения принуждения при их производстве, так и без него. Как правило, все рассматриваемые следственные действия практически не обладают принудительным воздействием на физических лиц¹. К числу следственных действий, связанных с применени-

¹ Цховребова И.А. Обновленное правовое регулирование проверки сообщений о преступлениях // Публичное и частное право. 2013. № 4. С. 152. Степанов С.А. К вопросу о понятии «следственного действия» // Современные тенденции в

ем мер принуждения, следует отнести освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и истребование документов и предметов. Не рассматривая последнее действие, поскольку, как представляется, законодательно не конкретизирован порядок его производства, обратим внимание на отдельные процессуальные вопросы освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования. Следует отметить, что доказательственное значение их результатов может быть весьма спорно, так как ни процессуальный порядок их производства, ни процессуальный статус их участников на данной стадии законодателем не определены¹.

Для рассматриваемых следственных действий характерен определенный круг субъектов, как обладающих правом их производства, так и субъектов, участвующих в них.

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, рассматриваемые следственные действия на стадии предварительного расследования вправе осуществлять лицо, принявшее к производству уголовное дело, либо иные субъекты по его поручению, в то же время круг субъектов предварительной проверки сообщения о преступлении не конкретизирован. Это может быть и следователь, и дознаватель, и участковый оперуполномоченный. Представляется, что, закрепив возможность производства данных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела, законодательно должен был определить и перечень субъектов, которые имеют право на производство действий в ходе предварительной проверки материалов; соответственно, будет определён процессуальный статус лиц, их производящих.

В настоящий момент эти действия может осуществлять только следователь. Так, ч. 2 ст. 179 УПК РФ определяет, что о «производ-

образовании и науке : сб. науч. тр. по материалам Международной науч.-практ. конф. : в 14 ч. 2014. С. 132–135. Хомяков И.Д. Неотложные следственные действия, производимые командиром воинской части // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 8-1. С. 157–159.

¹ Стукалин В.Б. Отдельные аспекты осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 30–32; Лебедев Н.Ю. Конфликты уголовного судопроизводства, обусловленные несовершенством практики реализации норм оперативно-розыскного права, и пути их разрешения // Закон и право. 2016. № 6. С. 79–86.

стве освидетельствования следователь выносит постановление», ч. 1 ст. 202 УПК РФ определяет, что «следователь вправе получить образцы...». Исходя из текстуального анализа положения указанных статей, иные лица, не осуществляющие расследование, не могут производить данные следственные действия. К числу таких лиц относятся оперуполномоченные (если они не назначены начальником органа дознания дознавателем), участковые уполномоченные полиции.

Представляется, что данный проблемный вопрос требует дальнейшего изучения и разрешения.

И.С. Фоминых

ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ТЕСТИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Метод тестирования как инструмент исследования индивидуальных различий известен достаточно давно – его появление на научном небосклоне датируется концом XIX в. Небезынтересно, что одним из пионеров использования данного метода является Френсис Гальтон (F. Galton) – легендарная в мире криминалистики личность¹. Впоследствии метод стал применяться и в образовательном процессе, в основном, как инструмент контроля успеваемости обучающихся.

Появление персональных компьютеров и внедрение их в образовательный процесс вызвали настоящий ренессанс тестирования, упростив, в первую очередь, достаточно трудоёмкую процедуру анализа полученных результатов. «Ручная» проверка выполненных тестов даже при использовании специальных шаблонов² не могла обеспечить возможности мгновенного – «на лету» – использования полученных результатов в ходе занятия и уж тем более не диагностировала такого разнообразия форм их представления.

¹ Майоров А.Н. Теория и практика создания тестов для системы образования. (Как выбирать, создавать и использовать тесты для целей образования). М. : Интеллект-центр, 2001. С. 15.

² Салтвевский М.В. Криминалистическая техника и тактика (Программированные задания). Киев : РИО МВД УССР, 1973. С. 6.

Автором статьи была разработана тестирующая программа «Си-То» используемая в процессе обучения криминалистике уже 10 лет. Данный опыт, думается, позволяет сделать определённые выводы и поделиться некоторыми основанными на них рекомендациями по использованию метода компьютерного тестирования в процессе преподавания курса криминалистики. Данные рекомендации относятся к возможному решению отдельных проблем тестирования как собственно метода, так и проблем его компьютерной реализации.

Во-первых, в тестах должна широко использоваться графическая составляющая в виде разного рода иллюстраций к вопросам. Практика тестирования показывает, что данное сочетание способствует лучшему усвоению материала обучающимися, т.е. метод тестирования обретает определённый дидактический потенциал.

Во-вторых, тестирование должно быть регулярным. Оптимальный вариант – на каждом занятии. Опросить во время занятия всех студентов по изучаемой теме не представляется возможным из-за значительных на то временных затрат. Выполнение теста, включающего в себя порядка 40 вопросов по ключевым моментам всей темы, занимает не более 15–20 минут и охватывает всю группу. Эта, с позволения сказать, «неотвратимость» регулярного тестирования, стимулирует обучающихся к систематической подготовке к занятиям¹.

В-третьих, в случае регулярности тестирования его желательно проводить в самом начале занятия. Поскольку полученные результаты доступны сразу же после окончания прохождения теста, это даёт преподавателю возможность оценить, какие вопросы не вызвали затруднений у обучающихся, и скорректировать дальнейший ход проведения занятия для углублённого изучения проблемных вопросов изучаемой темы. Таким образом, метод тестирования в дополнение к своей функции инструмента контроля успеваемости становится действенным инструментом оперативного планирования хода учебного процесса, по сути – дидактическим инструментом.

¹ Означенная регулярность не исключает возможности контрольного тестирования по результатам изучения какого-либо раздела криминалистики.

ПРОИЗВОДСТВО НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ДОЗНАВАТЕЛЕМ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Вопросы деятельности органов предварительного расследования всегда вызывают дискуссию как у теоретиков-процессуалистов, так и у практических работников¹. Для производства предварительного расследования в уголовном процессе существует две формы: предварительное следствие и дознание. В последнее время законодатель большое внимание уделяет дознанию, в 2013 г. в уголовном процессе появился новый вид – дознание в сокращенной форме, а в 2015 г. МВД России вышло с законодательной инициативной в проведении особого порядка досудебного производства, поставив под сомнение вновь появившийся институт дознания в сокращенной форме.

В части 3 ст. 150 УПК РФ определены составы преступлений, которые подлежат расследованию в форме дознания². Только в исключительных случаях законодатель допускает передачу этих материалов для расследования в следственные органы. В практической деятельности орган дознания при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия. В пункте 19 ст. 5 УПК под неотложными следственными действиями понимаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Но к самому названию, да и к его законодательному определению больше вопросов, чем ответов. Согласно ч. 1 ст. 157 УПК РФ, орган дознания вправе возбудить уголовное дело при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия

¹ Лебедев Н.Ю., Хомяков И.Д. Особенности расследования преступлений, совершенных военнослужащими внутренних войск МВД России // Закон и право. 2015. № 7. С. 124–128.

² Стукалин В.Б. К вопросу о возможности осуществления неотложных следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. 2016. С. 113.

обязательно, и произвести неотложные следственные действия, а согласно пп. 1 п. 1 ч. 1 ст. 40² УПК РФ, начальник органа дознания уполномочен поручать производство неотложных следственных действий¹. По мнению автора, само определение не только не раскрывает сущность рассматриваемого правового института, но и противоречит нормам, содержащимся в УПК РФ. Исходя определения и вышерассмотренных позиций, неотложные следственные действия производятся органом дознания, а также он может поручить из производство дознавателю. Но в ч. 5 ст. 152 УПК РФ указано, что следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору для направления по подследственности. Значит, и следователь тоже наделен правом производить неотложные следственные действия? Или, может, законодатель, не сумев дать понятие этим действиям, необоснованно отнес в ст. 152 УПК РФ неотложные следственные действия к тем действиям, которые таковыми не являются?

Резюмируя, думается, что для устранения двойственности терминологических неясностей целесообразно внести изменения в УПК РФ и под неотложными следственными действиями признать действия, осуществляемые уполномоченными УПК РФ лицами и государственными органами после возбуждения уголовного дела, если оно им не подследственно.

Н.А. Шаталкина

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРОДАЖЕЙ ТОВАРОВ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ УСЛУГ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В последнее время российские граждане для приобретения товаров и получения услуг все чаще используют специализированные сайты и

¹ Хомяков И.Д. Особенности производства неотложных следственных действий командиром воинской части // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 8-5. С. 73.

мобильные приложения. Подобные сервисы очень удобны, однако, пользуясь ими, каждый рискует стать жертвой интернет-мошенников. Согласно сведениям, представленным на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2017 г. наиболее распространенным видом преступлений было именно мошенничество. Так, с января по ноябрь 2017 г. зафиксировано 204 870 преступлений, предусмотренных ст. 159 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

На первоначальном этапе расследования мошенничеств, связанных с продажей товаров и предоставлением услуг в сети Интернет, допрос потерпевшего является основным источником получения информации для раскрытия преступления. Тактическая грамотность при его проведении позволяет выдвинуть версии о произошедшем преступлении.

Основным требованием к допросу потерпевшего по исследуемой категории уголовных дел является обязательность владения следователем специальными познаниями в области информационных технологий. На этапе подготовки к следственному действию необходимо ознакомиться с информацией о функционировании электронных кошельков, об осуществлении банковских операций через Интернет, особенностях использования интернет-магазинов, а также получить иную информацию в зависимости от особенностей совершенного преступления.

При допросе потерпевшего следователю необходимо учитывать, что его показания не всегда являются объективными. Так, потерпевшие могут, в том числе и умышленно, предоставлять ложные сведения, скрашивая некоторые обстоятельства, стыдясь того, что проявили глупость и позволили себя обмануть. Во избежание подобных ситуаций следователю необходимо убедить потерпевшего, что в случае дачи им правдивых и максимально подробных показаний у правоохранительных органов будет больше шансов установить личность преступника. При общении с потерпевшим недопустимо давать какие-либо критические оценки его действиям.

В ходе допроса потерпевшего по делам о мошенничествах, связанных с интернет-торговлей, необходимо установить следующие обстоятельства:

¹ Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crim-estat.ru/offenses_map.

1. Сведения, касающиеся продажи товара, предоставления услуги, с помощью которого совершено мошенничество.

2. Дата и время поступления звонков (текстовых сообщений) от преступников, номера телефонов потерпевшего и мошенников. Содержание разговора или переписки, описание его голоса, особенности речи, возможность потерпевшего опознать мошенника по голосу.

3. Обстоятельства, в результате которых денежные средства потерпевшего были переведены мошенникам. Реквизиты банковской карты потерпевшего, с которой были похищены денежные средства. Реквизиты банковской карты, электронного кошелька или номер сотового телефона, на которые были переведены денежные средства мошенникам.

4. Размер материального ущерба, причиненного потерпевшему.

Подводя итог, необходимо отметить, что на первоначальном этапе расследования мошенничеств, связанных с продажей товаров и оказанием услуг в сети Интернет, допрос потерпевшего является наиболее важным следственным действием. Его своевременное и грамотное проведение позволяет получить криминалистически значимую информацию для раскрытия и расследования преступления.

А.В. Шебалин

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ¹

Особенности исследуемых криминалистикой преступлений ярко проявляются в элементах их криминалистической характеристики, выступающей важным структурным звеном методики расследования преступлений. Элементы криминалистической характеристики преступлений, являясь значимой информационной основой для конструирования частной криминалистической методики в целом, наиболее ярко отражают специфику последней.

Криминалистическая характеристика преступлений стала одним из базовых понятий науки криминалистики. История развития этого ин-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-33-01160.

ститута показала, что криминалистическая характеристика преступлений не повторяет и не дублирует уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую и иные характеристики преступлений, а рассматривает этот феномен общественной жизни с позиций собственного предмета исследования. Понятие «криминалистическая характеристика преступлений» было введено в научный оборот благодаря двум ученым: А.Н. Колесниченко, использовавшему в автореферате своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук термин «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений»¹, и Л.А. Сергееву, который не только оперировал этим понятием, но и дал его определение².

Анализ научной литературы показал, что существует более 35 определений категории «криминалистическая характеристика преступлений», которые в большинстве своем отражают такие ее существенные черты, как: 1) указание на цель изучения криминалистической характеристики преступлений; 2) системность данных (сведений, признаков, информации), входящих в криминалистическую характеристику преступлений; 3) криминалистическое значение этих данных.

О цели изучения криминалистической характеристики преступлений мнения ученых, в общем, совпадают, однако отличаются друг от друга степенью ее конкретизации. Рассмотрение криминалистической характеристики преступлений как системы сведений осуществляется абсолютным большинством ученых-криминалистов и позволяет описывать как элементы системы, так и связи между ними, проявляющимся во взаимовлиянии этих элементов. Поэтому при формировании понятия криминалистической характеристики вида (группы) преступлений указание на системную упорядоченность содержащихся в нем данных обязательно, как и обязательно выявление взаимозависимостей между ними при раскрытии содержания этого понятия. Лишь при таком подходе можно говорить о практическом значении научных разработок, касающихся вопросов методик расследования видов – групп преступлений.

В преобладающем числе случаев определения понятия «криминалистическая характеристика преступления» критерием отбора

¹ Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 28 с.

² Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4.

признаков, составляющих его содержание, указывается их криминалистическое значение. Таким образом, основанием включения элементов в содержание криминалистической характеристики вида (группы) преступлений является наличие (возможность наличия) в них следовой информации, характеризующей подготовку, совершение и сокрытие преступлений. Следует лишь уточнить, что такое содержание криминалистической характеристики присуще умышленным преступлениям: криминалистическая характеристика неосторожных преступлений, по меньшей мере, не имеет такого элемента, как подготовка преступления.

Таким образом, содержание криминалистической характеристики какого-либо вида (группы) преступлений можно определить, оперируя типичными элементами и используя критерий криминалистической значимости, т.е. степень отражения в них информации о следах рассматриваемого вида (группы) преступлений.

Н.В. Шепель

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ОПЕРАТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ДИАГНОСТИКИ ПО ПРИЗНАКАМ ПОЧЕРКА

В правоохранительной практике нередко возникают случаи, когда необходимо оперативно установить исполнителя рукописи либо подписи по признакам почерка, при этом выделяются две основных способа такого установления: когда установлен предполагаемый исполнитель рукописного документа, следует назначение и производство идентификационной почерковедческой экспертизы, и когда исполнитель рукописного документа не установлен, тогда необходимо прибегнуть к оперативной идентификации и диагностики по признакам почерка с целью выяснения максимально возможного объема информации о лице, выплывшем исследуемую рукопись или подпись.

Современным способам получения розыскной информации являются, в том числе, применение методик определения пола¹, воз-

¹ Левицкий А.Б. Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов : учеб. пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 1990. 185 с.

раста¹, национальной принадлежности², однако такое направление диагностики, как установление профессиональной принадлежности исполнителя рукописи по признакам почерка, является малоизученным. Имеют место случаи, когда представители той или иной профессии выступают в качестве субъектов преступлений, связанных с подделкой документов, иных преступлений. Так, например, гр. Тихомирова Л.А., являясь врачом, совершила подделку нескольких медицинских книжек с целью последующего их использования путем внесения заведомо ложных сведений о прохождении медицинского осмотра, являющегося частью прохождения медицинской комиссии, по итогам которой предоставляется право занимать должности в сфере обслуживания населения³.

Необходимо отметить, что И.И. Кеворковой, А.П. Моисеевым предложен подход ориентировочного установления профессии исполнителя рукописного документа, основанный на наличии в рукописи так называемых профессионализмов, однако данный подход, по утверждению самих авторов, имеет существенный недостаток, так как некоторые специфические термины используются не только в специальной литературе, но и в газетах, журналах, художественной литературе, и поэтому они знакомы широкому кругу людей и могут употребляться не только представителями той или иной профессии⁴.

Одним из ключевых вопросов при создании современных способов установления профессиональной принадлежности исполнителя рукописного текста по признакам почерка является исследование причин и условий формирования «профессионального» письменно-двигательного навыка.

Анализируя изменения признаков почерка лиц определенной профессиональной принадлежности, можно сформулировать выводы

¹ Левицкий А.Б. Методика определения возраста исполнителя рукописных текстов : учеб. пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 1995. 255 с.

² Молоков Э.П. Определение национального языка по графическим особенностям письменности : методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 1997. 80 с.

³ Архив Советского федерального районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело 1-600/2010. URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-ufy-respublika-bashkortostan-s/act-102925043/> (дата обращения: 28.11.2017).

⁴Кеворкова И.И., Моисеев А.П. Использование рукописных текстов для розыска и установления их исполнителей. М. : ВНИИ МВД СССР, 1972. 32 с.

о том, какие частные признаки подвержены наибольшему изменению с установлением действия последующей практикой письма, которая коренным образом влияет на почерк даже тех лиц, у которых в процессе обучения почерк не подвергся существенным изменениям.

Таким образом, несмотря на то, что направление по установлению профессиональной принадлежности исполнителя рукописи по признакам почерка в настоящее время является малоизученным, оно может быть использовано при проведении предварительных исследований почерковых объектов в ходе оперативно-розыскной деятельности. Такие исследования при наличии соответствующей методики в состоянии провести сотрудник оперативного подразделения, например на месте проведения оперативно-розыскного мероприятия.

Н.В. Шкурихина

К ВОПРОСУ О СПОСОБЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Криминалистическая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий – это «научная информационно-познавательная система криминалистических знаний о закономерных криминалистически значимых чертах механизма и обстоятельствах совершения преступления, разрабатываемая в целях оптимизации процесса раскрытия, расследования и предупреждения конкретных преступлений»¹.

Структура криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ, полагаем, должна состоять из четырех основных элементов – следоносителей криминалистически значимой информации. К ним относятся: способ совершения преступления, который в свою очередь складывается из способа приготовления, способа непосредственного совершения, способа сокрытия преступления; механизм следообразования; типичные свойства личности преступника; типичные свойства личности потерпевшего.

¹ Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 27.

В диспозиции ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» законодатель прямо указал только один способ вовлечения – применение насилия или угроза применения (ч. 3 ст. 151 УК РФ), который является квалифицирующим признаком данного преступления и имеет общий характер для всех видов антиобщественных действий.

Согласно действующим уголовно-правовым нормам, насилие может быть как психическим, так и физическим.

В то же время каждый вид антиобщественных действий имеет присущие только ему способы вовлечения несовершеннолетнего в их совершение.

Так, для вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков характерными являются такие способы: советы; ссылки на «взрослость» вовлекаемого несовершеннолетнего; введение в заблуждение в отношении истинных намерений виновного.

Для вовлечения несовершеннолетнего в систематическое потребление одурманивающих веществ чаще всего используется такой способ, как непосредственная демонстрация потребления одурманивающих веществ и уговоры о его якобы «положительном» влиянии на организм.

Для вовлечения в систематическое занятие бродяжничеством и попрошайничеством усматриваются способы: лишение материальной поддержки; крова; пищи. В чистом виде вовлечения в бродяжничество не существует, обычно оно связано с вовлечением в попрошайничество. Хотя последнее может быть и не связано с бродяжничеством, т.е. попрошайничеством занимаются и лица, имеющие постоянное место жительства.

Прошайничество заключается в систематическом выпрашивании у посторонних лиц денег, материальных ценностей, одежды, продуктов питания. Вовлекая несовершеннолетних в такой образ жизни, взрослые обеспечивают себе паразитическое существование, нарушают нормальное развитие личности ребенка, создают условия для приобщения его к преступной деятельности.

Таким образом, установление способа воздействия на несовершеннолетнего с целью вовлечения его в совершение антиобщественных действий служит отправной точкой для выявления следов преступления, а также основанием для выдвижения версий о мотивах и целях действий взрослого вовлекающего.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Любая теория предполагает собственное развитие. Общая теория криминалистики не является здесь каким-то исключением. О перспективах развития криминалистики писали разные авторы¹. Тем не менее активное развитие науки, техники и технологий, свойственное современному глобальному миру, способствует изменению отдельных догм и постулатов прошлого.

Актуальность сегодня, в частности, приобретает включение (среди прочего) в структуру российской общей теории криминалистики положений (сегментов), иллюстрирующих ее значимость в деятельности Международного уголовного суда. Другим оригинальным направлением развития российского (как минимум) фрагмента общей теории криминалистики можно назвать включение в ее структуру элементов, указывающих на значимость криминалистики в процедуре Международного суда ООН. За похожими наименованиями указанных международных судебных органов скрываются два самостоятельных органа. Помимо этого, интересные моменты возникают при анализе криминалистических аспектов, свойственных деятельности Европейского Суда по правам человека. Многочисленные оригинальные аспекты взаимоотношений Российской Федерации с этими международными судебными инстанциями, по нашему мнению, не должны являться препятствием для подобного обогащения общей теории российской криминалистики новыми элементами. Прежде вопрос о роли криминалистической теории в судебной деятельности традиционно анализировался лишь применительно к российским национальным судебным органам².

¹ Коновалов С.И. Вопросы развития общей теории криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. тр. участников междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: РЮИ МВД РФ, 2017. С. 77; Лаврухин С.В. Концепция общей теории криминалистики // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 3 (49). С. 209.

² Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 14.

Можно рекомендовать дополнить и систему российской криминалистики новым разделом: «Организация раскрытия и расследования преступлений в неординарных ситуациях». Традиционно, капитаны судов дальнего плавания (среди которых и военные морские суда) участвуют в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений. Подобная ситуация полностью соответствует действующему УПК РФ. Однако отсутствие комплексных разработок методик расследования преступлений в условиях подобных специфических общественных отношений в будущем сможет стать лишь достоянием истории развития отечественной криминалистики. Схожие ситуации можно диагностировать и при констатации отсутствия конкретных методик расследования преступных деликтов, осуществляемых командирами воинских частей, расположенных за пределами границ РФ. Похожая ситуация и с деликтами, раскрытие и расследование которых ведутся на территории отдаленных зимовок, научных станций и иных объектов. Глава российской дипломатической миссии за рубежом, при определенных обстоятельствах, оказывается вправе, среди прочего, организовывать выявление, раскрытие и расследование отдельных преступлений. Здесь также имеется пространство для дальнейшего развития общей теории криминалистики.

Н.В. Шухова

ПОЛНОМОЧИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОВЕРКЕ ДОКУМЕНТОВ; БДИТЕЛЬНОСТЬ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ВЫЯВЛЕНИЮ ПРИЗНАКОВ ИХ ПОДДЕЛКИ

Принципами деятельности войск национальной гвардии (ВНГ) Российской Федерации¹ являются законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, единоначалие и централизация управления. Для решения задач, обозначенных Федеральным зако-

¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федер. закон от 03 июля 2016 года № 226-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

ном № 226-ФЗ, войска наделены широким кругом полномочий, в числе которых указана проверка документов: удостоверяющих личность (п. 4 ст. 9) разыскиваемого либо подозреваемого в совершении преступления, при наличии административного правонарушения или оснований задержания, согласно федеральному закону; подтверждающих законность (п. 24 ст. 9) владения оружием или его использования. В пункте 25 ст. 9 дано право «устанавливать достоверность сведений, содержащихся в документах, представленных для принятия решения о выдаче»: а) лицензий на приобретение гражданского и служебного оружия; деятельность по торговле оружием, его частями, патронами; экспонированию, коллекционированию; осуществлению частной охранной деятельности; б) разрешений на действия по законному обороту оружия. Оговорены (п. 6, 7 ст. 15) полномочия войск по проверке документов при обеспечении особых правовых режимов (чрезвычайного, военного положения, контртеррористической операции), при их объявлении.

«Сегодня подразделения Росгвардии, в числе которых ОМОН, СОБР, задействованы в сфере государственной правоохранительной деятельности; здесь войска работают совместно с МВД и следственными органами других ведомств»¹. Войска выполняют охрану важных гособъектов, в том числе предприятий ядерно-энергетического и ядерно-оружейного комплексов; участвуют в обеспечении безопасности проведения массовых мероприятий, таких как Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Всемирные военные игры, Кубок конфедераций по футболу, международные форумы (г. Сочи, Владивосток) и др.

Известно, что при совершении преступлений злоумышленники часто используют подложные документы, имеющие признаки материального и интеллектуального подлога. Поэтому с целью обеспечения правопорядка и безопасности, противодействия терроризму, организованной преступности, незаконному обороту оружия и т.д., военнослужащие ВНГ РФ обязаны уметь обращаться с документами любой сложности, знать криминалистические признаки их подделки. Криминалистическое исследование документов, как подраздел криминалистической техники, предлагает рекомендации (в том числе по

¹ Золотов В. Независимое военное обозрение. URL: <http://rosgvard.ru/ru/page/index/nezavisimoe-voennoe-obozrenie-rosgvardiya-uvelichitsya-na-tret>.

применению технико-криминалистических средств), специалисту-криминалисту по исследованию документа на месте происшествия; эксперту, выполняющему заключение по криминалистической экспертизе, и др. Но, очевидно, наиболее актуальными для войск оказываются способы выявления признаков подделки, нацеленные на экспресс-изучение документа¹ при его визуальном осмотре. Для установления достоверности сведений, содержащихся в документах, законом предусмотрено направление военными служащими запроса в соответствующие правоохранительные органы, есть право доставлять лицо в полицию при его задержании. При этом развитие ФС ВНГ РФ как силовой структуры государства, созданной в ответ на внешние и внутренние вызовы, требует от военнослужащих войск быть бдительными, обладать необходимой подготовкой: военно-профессиональной, правовой², в том числе криминалистической, по выявлению признаков подделки документов, востребованной при решении большинства обозначенных законом задач.

В.Л. Юань

ХАРАКТЕРИСТИКА УРОВНЕЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

Большинство существующих в современной криминалистической науке исследований личности обвиняемого можно условно сгруппировать по уровням исследовательской позиции, определяющей методы такого исследования. Речь идет о подходе к исследованию личности, который тесно связан с определением объема изучения личности обвиняемого. Наиболее разработанным является первый исследовательский уровень, на котором изучается определенное

¹ Юхин С.Н. Экспресс-тест документов для выявления в них признаков подделки // Защита информации. 2007. № 6. С. 28–29.

² Снигирев А.Л., Шухова Н.В. Правовая подготовка выпускников вузов войск национальной гвардии РФ в сфере противодействия терроризму. Новосибирск, 2017. С. 158–164.

свойство, черта или сторона личности¹, что делает возможным определять закономерность, характерную для обладателей такого свойства, черты или стороны. Второй уровень менее проработан, он выводит исследование личности обвиняемого на типологию², в рамках которой изучаются характерные для определенного психологического типа группы свойств, черт и сторон личности, ведущим диагностическим признаком при этом является поведение личности, а выявленные в ходе анализа закономерности, характерные для его типа, с некоторыми оговорками распространяются на всех представителей данного типа. Третий уровень привязывает исследование личности обвиняемого к модели, и хотя он известен уже давно, будучи заложенным еще основателем томской криминалистической школой в конце 60-х гг. прошлого века, на сегодняшний день он остается наименее разработанным из трех уровней³. На этом уровне изучаются биологические, социальные и психологические стороны личности, в которые входят различные классифицированные группы признаков, сведений и данных, акцент делается на сбор, анализ и трактовку биографических фактов из жизни личности, при этом типологии являются ведущими ориентирами, позволяющими координировать аналитическую деятельность исследователя.

Таким образом, в целостном виде личность исследуется только на втором и третьем уровнях, наиболее простым в исследовании и применении на практике являются положения, развиваемые на первом уровне, а сложным – положения из третьего уровня, соответственно, низкая детализация исследования, степень индивидуализации такти-

¹ Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М. : Юрид. лит., 1970. С. 12–13; Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. тр. М. : Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. С. 44–62; Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий : учеб. пособие. Свердловск : Изд-во Свердлов. юр. ин-та, 1973. С. 12.

² Алексеева Т.А. Криминалистическая характеристика содержательности как структурного элемента устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 159–161; Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 42–55.

³ Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд-во Том. уни-та, 2009. Т. 1. С. 84–93.

ческих приемов и меньшая эффективность решения криминалистических задач характерны для положений, развиваемых на первом уровне, а высокая – для положений из третьего уровня. Каждый уровень является продолжением предыдущих: положения первого уровня позволяют развивать исследования, проводимые на втором, а положения второго необходимы для третьего уровня. Центральным постулатом в основе каждого из уровней является положение об устойчивости изучаемого явления, позволяющей определять имеющие исследовательскую ценность закономерности, выводы и тенденции: для первого уровня – это устойчивость свойств личности, для второго – устойчивость типологической доминанты (давшей основание для типологии), для третьего – устойчивость биографического факта (являющейся базовой единицей биографии).

НАШИ АВТОРЫ

Абдикеев Марат Нурыевич – доцент Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букедова, кандидат юридических наук, доцент.

Абрамов Иван Александрович – начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Алексеев Вячеслав Владимирович – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Алексеева Татьяна Александровна – преподаватель кафедры уголовного права факультета непрерывного образования Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия.

Алфимова Ольга Александровна – доцент, начальник кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Аниськин Сергей Иванович – старший преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Антонов Тимофей Геннадьевич – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Анцибалова Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

- Аренова Лейла Климентьевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, кандидат юридических наук, доцент.
- Архипов Андрей Валерьевич** – судья Томского областного суда, кандидат юридических наук.
- Архипова Надежда Анатольевна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Ахмедшин Рамиль Линарович** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Ахмедшина Наталия Владимировна** – доцент кафедры уголовного права Института инноватики Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
- Бабушкина Елена Анатольевна** – аспирант Института философии и права СО РАН.
- Батраков Алексей Владимирович** – старший преподаватель кафедры публичного права Сибирского государственного университета путей сообщения.
- Баянов Александр Иванович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Беккер Татьяна Александровна** – помощник судьи Арбитражного суда Омской области, кандидат юридических наук.
- Белицкий Владислав Юрьевич** – доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Бойко Марина Александровна** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Бойко Юрий Леонидович** – доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

- Борисов Денис Вадимович** – адъюкт Нижегородской академии МВД России, оперуполномоченный отделения по ОП № 2 ОЭБиПК УМВД России по г. Томску, лейтенант полиции.
- Бортник Леонид Юрьевич** – старший преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Брызгалов Григорий Евгеньевич** – адъюкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Брыляков Сергей Павлович** – доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Бубербаев Нурлан Дюсентаевич** – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Валеев Марат Тагирович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Васеловская Александра Викторовна** – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Воронин Олег Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Гавриляк Алексей Иванович** – доцент кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат философских наук, доцент.
- Галыгина Ирина Петровна** – доцент Новокузнецкого института (филиал) Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Гамарник Дарья Константиновна** – ассистент кафедры Сибирского университета потребительской кооперации.

Герасимов Алексей Алексеевич – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Голубицкий Юрий Геннадьевич – аспирант Сургутского государственного университета.

Грушин Фёдор Владимирович – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России.

Дворцов Василий Борисович – начальник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Дергач Николай Сергеевич – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.

Егошин Вадим Вячеславович – доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Алтайского института экономики – филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

Ерахмилевич Владислав Валерьевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ермакова Ольга Владимировна – доцент Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Журавлева Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Зейле Николай Иосифович – доцент кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат философских наук, доцент.

Золотарев Дмитрий Александрович – майор внутренней службы, преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и организации исполнения наказаний в УИС Кузбасского института ФСИН России.

Ибрагимова Людмила Дмитриевна – судья в отставке, г. Улан-Удэ.

Иванов Игорь Владимирович – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Исакова Татьяна Валерьевна – доцент, заведующая кафедрой международного права и сравнительного правоведения Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат юридических наук, доцент.

Кабанова Жанна Юрьевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Каданева Елена Александровна – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук.

Казанцев Дмитрий Александрович – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Карелин Дмитрий Владимирович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Каримов Вячеслав Хамитович – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

- Карлов Андрей Леонидович** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России.
- Ким Вячеслав Владимирович** – заместитель начальника кафедры ОРД и ОИН в УИС Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Климачков Александр Вячеславович** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Климов Артём Андреевич** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- Князьков Алексей Степанович** – заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Коголь Татьяна Николаевна** – доцент кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Кожевников Олег Альбертович** – доцент Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Котляр Инна Анатольевна** – начальник правового управления Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Красильникова Марина Сергеевна** – преподаватель кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России, майор внутренней службы, кандидат юридических наук.
- Кремлев Максим Владимирович** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России.
- Куликов Егор Алексеевич** – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Куликова Наталья Андреевна – секретарь судебного заседания Черепановского районного суда.

Латынин Егор Владимирович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и организации исполнения наказаний в УИС Кузбасского института ФСИН России.

Лебедев Николай Юрьевич – доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Лебедева Юлия Вениаминовна – доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом Новосибирского государственного аграрного университета, кандидат психологических наук, доцент.

Лелик Наталия Борисовна – доцент кафедры Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.

Литвиненко Евгений Вячеславович – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Лозинский Игорь Владиславович – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Лядов Эдуард Владимирович – доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Мазур Екатерина Сергеевна – доцент, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, доцент.

Марченко Виктор Сергеевич – преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

- Матюшов Андрей Михайлович** – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Мигунов Олег Семенович** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Мирусин Илья Сергеевич** – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Михалева Дарья Александровна** – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Негодина Олеся Анатольевна** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Недобор Анна Николаевна** – секретарь судебного заседания Заельцовского районного суда г. Новосибирска.
- Никитина Ирина Александровна** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Новиков Егор Евгеньевич** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Обернихина Олеся Валерьевна** – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России.
- Обухов Игорь Анатольевич** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Овсянников Валерий Валерьевич** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

Ольховик Николай Владимирович – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ондар Долаана Сергеевна – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Онищенко Ирина Сергеевна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Опацкая Стелла Павловна – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Остробородов Владислав Владимирович – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

Островский Олег Александрович – аспирант кафедры уголовного права и таможенного дела юридического факультета Новосибирского государственного аграрного университета.

Павленко Андрей Анатольевич – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Пейгин Борис Сергеевич – соискатель, адвокат (Адвокатская палата Томской области).

Писаревская Елена Анатольевна – заведующая кафедрой уголовного права и процесса Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Плохова Валентина Ивановна – доктор юридических наук, профессор Новосибирского государственного университета.

Попов Константин Викторович – соискатель Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Прозументов Лев Михайлович – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук.

Прохорова Мария Владимировна – майор внутренней службы, начальник кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук.

Пупышева Любовь Андреевна – старший преподаватель Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, майор внутренней службы.

Рахматулин Закир Равильевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета.

Русанов Никита Юрьевич – следователь отдела по расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков Следственного управления УМВД России по г. Барнаулу.

Семенова Лада Юрьевна – старший преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Семенюк Руслан Александрович – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Сергеева Дарья Викторовна – юрисконсульт ООО «ТК “Терем”».

Симакина Елена Николаевна – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Смирнов Александр Николаевич – доцент кафедры уголовного права и процесса Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Сорокина Анастасия Владиславовна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института фи-

лософии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Стоун Елена Михайловна – преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Северо-Восточного государственного университета.

Стукалин Владимир Борисович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Ступина Светлана Александровна – доцент Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Судницын Алексей Борисович – начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Сутурин Михаил Александрович – доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Суханова Лидия Геннадьевна – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Алтайского государственного университета, адвокат Адвокатской палаты Алтайского края.

Тепляшин Павел Владимирович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Титаренко Андрей Павлович – младший научный сотрудник Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Ткачев Игорь Олегович – доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Трухин Александр Михайлович – доцент Сибирского института бизнеса, управления и психологии, кандидат юридических наук, доцент.

Уваров Олег Николаевич – полковник внутренней службы, начальник ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области, кандидат юридических наук.

Уткин Владимир Александрович – директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Уткина Светлана Сергеевна – судья Томского областного суда, кандидат юридических наук, доцент.

Филиппова Ольга Валерьевна – заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Юридического факультета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат юридических наук, доцент.

Фоминых Илья Сергеевич – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хомяков Иван Дмитриевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Черноусова Анастасия Владимировна – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Чубраков Сергей Валерьевич – доцент кафедры уголовно-исполнительного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Шаталкина Наталья Андреевна – следователь Следственного отдела МО МВД России «Заринский».

- Шебалин Александр Владимирович** – заместитель начальника кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Шепель Наталья Вячеславовна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Шеслер Александр Викторович** – профессор Кузбасского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.
- Шеслер Виктор Александрович** – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России.
- Шеслер Софья Сергеевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Томского университета систем управления и радиоэлектроники.
- Шкурихина Надежда Валерьевна** – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Шмыгина Ольга Валерьевна** – старший преподаватель Сибирского университета потребительской кооперации.
- Шошин Сергей Владимирович** – доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент.
- Шухова Наталья Викторовна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат технических наук, доцент.
- Юань Владимир Лишиньевич** – преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Плохова В.И. О соотношении названия и диспозиции статьи УК РФ	3
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Уголовная ответственность юридических лиц: аргументы за и против	5
Архипов А.В. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о мошенничестве, присвоении и растрате	7
Ткачев И.О. К вопросу о понятии уголовного проступка	10
Трухин А.М. Состав преступления и мера наказания	11
Лядов Э.В. К вопросу о построении уголовно-правовой санкции	13
Обернихина О.В. Актуальные вопросы применения норм об обратной силе уголовного закона	15
Уткина С.С. Условное осуждение за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и принцип справедливости	17
Васеловская А.В. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания	20
Сорокина А.В. Государственные преступления по проекту УК СССР 1939 г.	22
Валеев М.Т. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ	24
Гальгина И.П. Уголовно-правовая охрана частной жизни несовершеннолетних осужденных	25
Ермакова О.В. Актуальные вопросы применения ст. 158.1 УК РФ	27
Голубицкий Ю.Г. Основание криминализации мелкого хищения ...	29
Шеслер А.В. Момент окончания хищения	31
Никитина И.А. Мошенничество в сфере кредитования: проблемы квалификации	32
Шмыгина О.В. Уголовно-правовое значение угрозы как способа совершения преступлений против собственности	35
Бабушкина Е.А. Являются ли обязательными признаками преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, корыстные мотив и цель?	36

Черноусова А.В. К вопросу о снижении возраста уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ	39
Лозинский И.В. К вопросу о дальнейшем совершенствовании главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации	40
Опацкая С.П. Природные ресурсы как предмет преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ	42
Казанцев Д.А. Некоторые проблемы законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ	44
Матюшов А.М. К вопросу об объективной стороне состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.4 УК РФ	46
Шестлер В.А. Хищение наркотических средств или психотропных веществ лицом с использованием своего служебного положения	48
Гамарник Д.К. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ	50
Красильникова М.С. Вопросы разграничения взятки, коррупционного поведения и подарка	52
Ступина С.А. Актуальные вопросы уголовной ответственности за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества	54
Уткин В.А. Свидания осужденных – элемент изоляции или средство ее преодоления?	55
Прозументов Л.М. Региональная преступность: теоретические аспекты изучения	57
Алексеев В.В. История развития законодательства об условно-досрочном освобождении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте	59
Алфимова О.А. К вопросу о правовой регламентации деятельности отрядов осужденных исправительного учреждения	61
Аниськин С.И. Актуальные проблемы борьбы с поступлением в учреждения ФСИН России запрещенных предметов	62
Антонов Т.Г. Меры принуждения в уголовно-исполнительном праве	64
Аренова Л.К. Противодействие экстремистским формам психологического давления в молодежной среде	66
Ахмедшина Н.В. К вопросу о профилактике киберпреступности	67

Бортник Л.Ю. К вопросу о привлечении к административной ответственности за передачу запрещенных предметов в учреждения УИС	69
Бубербаев Н.Д. Специфика преступности столичного города (на примере г. Астаны)	71
Герасимов А.А. Актуальные вопросы применения мер безопасности в учреждениях УИС	73
Дворцов В.Б. Проблемные аспекты подготовки сотрудников УИС к работе с неформальными группами осужденных, объединенных по социокультурным признакам	74
Золотарев Д.А. Негативное влияние неслужебных связей персонала и осужденных на состояние правопорядка в исправительных учреждениях	76
Каданева Е.А. К вопросу о переводе в тюрьму осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания	78
Каримов В.Х. Значение защиты прав лиц, пострадавших от преступления в уголовно-исполнительном праве	79
Карелин Д.В. Социально-криминологическая обусловленность норм о недостойных наследниках	81
Ким В.В. Проблемы правового регулирования деятельности психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением (уголовно-исполнительный аспект)	83
Коголь Т.Н., Анцибалова О.В. «Новый поворот» Правил Нельсона Манделы	84
Котляр И.А. Система локальных антикоррупционных нормативных актов в образовательных организациях высшего образования	87
Куликов Е.А. Возможности применения метода ретроспективного анализа в криминологии	89
Латынин Е.В. К вопросу о пределах осуществления ОРД оперативными подразделениями учреждений ФСИН России	90
Лелик Н.Б. Проблемы реализации законных интересов осужденных женщин в исправительных учреждениях	93
Мирусин И.С. Сравнительное восприятие труда в исправительных учреждениях осужденными и сотрудниками уголовно-исполнительной системы	95
Новиков Е.Е. О некоторых вопросах фиксации юридических фактов-сроков в уголовно-исполнительном законодательстве	97

Онищенко И.С. Некоторые аспекты отсрочки исполнения наказания в отношении беременных женщин и имеющих малолетних детей, в уголовно-исполнительном законодательстве стран СНГ	98
Павленко А.А. Имплементация международно-правового подхода к одиночному заключению в законодательство России	100
Пейгин Б.С. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства по уголовному законодательству России и стран постсоветского пространства: сравнительно-правовой анализ	102
Попов К.В. Основные причины снижения численности условно-досрочно освобожденных несовершеннолетних	104
Прохорова М.В. Лишение свободы: критика и реальность	105
Писаревская Е.А. К вопросу о законодательной регламентации деятельности по профилактике преступности несовершеннолетних	107
Рахматулин З.Р. Некоторые аспекты применения средств обеспечения непенитенциарного режима ограничения свободы	109
Семенова Л.Ю. К вопросу о взаимодействии при осуществлении охраны учреждений ФСИН России	111
Смирнов А.Н. Проблемы замены неотбытой части наказания более мягким видом	113
Семенюк Р.А. Основные тенденции «пьяной» преступности в России	115
Стоун Е.М. Некоторые особенности детерминант дальневосточной преступности особой тяжести	117
Сутурин М.А. К вопросу о влиянии криминальной субкультуры на несовершеннолетних	118
Тепляшин П.В. Основания, формы и пределы учета зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной политике, практике и законодательстве	120
Тигаренко А.П. Правовое просвещение в свете Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»	121
Филиппова О.В. К вопросу об уголовной политике в сфере предупреждения рецидивной преступности	123
Уваров О.Н. Кара при ограничении свободы	125
Грушин Ф.В. Экстремальные условия как фактор, определяющий развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства ...	127

Ольховик Н.В. Проблемы исполнения исправительных работ в отношении иностранных граждан	129
Чубраков С.В. Уголовно-исполнительное правотворчество: общая системная характеристика	131

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Абдикеев М.Н. Вопросы исторического развития и становления таможенных органов Республики Казахстан	133
Беккер Т.А. Средства контрольных инстанций по выявлению судебных ошибок (кассация и надзор)	134
Борисов Д.В. Проблемы использования результатов ОРД при доказывании по уголовным делам экономической направленности, в частности ОРМ «Получение компьютерной информации»	137
Брыляков С.П. Система поводов для возбуждения уголовного дела требует совершенствования	139
Воронин О.В. К вопросу о понятии экстрадиции	141
Ибрагимова Л.Д. Возвращение уголовного дела прокурору: некоторые практические аспекты применения	143
Исакова Т.В. Альтернативные (компромиссные) формы разрешения правовых конфликтов как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт	145
Карлов А.Л. Обязательства сторон досудебного соглашения о сотрудничестве: правовое значение и последствия неисполнения	147
Климов А.А. Применение судами аналогии права в уголовном процессе	159
Кожевников О.А. Военная полиция как правоохранительный орган	151
Куликова Н.А. Нужен ли в России суд с участием присяжных заседателей	152
Пупышева Л.А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних осужденных в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора	154
Судницин А.Б. Достаточность данных о тяжести преступления для подтверждения основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	156

Суханова Л.Г. Пределы защитительной деятельности адвоката-защитника на стадии исполнения приговора	158

КРИМИНАЛИСТИКА

Абрамов И.А. Оперативно-розыскная характеристика содействия граждан оперативным подразделениям учреждений и органов уголовно-исполнительной системы	160
Алексеева Т.А. Использование особенностей речи допрашиваемого при установлении психологического контакта	162
Архипова Н.А. Особенности фиксации результатов допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля	164
Ахмедшин Р.Л. Современные проблемы типирования личности в криминалистических исследованиях	165
Батраков А.В. Действия следователя по исключению подмены причинных связей в ходе расследования	167
Баянов А.И. Ситуация допроса – динамическая часть фактологического основания процесса принятия криминалистического решения	169
Белицкий В.Ю. Психологическое воздействие на потерпевшего при совершении мошенничества	170
Бойко М.А. Об использовании специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью	172
Бойко Ю.Л. Вновь к вопросу о понятии «криминалистическая характеристика преступления»	174
Брызгалов Г.Е. О проблемах назначения и производства программно-технических судебных экспертиз при расследовании хищений денежных средств с банковских счетов физических лиц, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ	176
Гавриляк А.И. Плюрализм – познавательная процедура в общей теории криминалистики	178
Дергач Н.С., Симакина Е.Н. Современное состояние криминалистической одорологии, ее значение в процессе расследования и раскрытия преступлений и перспективы развития ..	180
Драпезо Р.Г. Риски в оперативной работе по делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления	181

Егошин В.В. О некоторых вопросах организации расследования незаконной охоты	183
Ерахмилевич В.В. Некоторые проблемы расследования преступлений в сфере выплат по программам поддержки сельского хозяйства	185
Журавлева И.А. Судебно-экспертное распознавание и идентификация	187
Зейле Н.И. Человек духовный в пространстве морально-правового дуализма	188
Иванов И.В. О возможностях реализации ситуационного подхода при решении задачи изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в ходе следственного действия с его участием	190
Кабанова Ж.Ю. О понятии «криминалистическая деятельность»	192
Климачков А.В. О некоторых проблемах раскрытия незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого с использованием сети Интернет	194
Князьков А.С. Причинность как категория криминалистики	196
Кремлев М.В. Актуальные проблемы информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях	198
Лебедев Н.Ю. К вопросу о соотношении понятий «расследование» и «раскрытие» преступления	199
Лебедева Ю.В. Психологические особенности проведения очной ставки	201
Литвиненко Е.В. Проблемы криминалистического исследования преступных навыков	203
Мазур Е.С. Проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе своей профессиональной деятельности	205
Марченко В.С. Оперативно-розыскная профилактика в отношении лидеров и активных участников групп осужденных отрицательной направленности в условиях исправительных колоний ФСИН России	207
Мигунов О.С. О некоторых проблемах, возникающих в ходе досудебного производства по фактам сбыта поддельных денежных купюр	209
Михалева Д.А. Особенности тактики осмотра места происшествия по фактам хулиганства	210
Негодина О.А. Практико-ориентированные методы преподавания темы «криминалистическое исследование письма»	212

Недобор А.Н. Тактика замены защитника в уголовном процессе	214
Обухов И.А. Особенности последующего этапа расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции	216
Овсянников В.В. Об исследовании самодельных зажигательных устройств	218
Ондар Д.С. Тактика проведения допроса на первоначальном этапе расследования краж из жилища в сельской местности в специфических условиях жизнедеятельности отдельных этнических групп	220
Остробородов В.В. Особенности повреждений головы, формирующихся при различных условиях травмы (падение на плоскости, удар твердым тупым объектом)	222
Островский О.А. Интроспективные аспекты дактилоскопической экспертизы в процессе раскрытия и расследования преступлений с учетом современных достижений криминалистической техники	224
Русанов Н.Ю. К некоторым вопросам о назначении комплексной судебной экспертизы по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств	226
Сергеева Д.В. Обстановка совершения преступления во время нарушения правил безопасности производства промышленных работ	227
Стукалин В.Б. Об участниках следственных действий, проводимых на этапе предварительной проверки материалов	229
Фоминых И. С. Об опыте использования метода тестирования в процессе обучения криминалистике	231
Хомяков И.Д. Производство неотложных следственных действий дознавателем воинской части	233
Шаталкина Н.А. Особенности тактики допроса потерпевших по делам о мошенничествах, связанных с продажей товаров и предоставлением услуг в сети Интернет	234
Шебалин А.В. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений	236
Шепель Н.В. Современные способы оперативной идентификации и диагностики по признакам почерка	238
Шкурихина Н.В. К вопросу о способе вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий	240
Шошин С.В. Некоторые перспективы развития общей теории криминалистики в современных условиях	242

Шухова Н.В. Полномочия войск национальной гвардии Российской Федерации по проверке документов; бдительность и криминалистическая подготовка к выявлению признаков их подделки	243
Юань В.Л. Характеристика уровней криминалистического исследования личности обвиняемого	245
Наши авторы	248

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 78

Сборник статей

Редактор Ю.П. Готфрид
Компьютерная верстка А.И. Лелюю
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 20.08.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 15,7. Тираж 500 экз. Заказ № 3241.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-714-9

9 785946 217149